

БОЖЬИ ВОИНЫ

АНДЖЕЙ
САПКОВСКИЙ

СВЕТ
ВЕЧНЫЙ

Сага о Рейневане

Анджей Сапковский

Свет вечный

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Сапковский А.

Свет вечный / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
2006 — (Сага о Рейневане)

ISBN 978-5-17-094265-7

Грандиозная трилогия «Божьи воины», повествующая о похождениях бывшего студента-медика, мага Рейневана, волею судьбы присоединившегося к гуситам и ставшего одним из их лучших ратников. Живое Средневековье с его рыцарями-разбойниками, гуситами и крестоносцами, инквизиторскими кострами, смертельными эпидемиями, ведьмами и колдунами, кровавыми битвами и неумными празднествами. Страсть и коварство, дружба и предательство, и многочисленные авантурные приключения героя, решительно отстаивающего свое право на собственную судьбу.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-094265-7

© Сапковский А., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава первая,	8
Глава вторая,	30
Глава третья,	45
Глава четвертая,	56
Глава пятая,	65
Глава шестая,	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анджей Сапковский

Свет вечный

Пролог

Памяти Евгения Вайсброта, прекрасного человека и выдающегося переводчика, который более полувека приближал нашим русским друзьям польскую литературу, посвящая эту повесть.

**Dies irae¹, dies illa
solvat saeculum in favilla,
teste David cum Sibilla...**

Вот день гнева наступает, в прах волна века смывает, все Давид с Сибиллой знают. Будет страх там и стенанье, всем Судья даст наказание. Голос труб оповещает, из могил всех поднимает, и ко трону призывает...

*Tararara, tararara, tararara, dum, dum, dum...
Lacrimosa dies illa,
qua resurget ex favilla
indicandus homo reus
huic ergo parce Deus.²*

Ой, ой-ой-ой, приближается, уважаемые господа и дорогие слушатели, приближается день гнева, день скорби, день слез. Приближается День Суда и наказания. Как говорится в Послании Иоанна: *Antichristus venit, unde scimus quoniam novissima hora est*. Идет, идет Антихрист, приходит последнее время. Близится конец света и завершение существования всего...

Другими словами: хреново, блин.

Антихрист, уважаемые господа и дорогие слушатели, будет из колена Данова.

Рожден будет в Вавилоне. В конце света придет, три с половиной года царствовать сможет. В Иерусалиме свой храм построит, силой царя овладеет, а Церковь Божью разрушит. На огненной печи ездить будет, везде творя дива дивные. Раны свои показывая, сманит верных христиан. Прибудет с мечом и огнем, и силой его будет богохульство, и плечи его – предательство, и десница его – погибель, а шуйца – тьма. Лицо его, как у дикого зверя, лоб высокий, брови сросшиеся... Правый глаз его, как заря поднимающаяся на рассвете, левый неподвижный, зеленый, как у кота, и две зеницы вместо одной. Нос его – как пропасть, губы на локоть, зубы на пядь. Пальцы его, как железные косы...

¹ Древний гимн «День гнева» – составная часть заупокойной службы, известной нам под названием «Реквием».

² Толкование наиболее трудных выражений, религиозных гимнов, ссылки на первоисточники, а также кучу анекдотов и информации «что было после» вы найдете в конце книги. Заранее предупреждаем, что Автор оставил читателям много свободы самостоятельно порыскать по различным словарям, энциклопедиям и покрытым пылью историческим фолиантам. Это ведь самое удовольствие, которого лишит Читателя Автор не хотел бы. – *Примеч. автора.*

Ну-ну! И чего это кричать на деда, уважаемые? Зачем сразу угрожать? За что? За какую провинность? За то, что пугаю? За то, что глумлюсь? Будто ворона каркаю? Вовсе, любезные, не каркаю. Правду говорю, чистую правду заявляю, великими отцами Церкви засвидетельствованную. Да из евангелий почерпнутую! Из апокрифичных, говорите? Ну и что с того, что из апокрифичных? Весь этот мир апокрифичный.

Что там несешь, милая девушка? Что это там так в жбанах пенится? Не пиво, случаем?

Эх, превосходное... Свидницкое, как пить дать...

Эй! А посмотритека в окошко, уважаемые! Может старика глаза обманывают? Или это мне кажется или солнце наконец-то сквозь тучи пробивается? Боже мой, так и есть! Конеч, скоро будет конец слякоти и непогоде. Верю, вы только поглядите, вот блеск мир заливает, опускается с небес столпом золотистым.

Вот свет безграничный.

*Lux perpetua.*³

Хотелось бы такого. Вечного. Хотелось бы...

Что вы говорите? Что раз уж скоро конец слякоти, то хватит сидеть в корчме, и не пора ли в путь? Что вместо того, чтобы болтать ерунду, поскорее рассказать, дабы закончить? Завершить рассказ о том, что там было дальше с Рейневаном и с его любимой Юттой, с Шарлеем и Самсоном в то время, время жестоких войн, когда сошли кровью и почернели от пожарищ земли Лужиц, Силезии, Саксонии, Тюрингии и Баварии? В самом деле, уважаемые, в самом деле. Расскажу, ибо и повесть естественным порядком к концу клонит. Хотя сказать вам должен, что если к счастливому либо веселому завершению повести готовитесь, то жестоко ошибаетесь... Ну что? Опять пугаю? Каркаю? А как тут, скажите, не каркать? Когда такие ужасные вещи в мире творятся? Когда во всей Европе, посмотрите только, беспрестанно шум битвы.

Под Парижем не высыхает кровь на мечях французов и англичан, бургундцев и арманьяков. Непрерывно смерть и пожары на земле французской, постоянно война. Сто лет продолжаться будет что ли?

Англия кипит в мятежах, Глостер на ножах с Бофортами. Будет из-за этого, ой будет, вспомните слова мои, что-то недоброе между Йорками и Ланкастерами, между Белой и Алой Розой.

В Дании гремят пушки, Эрик Померанский противостоит Ганзе, яростный бой ведет с князьями Шлезвика и Гольштейна. Цюрих поднял вооруженное восстание против кантонов, договаривается об единении гельвецкого союза. Медиолан сражается против Флоренции. На улицах Неаполя бесчинствуют завоеватели, солдатня из Арагонии и Наварры.

В московском княжестве гуляют меч и факел. Василий в ожесточенной стычке с Юрием, Дмитрием Косым, Шемякой. *Vae victis!*⁴ Побежденные плачут красными слезами из кровавых глазниц.

Доблестный Янош Хуньяди успешно воюет с турками. Преимущество на стороне детей Арпада! Но уже висит, как Дамоклов меч тень Полумесяца над Семиградом, над долинами Дравы, Тисы и Дуная. Написана, ох написана мадярам горькая судьба болгар и сербов.

Венеция цепенеет от ужаса, когда Мурад II обогранным ятаганом истребляет Эпир и Албанию. Царство Византийское укорочено до размеров Константинополя, Иоанн VIII и брат его Константин с беспокойством взирают со стен, высматривают, уж не нападает ли Осман. Миритесь, христиане Востока и Запада, перед лицом общего врага! Миритесь и объединяйтесь!

Разве что слишком поздно уже...

³ Свет вечный (лат.).

⁴ Горе побежденным (лат.).

Близок великий день Господень, и будет он днем гнева, днем гнета и терзаний, днем разрушения и опустошения, днем темноты и мрака, днем тучи и грозы.

Dies irae...

Предсказал царь Давид в псалмах, сделал пророчество пророк Софония, нагадала языческая вещунья Сибилла. Когда увидите, что брат брата выдает на смерть, что дети восстают против родителей, что жена оставляет мужа и что один народ объявляет войну другому народу, что на всей земле великий голод творится, великие бедствия и многочисленные несчастья, тогда узнаете, что близок конец... Чего? Что говорите? Что все, что я тут перечислил, происходит ежедневно, повсюду и кругом? И вовсе не в последнее время только, а извечно, в круге времени?

Ха, ты прав благородный господин рыцарь с Габданком на гербе, как и ты достопочтенный фратер от святого Франциска. Вы правы, кивая головами и мины умные строя, и вы уважаемые господа, и вы монахи благочестивые, и вы купцы добрые. Правы. Всюду зло и преступление. Ежедневно братоубийство, повсеместно предательство, постоянно кровопролитие. Что ж, действительно, наступил век измены, произвола и насилия, век непрестанной войны. Как же тогда, если такое вокруг творится, распознать: уже конец света, али нет еще? По чем это оценить? Какие знаки показаны будут? Какие *signa et ostenta*?

Головами, смотрю, все киваете уважаемые господа, добрые граждане, праведные монахи. Ведаю, о чем думаете, ибо и я порой над тем размышлял.

А может, думал я, без сигнала все содеется? Без оповещения? Без предупреждения? Вот просто: бац! И конец, *finis mundi*?⁵ Может, нет надежды на спасение? Может полное отсутствие праведных в Содоме? Может, поскольку мы племя коварное, не будет знак нам подан?

Ну, не пугайтесь! Будет. Обещают это евангелисты. Как канонические, так и апокрифичные.

Будут знаки на солнце, месяце и звездах, а на земле тревога народов, беспомощных перед шумом моря и его лавиной. Силы небес содрогнутся. Солнце затмится, месяц светить не будет, а звезды будут падать с небес. И отвяжутся четыре ветра от своих основ. *Movebuntur omnia fundamenta terrae*,⁶ задрожат земля и море, а вместе с ними горы и пригорки. И снизойдет с неба голос архангела, и услышан будет в самых глубоких ущельях.

И на протяжении семи дней будут великие знаки на небе. А какие будут, поведаю. Слушайте!

В первый день придет туча с севера. И будет из нея дождь кровавый на всей земле.

Во второй же день земля будет сдвинута со своего места; врата неба откроются на востоке и дым огня большого заслонит все небо. И будет в тот день великий страх и ужас на свете.

В третий день застонут глубины земли с четырех сторон света, и все пространство заполнится омерзительным смрадом серы. И будет так аж до десятого часа.

В день четвертый диск солнца заслонится и будет темень великая. Пространство будет мрачным без солнца и месяца, звезды прекратят свои услуги. И так будет аж до утра.

В шестой день утро будет туманное...

⁵ конец света (лат.).

⁶ Все основания земли колеблются (Пс., 81:5).

Глава первая,
в которой Рейневана, пытающегося напасть на след
своей любимой, встречают различные неприятности,
в частности, наложенное на него проклятие. В доме и
во дворе, стоя, сидя и работая. А Европа тем временем
изменяется. Приспосабливая новую технику боя.

Утро было туманное, и как на месяц февраль достаточно теплое. Всю ночь намечалась оттепель, на рассвете снег таял, отпечатки подков и выдавленные колесами телег колеи моментально заполнялись черной водой. Оси и валки в телегах скрипели, кони храпели, возницы сонно матерились. Насчитывающая около трехсот повозок колонна двигалась медленно. Над колонной носился тяжелый, удушающий запах соленой сельди.

Сэр Джон Фастольф сонно покачивался в седле.

После нескольких дней мороза вдруг настала оттепель. Мокрый снег, падающий всю ночь, таял быстро. Расстаявший иней капал с елей.

– Гы-ы-ы-р на них! Бей!

– Га-а-а-а!

Шум внезапной драки всполошил ворон, птицы сорвались с голых веток, оловянное февральское небо испещрила черная и подвижная мозаика, насыщенный растаявшей влагой воздух заполнился карканьем. Лязгом и грохотом железа. Криком.

Битва была короткой, но яростной. Копыта изрыли снежное месиво, перемешали его с болотом. Кони ржали и тонко визжали, люди орали. Одни воинственно, другие от боли. Началось внезапно, закончилось быстро.

– Ого-го! Заходи-и-и! Заходи-и-и-и-и-и!

И еще раз. Тише, дальше. Эхо шарахалось по лесу.

– Ого-го-о-о! Ого-го-о-о-о-о!

Вороны каркали, кружась над лесом. Топот помалу удалялся. Крики затихали.

Кровь окрашивала лужи, впитывалась в снег.

Раненый армигер услышал приближающегося всадника, его встревожил храп коня и звон упряжи. Армигер охнул, попробовал подняться, но не смог, напряжение усилило кровотечение. из-под лат панциря сильнее запульсировала карминовая струя, сплывая по металлу. Раненый сильнее уперся плечами в поваленный пень, достал кинжал. Сознывая, насколько скверно это оружие в руках того, кто не может подняться, имея пробитый копьем бок и вывихнутую при падении с коня ногу.

Приближающийся гнедой жеребец был иноходцем, нетипичная постановка ног сразу бросалась в глаза. Всадник на гнедом коне не имел на груди знака Чаши, то есть, не был одним из гуситов, с которыми отряд армигера недавно провел схватку. У всадника не было оружия. И не было доспехов. Он был похож на обыкновенного путника. Раненому армигеру, однако, было известно, что сейчас, в феврале месяце Года Господнего 1429, в районе Стшегомских холмов путников не бывает. В феврале 1429 года по Стшегомским холмам и Яворской равнине не путешествовал никто.

Всадник долго присматривался к нему с высоты седла. Долго и молча.

– Кровотечение, – отозвался он наконец, – надо остановить. Я могу это сделать. Но только в том случае, если ты отбросишь прочь этот стилет. Если ты этого не сделаешь, то я отъеду, а ты управляйся сам. Решай.

– Никто... – охнул армигер. – Никто не даст за меня выкуп... Чтобы потом не получилось, будто я не предупредил...

– Бросишь стилет или нет?

Армигер тихо выругался, швырнул кинжал, сильно махнув наотмашь. Всадник слез с коня, отвязал выюки, с кожаной сумкой в руках встал сбоку на колени. Коротким складным ножом перерезал ремни, соединяющие латы нагрудника и наплечника. Сняв латы, распорол и раздвинул пропитавшийся кровью акетон, низко наклонившись, заглянул.

– Неважно... – пробурчал. – Ох, неважно это выглядит. *Vulnus punctum*, колотая рана. Глубокая. Я наложу повязку, но без дальнейшей помощи нам не обойтись. Довезу тебя к Стшегому.

– Стшегом... осажден... Гуситы...

– Знаю. Не шевелись.

– Я тебя... – выдохнул армигер. – Я тебя, кажется, знаю...

– Мне, представь себе, твоя рожа тоже кажется знакомой.

– Я Вилкош Линденау... Оруженосец рыцаря Борсхница, упокой, Господи, его душу... Турнир в Зембицах... Я вел тебя в башню... Ведь ты... Ты же Рейнмар из Белявы... Ведь так?

– Ага.

– Ты ведь... – глаза армигера изумленно расширились. – Господи Иисусе... Ты ведь...

– Проклят в доме и во дворе? Согласен. Теперь заболит.

Армигер сжал зубы. В самый раз.

* * *

Рейневан вел коня. Скорчившийся в седле Вилкош Линденау охал и постанывал.

За холмом и лесом была дорога, недалеко от нее обгоревшие руины, остатки до основания разрушенных домов, в которых Рейневан с трудом распознал бывший кармель, монастырь ордена *Beatissimae Virginis Mariae de Monte Carmeli*, служащий когда-то домом демеритов, местом уединения и наказания оступившихся священников. А дальше был уже Стшегом. Осажденный.

Осаждающая Стшегом армия была многочисленной, Рейневан с первого взгляда оценил ее на добрые пятьдесят тысяч человек. Таким образом, подтверждались слухи, что Сиротки получили подмогу из Моравии. В декабре прошлого года Ян Краловец вел на силезский рейд почти четыре тысячи бойцов, с пропорциональным числом боевых колесниц и артиллерии. Колесниц в наличии было около пятисот. Что касается артиллерии, то собственно именно сейчас ей представился случай себя показать. Каких-то десять бомбард⁷ и мортир⁸ пальнули с грохотом, заволакивая дымом батарею и подступы. Каменные ядра со свистом полетели в город, врезаясь в стены и дома. Рейневан видел, во что попали снаряды, видел, во что целились. Под обстрел попали Башня Клюва и башня над Свидницкими воротами, главные оборонительные бастионы с юга и востока, а также богатые каменные дома на рынке и приходская церковь. Ян Краловец из Градка был опытным предводителем, знал на ком отвязываться и чье имение рушить. О том, как долго город оборонялся, решали обычно настроения среди городской аристократии и духовенства.

⁷ пушка, стреляющая каменными ядрами.

⁸ короткоствольное орудие крупного калибра для ведения навесного огня.

В принципе после залпа можно было ожидать штурма, но ничто на это не указывало. Дежурные части производили из окопов обстрел из арбалетов, гаковниц и тарасниц, но остальные Сиротки предавались безделью возле привалочных костров и кухонных котлов. Не наблюдалось никакой усиленной активности также в окрестностях шатров штаба, над которыми лениво развевались знамена с Чашей и Пеликаном.

Рейневан направил коня в направлении собственно штаба. Сиротки, возле которых они проезжали, равнодушно сопровождали их взглядом, никто их не задержал, никто не окрикнул и не спросил, кто они. Сиротки могли узнать Рейневана, ибо многие его знали. А может, им просто было всё равно.

– Голову мне здесь снесут... – забормотал с седла Линденау. – На мечях разнесут... Ере-тики... Гуситы... Черти...

– Ничего тебе не сделают, – сам себя убеждал Рейневан, видя приближающийся к нему патруль, вооруженный рогатинами и гизармами. Но для верности говори: «Чехи». *Vítáme vas, bratři!* Я Рейнмар Беява, узнаете? Врач нам нужен! *Felčar!* Пожалуйста, позовите фельдшера!

Когда Рейневан появился в штабе, его с места обнял и расцеловал Бразда из Клинштейна. После него начали трясти ему руку и хлопать по плечах Ян Колда из Жампахы, братья Матей и Ян Салавы из Липы, Пётр Поляк, Вилем Еник и другие, которых Рейневан не знал. Ян Крало-вец из Градка, гейтман Сироток и командующий походом, не дал выхода никаким чрезмерным чувствам. И не казался удивленным.

– Рейневан, – приветствовал он достаточно холодно. – Смотрите, смотрите. Рады видеть блудного сына. Я знал, что ты к нам вернешься.

– Пришло время кончать, – промолвил Ян Краловец из Градка.

Они обошли с Рейневаном линии и позиции. Были одни. Краловец хотел, чтобы они были одни. Он не был уверен, от кого и с чем Рейневан прибыл, ожидал секретных посланий, предназначенных исключительно для его ушей. Узнав, что Рейневан ничьим посыльным не является и никаких посланий не принес, нахмурился.

– Пришло время кончать, – повторил он, входя в окоп и проверяя ладонью температуру ствола бомбарды, охлаждаемой сыромятной шкурой. Смотрел на стены и башни Стшегома. А Рейневан все посматривал на руины разрушенного кармеля. На место, где – целую вечность тому назад – впервые встретил Шарлея. Целую вечность, подумал он. Четыре года.

– Пора кончать, – голос Крловца вырвал его из раздумий и воспоминаний. – Самое время. Мы свое сделали. Хватило нам декабря и января чтобы захватить и одолеть Душники, Быстшицы, Зембицы, Стшеллин, Немчу, цистерцианский монастырь в Генриково, да плюс множество городков и сел. Преподнесли мы немцам науку, запомнят нас надолго. Но уже прошла масленица, уже начался Великий пост, елки-палки, девятый день февраля. Мы воюем, считай, уже более двух месяцев, причем зимних месяцев. Промаршировали, пожалуй, сорок миль. Тянем за собой телеги, тяжелые от трофеев, гоним стада коров. А дисциплина падает, люди устали. Оказала сопротивление нам Свидница, под которой мы стояли целых пять дней. Скажу тебе правду, Рейневан: у нас не было сил на штурм. Гремели пушками, бросали огонь на крыши, пугали, а вдруг свидничане сдадутся или хотя бы захотят вести переговоры, пожеговые выплатить. Но пан Колдиц не испугался, а нам пришлось уйти оттуда ни с чем. Полностью. Домой. Ибо время. Как ты считаешь?

– Я ничего не считаю. Ты тут командуешь.

– Командую, командую, – гейтман резко отвернулся. – Войском, мораль которого катится к чертям собачьим. А ты, Рейневан, пожимаешь плечами и ничего не считаешь. А что дела-ешь? Спасает раненного немца? Паписта? Привозишь, отдаешь лечить нашему фельдшеру. Оказываешь милосердие врагу? У всех на глазах? Дорезал бы его в лесу, мать твою!

– Не думаю, что ты всерьез это говоришь.

– Я поклялся... – проворчал сквозь зубы Краловец. – После Олавы. Дал себе слово, что после Олавы никому не будет милости. Никому.

– Мы не можем перестать быть людьми.

– Людьми? – У гейтмана Сироток едва пена не появилась на губах. – Людьми? А ты знаешь, что случилось в Олаве? В ночь перед святым Антонием? Если бы ты там был, если бы видел...

– Я был там. И видел.

Глядя в удивленные глаза гейтмана, Рейневан без эмоций повторил:

– Я был в Олаве. Я попал туда менее чем через неделю после Трех Царей. Сразу после вашего отъезда. Я был в городе в воскресенье перед Антонием. И все видел. Наблюдал также триумф, который потом праздновал Вроцлав по поводу Олавы.

Краловец какое-то время молчал, глядя из окопа на колокольню стшегомской церкви, с которой как раз начал раздаваться звон, звонко и звучно.

– Значит, не только в Олаве, но и во Вроцлаве ты был, – констатировал он. – А сейчас объявился здесь, под Стшегомом. Как гром среди ясного неба. Появляешься, исчезаешь... Неизвестно откуда, неизвестно как... Люди уж болтают всякое, сплетничают. Начинают подозревать...

– Что подозревать?

– Успокойся, не кипятись. Я тебе доверяю. Знаю, что что-то у тебя серьезное было. Когда ты с нами прощался под Велиславом, двадцать седьмого декабря, на поле битвы, мы уже тогда видели, что у тебя какие-то срочные, очень срочные и неслышанно важные дела. Уладил их?

– Ничего я не улаживал, – не скрывал горечи Рейневан. – Я же проклят. Проклят стоящий, сидящий и работающий. На горах и долинах.

– Как это?

– Это долгая история.

– Обожаю такие.

О приближении сегодня чего-то необычного во вроцлавском соборе объявил собравшимся в храме верным возбужденный гомон тех, что стояли ближе к трансепту⁹ и хору. Они видели и слышали больше, чем остальные, столпившиеся в главном нефе и в двух боковых. Последние вынуждены были сначала удовлетворяться домыслами. И слухами, донесенными растущим, повторяющимся шепотом, проходящим по толпе, словно шелест листьев на ветру.

Большой тумский колокол начал бить, и бил глухо и неспешно, зловеще и мрачно, отрывисто. Язык колокола, это было слышно отчетливо, ударял в медь только односторонне, на одну сторону. Эленча фон Штетенкрон схватила ладонь Рейневана и сильно сжала. Рейневан ответил взаимным пожатием.

*Exaudi Deus orationem meam
cum deprecor a timore inimici
eripe animam meam...*

Портал, ведущий к ризнице, был украшен рельефами, представляющими мученическую смерть Иоанна Крестителя, покровителя собора. Оттуда выходили и пели двенадцать прелатов, членов капитула. Одетые в праздничные стихари, держа в руках толстые свечи, прелаты стояли перед главным алтарем, лицом к нефу.

⁹ поперечный неф (церк.).

*Protexisti me a conventu malignantium
a multitudine operantium iniquitatem
quia exacuerunt ut gladium linguas suas
intenderunt arcum rem amaram
ut sagittent in occultis immaculatum...*

Гомон толпы возрос, резко усилился. Потому что на ступени алтаря вышел собственной персоной епископ вроцлавский Конрад, Пяст из династии олесницких князей. Наивысший церковный сановник Силезии, наместник милостивого пана Зигмунта Люксембургского, короля Венгрии и Чехии.

Епископ был в полном церковном облачении. В украшенной драгоценными камнями митре на голове, в стихаре, одетом на туницу, с пекторалью на груди и изогнутым как крендель епископским посохом в руке, он являл собою что-то действительно величественное. Окружала его аура такого достоинства, заставляющая подумать, что это не какой-то вроцлавский епископ сходит ступенями алтаря, но архиепископ, избранник, митрополит, кардинал, даже сам папа римский. Да что там, – персона более достойная и благочестивая, чем нынешний папа римский. Намного достойнее и благочестивее. Так думали многие собравшиеся в соборе. Да и сам епископ в конце концов думал так же.

– Братья и сестры! – Его сильный и звонкий голос, загрохотав, казалось, под высокими сводами, заставил утихнуть толпу. Затих, еще раз ударив, соборный колокол.

– Братья и сестры! – Епископ оперся на посох. – Добрые христиане. Учит Господь наш, Иисус Христос, чтобы мы прощали грешникам их провинности, чтобы молились за врагов наших. Это добрая и милосердная наука, христианская наука, но не к каждому грешнику может быть она направлена. Есть провинности и грехи, которым нет прощения, нет милосердия. Любой грех и хула будут прощены, но хула против Духа не будет прощена. *Neque in hoc saeculo, neque in futuro*, ни в этом веке, ни в будущем.

Дьякон подал ему зажженную свечу. Епископ взял ее в ладонь, облаченную в рукавицу.

– Рейнмар родом из Беявы, сын Томаша фон Беляу, согрешил против Бога в Троице Единосущного. Согрешил хулой, святотатством, колдовством, отступничеством от веры, да и обыкновенным преступлением.

Эленча, продолжая сильно сжимать руку Рейневана, сильно вздохнула, посмотрела вверх, на его лицо. И снова вздохнула, только теперь тише. На лице Рейневана не отобразилось никакого волнения. Лицо его было мертвым. Будто каменное. «Такое лицо у него было в Олаве, – поражаясь, подумала Эленча. – В Олаве в ночь с шестнадцатого на семнадцатое февраля».

– О таких, как Рейнмар из Беявы, – голос епископа снова возбудил эхо между колонн и аркад храма, – говорит Писание: ибо если, избегши скверн мира чрез познание Господа и Спасителя, опять запутываются в них и побеждаются ими, то конец их горше, чем начало. Ибо лучше бы им было не познать пути правды нежели, познавши ее, отвернуться от данной им святой заповеди. Исполнилось в них то, что написано: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи.¹⁰

– К собственной блевотине, – еще сильнее повысил голос Конрад из Олесницы, – и к луже болота вернулся отступник и еретик Рейнмар из Беявы, разбойник, чародей, насильник, хулитель, осквернитель святых мест, содомит и братоубийца, виновник множества злодеяний, мерзавец, который *ultimus diebus Decembris*, коварно, ударом в спину, лишил жизни доброго и благородного князя Яна, владеющего Зембицами. Поэтому во имя Бога всемогущего, во имя Отца, и Сына и Святого Духа, во имя всех святых Господних, властью нам данной исключаем

¹⁰ 2 Пет., 2:20–22.

отступника Рейнмара из Беявы из сообщества Тела и Крови Господа нашего, отрубая ветвь, соединяющую его с лоном святой Церкви, и прогоняем его из собрания верных.

В тишине, наступившей в нефах, было слышно только сопение и вздохи. Чейто приглушенный кашель. И чью-то икоту.

– *Anathema sit!* Отлучен Рейнмар из Беявы! Будь он проклят в доме и во дворе, проклят в жизни и в кончине, стоящий, сидящий, в работе и в движении, в городе, в селе и на пашне, проклят на полях, на лесах, на лугах и пастбищах, в горах и в долинах. Хворь неизлечимая, *pestylencia*,¹¹ язва египетская, геморойды, чесотка и парша пусть падут на его глаза, горло, язык, губы, шею, грудь, легкие, уши, ноздри, плечи, на яички, на каждый член от головы до пят. Будь проклят его дом, его стол и его ложе, его конь, его пес, будь прокляты его еда и напитки, и всё, чем он обладает.

Эленча чувствовала, как слеза сбегает по ее щеке.

– Объявляем, что на Рейнмара из Беявы наложена вечная анафема, что он низвергнут в бездну вместе с Люцифером и падшими ангелами. Считаем его трижды проклятым без какой-либо надежды на прощение. Пусть *lux*, свет его навсегда, на веки веков будет погашен, чтобы все знали, что отлученный должен погаснуть в памяти Церкви и людей. Да будет так!

– *Fiat! Fiat! Fiat!* – проговорили могильными голосами прелаты в белых стихарях.

Вытянув перед собой в выпрямленной руке громничную свечу, епископ резко перевернул ее пламенем вниз и опустил. Прелаты последовали за ним, стук брошенных на паркет свечей смешался с чадом горячего воска и копотью потушенных фитилей. Ударил большой колокол. Три раза. И замолчал. Эхо долго блуждало и стихало под сводами.

Издавали смрад воск и копоть. Издавала смрад, испаряясь, мокрая и долго не меняемая одежда. кто-то кашлял, кто-то икал. Эленча глотала слезы.

Колокол в соседней церкви Марии Магдалины двойным *pulsation* объявил нону. Эхом ей вторила немного опоздавшая церковь Святой Элизабеты. За окном улица Сапожная заполнялась шумом и громоханием колес.

Каноник Отто Беесс оторвал глаза от иконы, представляющей мучения святого Варфоломея, единственной декорации строгих стен помещения, кроме полки с лампадками и распятием.

– Очень рискуешь, парень, – сказал он. Это были первые слова, которые он промолвил, с того момента, когда открыл дверь и увидел, кто стоит. – Очень рискуешь, показываясь во Вроцлаве. В моем разумении это даже не риск. Это дерзкое безумие.

– Поверь мне, преподобный отче, – опустил глаза Рейневан. – Я бы здесь не появился, не имей на то причин.

– О которых догадываюсь.

– Отче...

Отто Беесс хлопнул ладонью по столу, быстро поднял вторую руку, приказывая молчать. Сам тоже молчал долго.

– Между нами, – сказал наконец он, – тот человек, которого четыре года тому, после убийства Петерлина, благодаря мне, ты вытащил от стшегомских кармелитов... Как он говорил его зовут?

– Шарлей.

– Шарлей, ха. Все еще имеешь с ним связь?

– В последнее время нет. Но вообще-то да.

– Так вот, если вообще-то встретишь этого... Шарлея, передай ему, что у нас с ним горшки побиты. Подставил он меня сильно. К чертям пошли его рассудительность и растороп-

¹¹ чума (лат.).

ность, которыми он когда-то славился. Вместо Венгрии, как должен был, повез тебя в Чехию, затащил к гуситам...

– Не затащил. Я сам пристал к утраквистам. По собственной воле и по собственному решению, которое принял после долгих размышлений. И я считаю, что поступил верно. Правда на нашей стороне. Я считаю...

Каноник снова поднял ладонь, веля замолчать. Его не интересовало, что считает Рейневан. Выражение его лица не оставляло в этом никаких сомнений.

– Как я говорил, я догадываюсь о причинах, которые привели тебя во Вроцлав, – сказал он наконец, поднимая взгляд. – Догадался я о них без труда, причины эти у всех на устах, никто ни о чем другом и не говорит. Твои новые единомышленники и братья по вере, твои соратники в борьбе за правду, твои друзья и товарищи уже два месяца опустошают земли Клодзка и Силезии. Два месяца в порядке борьбы за веру и правду твои братья, Сиротки из Краловца, убивают, жгут и грабят. Остался пепел от Жембице, Стшелина, Олавы, и Немчи, дотла ограбили генриковский монастырь, обесчестили и опустошили половину Надодры. Сейчас, как говорят, обложили Свидницу. А ты вдруг появляешься во Вроцлаве.

– Отче...

– Молчи. Смотри мне в глаза. Если ты прибыл сюда, как гуситский шпик, диверсант либо эmissар, покинь мой дом немедленно. Спрячься где-нибудь в другом месте. Не под моей крышей.

– Огорчили меня, – Рейневан выдержал взгляд, – твои слова преподобный отче. И подозрение, что я способен на подобную низость. Подумай, что я рисковал и подвергался опасности...

– Ты меня подвергал опасности, приходя сюда. За домом могут следить.

– Я был осторожен. И смогу...

– Знаю, что сможешь, – довольно резко прервал его каноник. – И знаю, что именно ты сможешь. Слухи разносятся быстро. Смотри в глаза. И говори прямо: ты здесь как шпион или нет?

– Нет.

– Значит?

– Я нуждаюсь в помощи.

Отто Беесс поднял голову, посмотрел на стену, на икону, на которой язычники при помощи большущих щипцов сдирали кожу со святого Варфоломея. Потом снова посмотрел в глаза Рейневана.

– Ох, нуждаешься, – подтвердил он серьезно. – Очень нуждаешься. Больше, чем ты думаешь. Не только на этом свете. На том также. Утратил ты меру, сынок. Утратил меру. На стороне своих новых товарищей и братьев по новой вере ты стоял так ревностно, что сделался известным. Особенно после декабря прошлого года, после битвы под Велиславом. Окончилось так, как должно было закончиться. Сейчас, если позволишь дать совет, молись, кайся и искупляй. Голову посыпай пеплом, да обильней. Иначе со спасением души у тебя дела плохи. Знаешь, о чем речь?

– Знаю. Я был при этом.

– Был. В соборе?

– Был.

Каноник молчал какое-то время, постукивая пальцами по крышке стола.

– Много бываешь, – сказал он наконец. – Боюсь, что слишком много. Я бы на твоём месте ограничил это бывание. Возвращаясь *ad rem*: с двадцать третьего января, от воскресенья *Septuagesimae*, ты пребывал вне Церкви. Знаю, знаю, что ты на это скажешь, гусит. Что это наша Церковь неправильная и отступная, а твоя права и правильная. И что тебе плевать на анафему. Плюй, если хочешь. В конце концов, не время и не место сейчас для теологических дискуссий.

Я уже понял, что пришел ты сюда искать помощи не в вопросах спасения души. Ясно, что речь идет о вещах более мирских и обыденных, скорее о *profanum*, чем о *sakrum*. Говори же. Рассказывай. Признавайся, что тебя гложет. А так как перед вечерей я должен быть на Тумском Острове, рассказывай покороче. Насколько возможно.

Рейневан вздохнул. И рассказал. Покороче. Насколько возможно. Каноник выслушал. Выслушав, вздохнул. Тяжело.

– Ох, парень, парень, – промолвил, качая головой. – Становишься чертовски малооригинален. Что ни проблема у тебя, то все из одной и той же бочки. Любая твоя забота, выражаясь по ученому, *feminini generis*.

Земля дрожала от ударов копыт. Табун галопом шел через поле, как в калейдоскопе мелькали лоснящиеся бока и зады, гнедые, вороные, серые, буланные, в яблоках и каштанах. Развевались хвосты и буйные гривы, белый пар из ноздрей. Держка де Вирсинг, оперевшись двумя руками на луку седла, смотрела. В ее глазах были радость и счастье, можно было бы подумать, что это не коневод смотрит на своих жеребчиков и кобылок, но мать на своих деток.

– Выходит, Рейневан, – повернулась она наконец, – что каждое твое переживание из одной и той же бочки. Каждая твоя проблема, выходит, носит юбку и косы.

Она пустила сивку рысью, устремила за табуном. Он поспешил за ней. Его конь, стройный гнедой жеребец, был иноходцем, Рейневан не до конца еще освоился с нетипичным ритмом его хода.

Держка позволила ему с ней поравняться.

– Не получится мне помочь тебе, – сказала с усилием. – Единственное, что я могу сделать для тебя, так это подарить жеребца, на котором сидишь. И мое благословение в придачу. А также пришпиленный к узде медальон со святым Елисеем, покровителем коневодов. Это хороший скакун. Сильный и выносливый. Пригодится тебе. Бери от меня в дар. В знак большой благодарности за Эленчу. За то, что ты для нее сделал.

– Я лишь оплатил долг. За то, что она когда-то для меня сделала.

– Кроме коня, могу посодействовать еще советом. Возвращайся во Вроцлав, проведай каноника Отто Беесса. А, может, ты уже виделся с ним? Будучи во Вроцлаве с Эленчей?

– Каноник Отто в немилости в епископа. Кажется, именно из-за меня. Может питать обиду, может вообще не обрадоваться моему визиту. Который может ему повредить...

– Какой заботливый! – Держка выпрямилась в седле. – Твои визиты всегда могут повредить. Едучи сюда ко мне, в Скалку, ты не подумал об этом?

– Подумал. Но дело было в Эленче. Я боялся пустить ее одну. Хотел отвезти безопасно...

– Знаю. Я не слепа, коль ты приехал. Но помочь не могу. Потому что боюсь.

Держка отодвинула соболиный колпак на затылок, потеряла лицо ладонью.

– Напугали меня, – сказала она глядя в сторону. – Напугали донельзя. Тогда, в двадцать пятом, в сентябре, под Франкенштейном, у Гороховой горы.

Ты помнишь, что там было? Надрожалась тогда так, что... Да что там говорить... Рейневан, я не хочу умирать. Я не хочу закончить как Ноймаркт, Трост и Пфефферкорн, как позже Ратгеб, Чайка и Посхман. Как Клюгер, сожженный в доме вместе с женой и детьми. Я прервала торговлю с Чехией. Не занимаюсь политикой. Сделала пожертвование на вроцлавский собор. И второе, не меньшее, – на епископский крестовый поход против гуситов. Надо будет, дам еще больше. Лучше это, чем увидеть ночью огонь над крышей. И Черных всадников во дворе. Хочу жить. Особенно сейчас, когда...

Запнулась, задумавшись, скручивала и мяла в ладони ремень вожжей.

– Эленча... – закончила она, отводя взгляд. – Если захочет, поедет. Я не буду ее задерживать. Но если бы она изъявила желание остаться здесь, в Скалке... Остаться на... Надолго. То я не буду иметь ничего против.

– Задержи ее здесь. Не позволяй, чтобы она снова пошла куда-то добровольцем. У девушки есть сердце и призвание, но больницы... Больницы перестали в последнее время быть безопасными. Задержи ее в Скалке, пани Держка.

– Постараюсь. Что же касается тебя...

Держка повернула коня, направила его, став с Рейневаном стремя в стремя.

– Ты, родственничек, здесь гость желанный. Заезжай, когда захочешь. Но, на святого Елисея, имей немного приличия. Имей по отношению к этой девушке хоть немного сердца. Не тревожь ее.

– То есть?

– Не плачься перед Эленчей о своей любви к другой. – Голос Держки де Вирсинг обрел жесткие нотки. – Не признавайся ей в любви к другой. Не рассказывай, как велика эта любовь. И не вынуждай ее сочувствовать тебе по этому поводу. Не вынуждай ее мучиться.

– Не пони...

– Понимаешь, понимаешь.

– Ты прав, отче, – горько признал Рейневан. – Действительно, что ни проблема, то все женского рода, и множатся эти проблемы, поистине как грибы после дождя... Но сейчас самая большая проблема – это Ютта. А я в полном тупике. Абсолютно не знаю, что делать...

– Ну, тогда нас двое, – объявил серьезно каноник Отто Беесс. – Ибо я тоже не знаю. Я тебя не прерывал, когда ты длил свою повесть, хотя местами звучала она как песнь трубадура, поскольку содержала столько же фантастических невероятностей. Особенно не могу себе представить инквизитора Гжегожа Гейнча в роли похитителя панночек. Гейнч имеет собственную разведку и контрразведку, имеет сеть агентов, известно также, что он давно пытается усилить проникновение в среду гуситов, – любыми способами. Но похищение девушки! что-то никак не могу в это поверить. Хотя, все может быть.

– То-то и оно, – буркнул Рейневан.

Каноник уставился на него, ничего не говоря. Постукивал пальцами по столешнице.

– Сегодня *Purificatio*,¹² – сказал наконец. – Второй день февраля. После битвы под Велиславом прошло пять недель. Полагаю, что все это время ты проводил в Силезии. Где ты был? Может, монастырь в Белой Церкви посетил?

– Нет. Сначала было такое намерение... Настоятельница монастыря была чародейкой. Магия могла помочь в поисках Ютты. Но я туда не поехал. Тогда... Тогда я навлек на них опасность, на Ютту и на монахинь, на весь монастырь, едва не сделался причиной гибели. Слишком...

– Слишком боялся посмотреть настоятельнице в глаза, – холодно закончил каноник, – вскоре после того, как умертвил ее родного брата. А с навлеченным на монастырь несчастьем ты прав, а как же. Грелленорт не забыл. Епископ распустил конвент, клариски рассредоточены по разным монастырям, настоятельница выслана на покаяние. Ей еще повезло. Сестринство Свободного Духа, бегинская Третья Церковь, катаризм, магия... За это идут на костер. Епископ приказал бы сжечь ее, как пить дать, и глазом не моргнул бы. Однако как-то несподручно ему было судить за ересь и колдовство родную сестру князя Яна Зембицкого, которого он в то же время выставлял мучеником за веру, за душу которого приказал отслужить панихиду и бить в колокола на все Силезию вдоль и поперек. Аббатисе сошло с рук, отделалась раскаянием. Была колдуньей, говоришь? О тебе тоже говорят, что ты чародей. Что знаешь толк в чарах, с чародейками и всякими монстрами водишься. Почему же тогда у них помощи не ищешь?

– Я искал.

¹² Сретенье Господне (лат.).

Село Граувейде не было сожжено, уцелело. Уцелевшим вышло также расположенное в полмиле дальше поселение Мечники. Это вселяло надежду, наполняло оптимизмом. Тем большим и болезненным было разочарование.

В монастырском селе Гдземеж не осталось почти ничего, впечатление необитаемости и запустения усиливал снег, толстым слоем покрывавший пепелище, снег, из яркой белизны которого кое-где торчали черные обугленные колонны, балки и грязные дымоходы. Не намного больше осталось от расположенного на краю села заезжего двора «Под серебряным колокольчиком». На месте, где он был, из-под снега выглядывала беспорядочная груда балок, стропил и коньков крыш, опирающаяся на остатки построенной конструкции и кучу почерневшего кирпича.

Рейневан объехал развалины кругом, вглядываясь в пожарища, все время пробуждающие милые воспоминания прошедшего года, зиму с 1427 на 1428 год. Конь осторожно ступал по щетинящемуся, оплавленному, огрубевшему снегу, переступал через балки, высоко приподнимая копыта.

Над остатками стены поднималась полоска сизого дыма, почти идеально вертикальная в морозном воздухе.

Слыша храп коня и скрип снега, стоя на коленях возле маленького костра, бородатый бродяга поднял голову, приподнял слегка падающую на брови меховую шапку. И вернулся к своему занятию, коим было раздувание жара, прикрытого полкой шубы. Поодаль, под стеной, стоял закопченный котелок, сбоку отдыхали требуха, куль и снабженная ремнями котомка.

– Слава Иисусу, – поприветствовал Рейневан. – Ты оттуда? Из Гдземежа?

Бродяга поднял глаза, после чего вернулся к раздуванию.

– Здешние люди – куда подались? Может, знаешь? Корчмарь, Марчин Прахл с женой? Не знаешь случайно? Не слыхал?

Бродяга, как можно было сделать вывод из его реакции, либо не знал, либо не слышал, либо игнорировал Рейневана и его вопросы. Либо был глухим. Рейневан порылся в сумке, задумавшись, насколько может уменьшить свое скромное обеспечение. Краем глаза уловил какое-то движение.

Сбоку, под приземистым суком обвешенного сосульками дерева, сидел ребенок. Девочка, самое большее лет десяти, черная и худая, как тощая ворона. Глаза, которыми она в него вонзалась, тоже были вороньи: черные и как стекло неподвижные. Бродяга подул в жар, проворчал, поднялся, поднял руку, что-то пробормотал. Огонь с треском выстрелил из кучи хвороста. Девочка-вороненок радостно отреагировала. Удивительным, свистящим и совсем нечеловеческим звуком.

– Йон Малевольт, – сказал громко, медленно и выразительно Рейневан, начиная понимать, кто перед ним. – Мамун Йон Малевольт. Не знаешь, где я мог бы его найти? У меня к нему дело, дело жизни и смерти... Я знаю его. Я его друг.

Бродяга поместил котелок на поставленных возле огня камнях. И поднял голову. Смотрел на Рейневана так, будто лишь сейчас отдал себе отчет в его присутствии. Глаза у него были пронзительные. Волчи.

– где-то в этих лесах, – продолжал медленно Рейневан, – обитают две... Две женщины. Обладающие, хм-м... Обладающие Тайным Знанием. Я знаком с этими дамами, но не знаю дороги. Ты не соизволил бы мне ее показать?

Бродяга смотрел на него. По-волчи.

– Нет, – сказал он наконец.

– Что – нет? Не знаешь или не хочешь?

– Нет – это нет, – сказала девочка-вороненок. С высоты, с верха стены. Рейневан понятия не имел, как она там оказалась, каким чудом могла туда попасть, причем незаметно, из-под дерева, где только что сидела.

– Нет – это нет, – повторила она с присвистом, втягивая голову в худые плечи. Рассыпавшиеся волосы падали ей на щеки.

– Нет – это нет, – повторил бродяга, поправив шапку.

– Почему?

– Потому. – Бродяга широким жестом показал на пепелища. – Потому что вы взбесились в своих злодействах. Потому что огонь и смерть перед вами, а после вас гарь и трупы. И вы еще осмеливаетесь задавать вопросы. Совета просить? О дороге расспрашивать? Друзьями называться?

– Друзьями называться? – повторил, как эхо, Вороненок.

– Что с того, – бродяга не отводил от Рейневана волчьего взгляда. – Что с того, что был ты тогда, как один из нас, на Гороховой горе? Это было когда-то. Сейчас ты, сейчас вы все преступлением и кровью заражены, как чумой. Не несите нам ваших болезней, держитесь подальше. Иди себе отсюда, человек. Иди себе.

– Иди себе, – повторил Вороненок. – Не желаем тебя тут.

– Что было потом? Куда ты попал?

– В Олаву.

– В Олаву? – каноник резко поднял голову. – Только не говори мне, что ты был там...

– В воскресенье перед Антонием? А как же. Был.

Отто Беесс молчал долго.

– Тот поляк, Лукаш Божичко, – сказал каноник, – это следующий загадочный вопрос в твоём рассказе. Я как-то видел его возле инквизитора раз, может два раза. Бегал за Гжегожем Гейнче по пятам, семенил за ним, как прислужник. Не произвел впечатления. Скажу так: на всемогущего серого кардинала он похож в такой же мере, как наш епископ Конрад на набожного и добропорядочного аскета. Выглядит, будто до трех с трудом считает. А если бы я захотел нарисовать *ничто*, то взял бы его, чтобы он мне позировал.

– Боюсь я, – серьезно сказал Рейневан, – что его внешность обманчива. Боюсь этого из-за Ютты.

– В обманчивость можно поверить, – кивнул головой Отто Беесс. – В последнее время видимость некоторых развеялась на моих глазах. Приводя в состояние ступора тем, что увидел, когда все развеялось. Но видимость – это одно, церковная иерархия – другое. Ни этот Божичко, ни любой другой порученец не сделал бы ничего самовольно, и даже не попробовал бы что-то делать за спиной инквизитора, без его ведома. *Ergo*,¹³ приказ похитить и лишить свободы Ютту Апольдовну должен был дать Гейнче. А этого я себе никоим образом представить не могу. Это полностью не согласуется с моим представлением об этом человеке.

– Люди меняются, – закусил губу Рейневан. – На моих глазах тоже в последнее время развеялись видимости некоторых. Я знаю, что все возможно. Все может случиться. Даже то, что трудно себе представить.

– Что правда, то правда, – вздохнул каноник. – Много дел, случившихся в последнее время, я тоже раньше никак себе не мог представить. Мог ли кто предположить, что я, препозит кафедрального капитула, вместо того, чтобы продвигаться к рангу инфулата, епископа епархии, а может, даже епископа титулярного *in partibus infidelium*,¹⁴ буду понижен до ранга простого церковного певчего? И то благодаря сыночку моего наилучшего друга, незабвенного Генрика Белявы?

– Отче...

¹³ Следовательно (*лат.*).

¹⁴ на землях неверных (*лат.*).

– Молчи, молчи, – каноник безразлично махнул рукой. – Не кайся, не провинился. Даже если бы я тогда предвидел, чем это всё закончится, я помог бы тебе и так. Я помог бы тебе и сейчас, когда за связь с тобой, гусит несчастный, грозят последствия во стократ более грозные, чем немилость епископа. Но помочь тебе я не в состоянии. Не имею власти. Не имею информации, а ведь власть и доступ к информации нераздельны. Не имею информаторов. Верных мне и заслуживающих доверия людей находят зарезанными в закоулках. Остальные, и слуги тоже, вместо того, чтобы доносить мне, доносят на меня. Вот хотя бы отец Фелициан... Ты помнишь отца Фелициана, которого называли Вшивым? Это он обрехал меня перед епископом. И продолжает обрехивать. Епископ за это помогает подниматься по карьерной лестнице, не ведая, что этот сукин сын... Ха! Рейневан!

– Что там?

– Тут мне мыслишка пришла в голову. Как раз в связи с Фелицианом собственно. Относительно твоей Ютты... Сгодился бы, наверное, один способ... Может и не самый лучший, но другие решения пока что в мою голову не приходят... Правда, дело требует времени. Несколько дней. Ты можешь остаться во Вроцлаве несколько дней?

– Могу.

На вывеске над входом в баню были нарисованы святые Косьма и Дамиан, покровители цирюльников. Первый был изображен с коробочкой бальзама, второй – с флаконом лекарственного эликсира. Художник не пожалел для святых близнецов ни краски, ни позолоты, благодаря чему вывеска притягивала взоры, а живостью цветовой палитры привлекала внимание даже издали. Цирюльнику с лихвой покрылись расходы на художника: хотя на Мельничной улице бань было несколько и клиенты имели выбор, «Под Косьмою и Дамианом» обычно всегда было полно людей. Рейневана еще два дня тому привлекла красочная вывеска, и чтобы избежать толкучки, ему пришлось заказать визит предварительно.

В бане, наверное, учитывая раннюю пору, действительно толкучки не было, в предбаннике стояли три пары ботинок и висели три комплекта одежды, охраняемые седым старичком. Старичок был сухой и хилый, однако с таким выражением лица, которого не постеснялся бы даже сам Цербер из Тартара. Поэтому Рейневан без опасений оставил на его попечение свой гардероб и пожитки.

– Зубки не тревожат? – с полной надежды улыбкой потер руки брадобрей. – Может, что-то вырвем?

– Нет, благодарю. – Рейневан чуть вздрогнул от вида клещей разных размеров, украшавших стены цирюльни. Клещам соседствовала не менее внушительная коллекция бритв, ножиц, ножиков и ножей.

– Но кровь-то пустим? – не сдавался банщик. – Ну как же не пустить?

– Сейчас февраль. – Рейневан свысока посмотрел на цирюльника.

Уже во время первого визита он продемонстрировал, что кое-что смыслит в медицине, ибо из личного опыта знал, что медиков в банях обслуживают лучше.

– Зимой, – добавил он, – не делают кровопускание. К тому же месяц молодой. Это тоже не сулит ничего хорошего.

– Коль так... – Банщик поскреб затылок. – Тогда одно бритье?

– Сначала купание.

Комната для купания, как оказалось, была в исключительном распоряжении Рейневана. Видимо, остальные клиенты пользовались парной, паром и березовыми вениками. Хлопочущий возле кадки бадмейстер, банщик, при появлении клиента отодвинул тяжелую крышку из дубовых досок. Рейневан попростецки залез в кадку, с наслаждением потянулся и погрузился по шею. Бадмейстер частично задвинул крышку, чтобы вода не стыла.

– Медицинские трактаты, – заговорил цирюльник, все еще присутствующий в помещении, – имею на продажу. Недорого. «*De urinis*» Эгидия Карбольена. Зигмунта Альбика «*Regimen sanitatis*».

– Благодарю. Покамест ограничиваю расходы.

– Коль так... Тогда одно бритье?

– После купания. Я позову вашу милость.

Теплая ванна разморила Рейневана, наваяла сон, и он невольно уснул. Разбудил его острый запах мыла, прикосновение помазка и пены на щеках. Он почувствовал скребок бритвы, один, второй, третий. Стоявший над ним брадобрей наклонил ему голову назад и провел бритвой по шее и адамову яблоку. При последующем, достаточно энергичном движении, бритва больно зацепила подбородок. Рейневан сквозь зубы выругался.

– Неужели порезал? – услышал он из-за спины. – Прошу прощения. *Mea culpa*.¹⁵ Это из-за недостатка навыков. *Dimitte nobis debita nostra*.¹⁶

Рейневан знал этот голос. И польский акцент.

Не успел он что-либо сделать, как Лукаш Божичко уперся в дубовую крышку кадки, придвинул ее так, что она придавила Рейневана к клепкам, сильно сдавив грудь.

– Ты действительно, – промолвил посланник Инквизиции, – похож на майоран, Рейнмар из Беявы. Появляешься во всех кушаньях и блюдах. Сохраняй спокойствие и терпение.

Рейневан сохранил спокойствие и терпение. Сильно помогла ему в этом тяжелая крышка, успешно делая его заключенным в кадке. И вид бритвы, которую Лукаш Божичко продолжал держать в ладони и сверлил Рейневана взглядом.

– В декабре, под Зембицами, – Божичко сложил бритву, – дали мы тебе, припоминаю, поручение. Ты был обязан вернуться к Сироткам и ждать дальнейших распоряжений. Если мы в категорической форме не запрещали тебе разного проявления активности, в том числе следствия, розыска и преследования, то лишь потому, что считали тебя умным. Умный человек понял бы, что такая активность не имеет ни смысла, ни шанса, что поиски не дадут ни наималейшего результата. Что если нашим желанием является, чтобы что-то было скрытым, то оно будет скрыто и скрытым останется. *In saecula saeculorum*.¹⁷

Рейневан вытер поданным полотенцем разгоряченное лицо и мокрый лоб. Потом сильно вздохнул, собираясь с силами.

– А какие у меня гарантии, – проворчал он, – что Ютта вообще еще жива? Что во веки веков не скрыта на дне какого-либо рва? Я вам тоже кое-что припомню: в декабре, под Зембицами, я ни на что не соглашался, ничего вам не сулил. Я не обещал, что не буду разыскивать Ютту, и по очень простой причине – потому что буду. И не соглашался на сотрудничество с вами. По такой же простой причине – потому что не соглашаюсь.

Лукаш Божичко на какое-то мгновение задержал на нем взгляд.

– На тебя наложили проклятие, – сказал он наконец достаточно равнодушно. – Выдали *significavit*,¹⁸ обещали вознаграждение за живого или мертвого. Если будешь шататься по Силезии и искать ветра в поле, прибудет тебя первый, кто узнает. И самое вероятное, настигнет и порешит тебя Биркарт Грелленорт, колдун, который постоянно пасет тебя. А даже если бы ты и сберег свою голову, имей ввиду, что для нас ты привлекателен как гусит, как лицо, приближенное к предводителю Сироток и Табора. Как частное лицо, преследующее свои собственные интересы и ведущее свое частное следствие, ты для нас никто. Становишься просто непривле-

¹⁵ Моя вина (лат.).

¹⁶ Прости нам долги наши (лат.), фраза из «Отче наш».

¹⁷ Во веки веков (лат.).

¹⁸ распоряжение об аресте (лат.).

кательным. Просто вычеркиваем тебя из списка. И тогда свою Ютту не увидишь уже никогда. Поэтому или – или: или сотрудничество, или о девушке забудь.

– Убьете ее?

– Нет, – Божичко не спускал с него глаз. – Не убьем. Вернем родителям, согласно данным им обещаниям. Согласно принятому договору, по которому пока что временно содержим панночку в изоляции. А когда дело затихнет и все утрясется, отдадим ее, и пусть родители делают с ней всё, что они в конце концов решат. А решать есть что, есть над чем подумать. Дочурка, похищенная преданным анафеме гуситом, одержимая и одурманенная, к тому же замешанная в деятельности еретической секты Сестер Свободного Духа... Так что семейство подчасшего Апольда колеблется между тем, чтоб выдать своего непутевого отпрыска замуж, и тем, чтобы запереть ее в монастыре, причем уже утвердили, что монастырь должен быть как можно более удаленный, а вероятный муженек – из как можно более дальних краев. Тебе-то, Рейневан, в конце концов неважно, что они решат. В любом случае – увидеть свою Ютту шансы у тебя невелики. Ну, а чтобы быть с ней – вообще нет никаких.

– А если буду вас слушаться, тогда как? Вопреки данным родителям обещаниям вернете ее мне?

– Это ты сказал. И как будто бы угадал.

– Ладно. Что я должен сделать?

– Аллилуйя, – вознес руки Божичко. – *Laetentur caeli*, да веселятся небеса и да торжествует земля.¹⁹ Воистину, прямые пути Господни, смело и быстро идут ими праведные к цели. Приветствую тебя на прямой дороге, Рейнмар.

– Что я должен сделать?

Лукаш Божичко посерьезнел. какое-то время молчал, покусывая и облизывая губы.

– Твои чешские приятели, Сиротки, – наконец-то заговорил он, – до позавчера, до *Purificatio*, стояли под Свидницей. Ничего там не добившись, пошли на Стшегом и взяли в осаду город. Достаточно, ох предостаточно насолости прекрасной земле Силезской эти уничтожающие все вокруг себя мирмидоняне. Поэтому для начала поедешь под Стшегом. Убедишь Краловца, чтобы снял осаду и убрался восвояси. Домой, в Чехию.

– Как я должен это сделать? Каким образом?

– Таким, как обычно, – улыбнулся посланник Инквизиции. – Понеже ты имеешь силы влиять на судьбы и события. Имеешь талант изменять историю, направлять ее течение в совсем новое русло. Ты подтвердил это совсем недавно, под Старым Велиславом. Определенно лишил Силезию Пяста, княжество зембицкое – пястовского наследства. У Яна Зембицкого не было потомства среди мужчин, с его смертью княжество попадает в непосредственное владение чешской короны. Отблагодарит ли тебя за это история, будет видно. Через пару сотен лет. Езжай под Стшегом.

– Поеду.

– И откажешься от сумасбродных розысков?

– Ага.

– Слежки и расследований?

– Ага.

– Знаешь что? Не очень я тебе верю.

Не успел Рейневан и глазом моргнуть, Лукаш Божичко схватил его за запястье и сильно вывернул руку. В его ладони блеснула открытая бритва. Рейневан было дернулся, но дубовая крышка по-прежнему делала его заключенным, а хватка у Божичко была железной.

– Не очень я тебе верю, – процедил он, подсовывая ногой медный таз. – Пушу я тебе для начала чуточку крови. Чтобы поправить здоровье и характер. Особливо характер. Ибо я при-

¹⁹ Пс., 95:11.

хожу к выводу, что руководят тобою два темперамента попеременно – ты либо холерик, либо меланхолик. Темперамент же берется из жидкости, из зеленых и черных выделений желчи. Все эти нехорошие вещи накапливаются в крови. Следовательно, пустим ее тебе немножечко. Ну, может немножечко больше, чем немножечко.

Он повел рукой и бритвой так быстро, что Рейневан едва уловил движение. Также почти не почувствовал и боли. Почувствовал тепло крови, текущей по предплечью, ладони и пальцах. Услышал ее журчание в тазу.

– Да-да, я знаю, – покивал головой Божичко. – Время сейчас неблагоприятное для кровопускания. Зима, молодой месяц, солнце в знаке Водолея, к тому же пятница, день Венеры. В такие дни эта процедура сильно ослабляет. Но это и хорошо. Для меня как раз важно немножечко тебя ослабить, Рейневан. Убавить слегка твою энергию, которую ты направляешь совсем не в несоответствующее русло. Чувствуешь? Уже слабеешь. И становится холодно. Дух жаждет, а тело как бы немножечко обмякает, да? Не дергайся, не борись со мной. Ничего тебе не будет, ты для нас слишком ценный, чтобы я подвергал опасности твоё здоровье и без надобности умножал твои страдания. Не бойся, потом перевяжу тебе руку. Перевязку, поверь мне, я делаю лучше, чем брею.

Рейневан стучал зубами от пробирающего его холода.

Помещение бани танцевало перед его глазами. Монотонный голос Божичко доносился будто бы откуда-то издалека.

– Да, да, Рейневан. Собственно, так оно и есть. Каждая акция вызывает реакцию, любое событие имеет следствие, а каждое следствие является причиной дальнейших следствий. В Домреми, допустим, в Шампани, девочка по имени Жанна, слышала чьи-то голоса. Какие это будут иметь последствия? Каковы будут отдаленные последствия, вызванные ядром из французской бомбарды, которое осенью прошлого года под Орлеаном обезобразило лицо графа Солсбери? То, что после того, как Солсбери скончался в мучениях, командование армией, осаждающей Орлеан, принял граф Саффолк? Какое влияние на судьбы мира будут иметь стихи, которые уже в качестве нового познаньского епископа напишет Станислав Челэк? Или такой факт, что Сигизмунд Корибут, которого хлопотами польского короля Ягеллы освободили из замка Вальдштайн, не вернется в Литву, но останется в Чехии? Или то, что Ягелло и римский король Сигизмунд Люксембургский вскоре приедут в Луцк на Волыни на совещание относительно судьбы Восточной Европы? Какое значение для истории имеет факт, что ни Ягеллу, ни Витольда невозможно отравить, поскольку регулярное употребление магической воды из тайных жмудских источников эффективно защищает их от отравы? Или, чтоб не далеко искать, то, что ты, Рейневан из Беявы, склонишь Сироток Яна Краловца вернуться в Чехию? Каждому хотелось бы знать, как те или иные события повлияют на историю, на судьбы мира, но никто не знает. Мне тоже хотелось бы и я тоже не знаю. Но поверь, я отчаянно стараюсь. Рейневан? Эй? Ты слышишь меня?

Рейневан не слышал. Он тонул.

В кошмарах.

Сонные кошмары в последнее время не были проблемой для Эленчи Штетенкрон, а если и были, то небольшой и не очень проблематичной. После полного рабочего дня возле больных в олавском приюте Святого Сверада Эленча была как правило слишком измученной, чтобы видеть сны.

Пробуждаясь и срываясь с кровати *ante lucem*, до зари, она вместе с Доротою Фабер и другими волонтерками бежала на кухню, приготовить кушанье, которое надо было скоро разнести больным. Потом была молитва в больничной часовне, потом хлопоты с больными, потом снова кухня, потом стирка, снова больничная палата, молитва, больничная палата, мытье полов, кухня, палата, кухня, стирка, молитва. В итоге сразу после вечернего Ave Эленча падала

на постель и засыпала как убитая, судорожно сжав ладони на покрывале в пугливом предчувствии спешного пробуждения. Не удивительно, что такой образ жизни надежно лишил ее сновидений. Кошмары, которые когда-то были для Эленчи проблемой, перестали таковой быть.

Тем более удивляло, что они вернулись. С середины рождественского поста Эленче снова начали сниться кровь, убийства и пожары. И Рейневан. Рейнмар из Беявы. Рейневан приснился Эленче Штетенкрон несколько раз в таких кошмарных обстоятельствах, что она начала включать его в вечернюю молитву. «Храните его также, как и меня», – повторяла она в глубине души, склонив голову перед небольшим алтарем, перед Пиетой и святым Сверадом. «Ему, также как и мне, добавь силы, пошли утешение, – повторяла она, глядя на резное лицо Скорбящей. «Как меня, так и его охрани посреди ночи, будь ему опорой и защитой, будь стражем неусыпным. И дай мне хоть раз еще его увидеть», – добавляла она в самой глубине своей души так тихо и скрытно, чтобы ни Покровительница, ни святой не вменили ей слишком мирских мыслей.

Шестнадцатого января 1429 года, воскресенье перед святым Антонием, было для госпиталя таким же рабочим днем, как и будничные, поскольку работы неожиданно стало больше. Чешские гуситы, о которых много говорилось весь декабрь, подошли к Олаве в день Трех Царей, а на следующий день вошли в город. Обошлось, несмотря на мрачные и паникерские прогнозы некоторых, без штурма, боя и кровопролития. Людвиг, князь Олавы и Немчи, повел себя точно так же, как и год тому – принял с гуситами совместное соглашение. Обоюдовыгодное. Гуситы пообещали не жечь и не грабить княжьи поместья, взамен за что князь выделил раненым, больным и покалеченным чехам пристанище в обоих олавских госпиталях. А госпитали тут же наполнились пациентами. Не хватало нар и подстилок. Матрацы и соломенные тюфяки клали на пол. Была куча работы, усиливалась нервозность, быстро передающаяся всем, даже спокойным обычно монахам премонстрантам, даже спокойной обычно Дороте Фабер. Росла нервозность. Беспокойство. Усталость. И набирал силу парализующий страх перед чумой.

Гомон, который ее разбудил, Эленча сначала приняла за сонный бред. Со стоном дернула ворсистое покрывало, поворачивая голову на влажной от слюны подушке. «Снова этот сон, снова мне снится Бардо, – подумала она, качаясь на грани между сном и явью. – Захват и резня в Барде четыре года тому. Тревожно быют колокола, трубят рога, слышно ржание коней, грохот, треск, дикий крик нападающих, вой убиваемых. Огонь, отражающийся в пленках окон, сверкающей мозаикой играющий на потолке...»

Она вскочила, села. Колокола били тревогу. Разносился крик. Отблеск пожара подсвечивал окна. «Это не сон, – подумала Эленча, – это не сон. Это происходит взаправду».

Она толкнула ставни. В комнату вместе с холодом ворвался угарный смрад. Невдалеке на рынке стоял визг сотен горлянок, сотни факелов сливались в мерцающую волну света. Со стороны Вроцлавских ворот были слышны выстрелы. Несколько соседних домов уже были объятые пламенем, зарево выползло на небо над Новым Замком. Факелы приближались. Земля, казалось, ходила ходуном.

– Что происходит? – спросила дрожащим голосом одна из волонтерок. – Горит?

Дом вдруг затрясся, разнесся треск и грохот проломленных ворот, дикий рёв, пальба. Бряцание оружия. Волонтерки и монашки начали кричать. «Только не это, – подумала Эленча. – Чтобы не так, как тогда в Барде. Не кричать, не пищать, не съеживаться в углу между колоннами. Не писать от страха, как тогда. Бежать. Спасать жизнь. Боже, где же пани Дорота?»

Снова треск проломленных дверей. Топот ног. Бряцание железа. Визг.

– Смерть еретикам! Бей, кто в Бога верует! Бей!

Притаившись в сенях в углу, Эленча видела, как военные и вооруженный сброд врывается в приют, видела выпученные глаза, вспотевшие и покрасневшие лица, оскал взбесив-

шихся убийц. Через мгновение она зажала ладонями уши, чтобы не слышать ужасающий вой убиваемых раненых. Зажмурилась, чтобы не видеть кровь, которая лилась по ступеням.

– Бить их! Резать! Резать!

Толпа с топотом пробежала прямо мимо нее, отдавая смрадом пота и перегара. Пронзительно кричали монашки в спальне. Эленча бросилась к двери, ведущей в прачечную. Из госпиталя продолжали доноситься душераздирающие вопли убиваемых. И дикое рычание убивающих. Послышался шум сапог, темноту прачечной осветили факелы.

– Монашечка! Сестричка!

– Курва гуситская! Бери ее, мужики!

Ее схватили, повалили на пол, дергающуюся впихнули между лоханками, придушили, набрасывая на голову тяжелое мокрое покрывало. Она кричала, задыхаясь от их смрада и запаха щелочи. Слышала гогот, когда на ней разрывали и задирали платье. Когда всовывали колени между ее ляжками.

– Эй! Что тут творится? Прекратить! Сейчас же, немедленно!

Ее отпустили, она сорвала покрывало с головы. В дверях прачечной стоял монах. Доминиканец. В руке – факел, на рясе – полупанцырь, на поясе – меч. Нападающие опустили головы, поворчали.

– Забавляетесь здесь, – рявкнул монах. – А там ваши братья расправляются с врагами веры! Слышите? Там, там сейчас место настоящих христиан! Там ждет дело Божье! Прочь отсюда!

Нападающие вышли, опустив головы, ворча и шаркая подошвами. Доминиканец вставил лучину в держатель и подошел. Эленча дрожащими руками пыталась стянуть вниз платье, задранное выше бедер. Из ее глаз лились слезы, губы дергались от сдерживаемого рыдания. Монах наклонился, подал ей руку, помог встать. Затем сильно ударил кулаком в ухо. Прачечная затанцевала в глазах девушки, пол ушел из-под ног. Она упала опять. Прежде, чем она пришла в себя, монах уже придавил ее коленями.

Эленча завизжала, выпрямилась, брыкнулась. Он с размаху дал ей пощечину, схватил за платье на груди, разорвал ткань резким движением.

– Сука еретическая... – прохрипел он. – Уж я тебя навер...

Не закончил. Рейневан предплечьем перегнул ему голову назад и ножом перерезал горло.

Они сбежали по лестнице в морозную ночь, в темноту, подсвеченную красным и все еще звучащую криками в шумом битвы. Эленча поскользнулась на обледенелых ступенях и упала бы, если бы Рейневан не подставил плечо. Она посмотрела вверх, на его лицо, посмотрела сквозь слезы, все еще ошарашенная, все еще не до конца уверенная, что это ей не снится. Ноги подкашивались под ней, не держали. Он заметил это.

– Мы должны бежать, – выдавил он из себя. – Должны...

Он схватил ее поперек, затянул за угол стены, в скрывающий мрак. Как раз вовремя. Переулком пробежал полураздетый и окровавленный мужчина, за ним с воем и ревом гналась толпа.

– Должны бежать, – повторил Рейневан. – Или же спрятаться где-то...

– Я... – Она смогла вдохнуть и превозмочь дрожание губ. – Ты... Спаси... Меня...

– Спасу.

Они вдруг оказались на рынке, возле позорного столба, среди обезумевшей толпы. Эленча посмотрела вверх, прямо в лицо Смерти. Крик ужаса застрял в ее гортани. «Это всего лишь скульптура, – успокаивала она себя, дрожа. – Просто скульптура в тимпане над западным входом в ратушу, скалящийся скелет, размахивающий косой. Просто скульптура...»

Из окон пылающей ратуши стреляли. Грохотало огнестрельное оружие, с шипением летели болты из арбалетов. «Это легкораненые чехи», – вспомнила с ошеломляющей ясностью

Эленча. Легкораненых и выздоравливающих разместили в ратуше. Они не дали себя разоружить...

Она неуверенно шагнула, не ведая, куда идет. Рейневан задержал ее, сильно сдавил плечо.

– Стоим здесь, – выдохнул он. – Стоим, не двигаясь. Ускользнем от их внимания... Они как хищники... Реагируют на движение. И на запах страха. Если не будем двигаться, они нас даже не заметят...

Так они и стояли. Без движения. Как изваяния. Среди ада.

Ратуша пала, оборону прорвали, орда захватчиков с ревом ворвалась вовнутрь. Под обреченный вой начали выбрасывать людей из окон, на булыжную мостовую, прямо на ожидающие их дубины и топоры. С десятков извлеченных живых и полуживых остриями пик пригвоздили к стене. Тех, в ком еще теплилась жизнь, добивали, топтали, разрывали на куски. Кровь лилась ручьями, пенилась в водостоках.

От пожаров стало светло, как днем. Горела ратуша, Смерть, высеченная в тимпане, ожила в пляшущих отблесках, скалила зубы, щелкала челюстью, махала косой. Пылали дома восточной стороны рынка, горели мясные лавки за ратушей, горели суконные ряды, огонь пожирал мастерские валлонских ткачей и богатые торговые палатки на улице Марийной. Пламя плясало на фасаде и крыше госпиталя Святого Блажея, огонь прогрызал балки и гребни крыши. Перед госпиталем высилась гора трупов, на которую постоянно добрасывали новые тела. Окровавленные. Искалеченные. Побитые до неузнаваемости. Трупы тащили по рынку на веревках, набрасывая петли на шею либо на какую-то конечность тела. Волокли их к колодцам. Колодцы были уже переполнены. Из них торчали ноги. И руки. Растопыренные, направленные вверх, как бы взывающие о мести за злодеяние.

– Даже... – повторяла Эленча, с трудом шевеля одеревеневшими губами. – Даже если пойду я долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной.²⁰

Она продолжала сжимать ладонь Рейневана, чувствовала, как ладонь сжалась в кулак. Посмотрела на его лицо. И быстро отвела взгляд.

Опьяневшая от злобы и убийства толпа плясала, пела, подпрыгивала, потрясая копьями с насаженными на острия головами. Головы пинали по мостовой, перебрасывались ими, как мячом. Складывали, как дары, как жертву перед стоящей на рынке группой всадников. Кони чуяли кровь, храпели, топтали, звенели копытами.

– Надо будет тебе отпустить мне грехи мои, епископ, – понуро сказал один из всадников, длинноволосый мужчина в плаще, искрящемся от золотой и серебряной вышивки. – Княжеским словом чести я гарантировал этим чехам безопасность. Обещал убежище. Поклялся...

– Дорогой княже Людвиг, юный мой родственничек. – Конрад, епископ вроцлавский, приподнялся в седле, опираясь на луку. – Отпущу тебе грехи, когда только пожелаешь. И сколько пожелаешь. Хотя в моих глазах ты *sine peccato*,²¹ а в глазах Бога, несомненно, тоже. Клятва, данная еретикам, является недействительной, слово, данное вероотступнику, ни к чему не обязывает. Действуем мы тут во славу Божью, *ad maiorem Dei gloriam*.²² Эти добрые католики, воины Христовы, выражают там, посмотри, свою любовь к Богу. Ибо она проявляется в ненависти ко всему, что Богу противно и мерзко. Смерть еретика – это слава христианина. Смерть вероотступника угодна Христу. Для самого же еретика потеря тела – это спасение души.

²⁰ Пс., 23:4.

²¹ без греха (лат.).

²² к вящей славе Господней (лат.).

– Только не думай, – добавил он, видя, что его слова не производят на Людвиг Олавского должного впечатления, – будто бы я не имею к ним жалости. Имею. И благословляю их в час смерти. Вечный покой даруй им Господи. *Et lux perpetua luceat eis.*²³

Следующая окровавленная голова подкатилась под ноги коня, на котором сидел князь. Конь шарахнулся, задрал голову, засеменил ногами. Людвиг натянул вожжи.

Чернь выла, ревела, визжала, обыскивала дома, охотясь за всё уменьшающимся количеством уцелевших. Воздух все еще сотряслся от доносившихся с улочек предсмертных криков. Стоял гул от пожара. Несмолкающим стоном бронзы заходились колокола. Скульптура Смерти в тимпане ратуши злорадно смеялась и размахивала косою.

Эленча плакала.

Рейневан закончил свой рассказ. Ян Краловец из Градка, гейтман Сироток, спершись на бомбарду, смотрел на Стшегом, черный и грозный в наступающем сумраке, как затаившийся лесной зверь. Смотрел долго. Потом резко отвернулся.

– Уходим отсюда, – бросил он. – Достаточно. Уходим. Возвращаемся домой.

Утро было туманное, а как для этой поры года, очень даже теплое. Колонна телег, с патрулями и авангардом легкой конницы впереди, с ротами загруженных щитами пехотинцев на флангах, шла на юг, оставляя за собой Стшегом. Трактом на Свидницу. На Рыхбах, Франкенштейн, Бардо, Клодзк, На Гомоле. В Чехию. Домой.

Скрипели под тяжестью груза оси, колеса выдалбливали в тающем снегу глубокие колеи. Щелкали кнуты, ржали кони, порывивали волю. Ездовые ругались. Над колонной кружили стаи черных птиц.

В Стшегоме били в колокола.

Было двенадцатое февраля 1429 Года Господнего, суббота перед первым воскресением поста, *sabbato proximo ante dominicam Invocavit*.

Гейтман Сироток наблюдал за выступлением с придорожной возвышенности. Порывистый ветер срывал плащ, хлопал знаменами.

Настроение было не из лучших. Простуженный Бразда из Клишштейна кашлял. Матей Салява сплевывал. Завсегда насупленный Пётр Поляк был насуплен еще сильнее. Даже приветливый обычно Ян Колда из Жампах что-то ворчал себе под нос. Ян Краловец понуро молчал.

– О! Глядите! – Салява показал на замеченного вдруг всадника, который направлялся по заснеженному склону взгорья на север. – Кто это? Не тот ли раненный немчура? Ты так просто отпустил его, брат Ян?

– Отпустил, – неохотно признал Краловец. – Голота. Выкуп не дали бы. Ну, да чтоб его черти взяли.

– Даст Бог, возьмут, – харкнул Пётр Поляк. – Он ранен. Сам, без помощи, до Вроцлава не дотянет. Сдохнет где-то в сугробе.

– Не будет ни сам, ни без помощи, – возразил Ян Колда, показывая на другого ездока. – Ха! Да это же Рейневан на своем иноходце! Ты и ему позволил уехать, брат?

– Позволил. Он что, несвободен, что ли? Мы поговорили. Он сомневался, сомневался, я видел, что гложет его что-то. Наконец он сказал мне, что, мол, во Вроцлав должен вернуться. И всё.

– Ну и пусть его там Господь Бог возьмет под свою опеку, – резюмировал Бразда и кашлянул. – Поехали, братья.

– Поехали.

²³ И свет вечный да сияет им (лат.).

Съехав с возвышенности, они коротким галопом догнали колонну и выдвинулись в ее главу.

– Интересно, – сказал Бразда едущему рядом Яну Колде, удерживая коня идти рысью. – Интересно, что же там в мире слышно...

– А ты, – обернулся Колда, – куда опять наострился? Мир, мир. Что тебе до этого мира?

– Ничего, – признал Бразда. – Это я так. Из любопытства.

Утро было туманное, и как на месяц февраль – достаточно теплое. Всю ночь намечалась оттепель, на рассвете снег таял, отпечатки подкованных копыт и выдавленные колесами телег колеи моментально заполнялись черной водой. Оси и валки в телегах скрипели, кони храпели, возницы сонно матерились. Насчитывающая около трехсот повозок колонна двигалась медленно. Над колонной носился тяжелый, удушающий запах соленой сельди.

Сэр Джон Фастольф сонно покачивался в седле.

Из дремоты его вырвал возбужденный голос Томаса Блекбурна, рыцаря из Кента.

– Что там?

– Де Лэйси возвращается!

Реджинальд де Лэйси, командир передовой охраны, остановил перед ними коня так резко, что им пришлось даже зажмуриться от брызнувшего болота. На покрытом светлым юношеским пушком лице солдатака вырисовывался перепуг. Смешанный с волнением.

– Французы, сэр Джон! – завопил он, удерживая своего коня. – Перед нами! На восток и на запад от нас! В засаде! Тьма тьмущая!

«Конец нам, – подумал сэр Джон Фастольф. – Конец мне. Пропал я. А так было близко, так было близко. Едва не удалось. Удалось бы нам, если б не...»

«Удалось бы, – подумал Томас Блекбурн. – Удалось бы нам, если бы ты, Джон Фастольф, гадкий пропойца, не лакал до протери сознания в каждом придорожном трактире. Если бы ты, бесстыдный кобель, не блядовал в каждом местном борделе. Если бы не это, лягушатники не провели бы о нас, давно уж были бы среди своих. А теперь мы пропали...»

– Сколько... – сэр Джон Фастольф отхаркиванием прочистил горло. – Сколько их? И кто? Ты видел знамена?

– Их... – замялся Реджинальд де Лэйси, устыдившись, что сбежал, не присмотревшись как следует к французским флагам. – Их где-то тысячи две... С Орлеана, поэтому это, возможно, Бастард²⁴... Или Ла Ир...

Блекбурн выругался. Сэр Джон украдкой вздохнул. Взглянул на свое собственное войско. На сто всадников в броне. Сто пехотинцев. Четыреста уэльских лучников. Возницы и обозные. И триста телег. Триста вонючих телег, наполненных вонючими бочками вонючей соленой сельди, закупленными в Париже и предназначенными как постный провиант для осаждающей Орлеан восьмидесячной армии графа Суффолка.

«Селедка, – обреченно подумал сэр Джон. – Распрощаюсь с жизнью из-за селедки. Умру в куче селедки. Из селедки будет у меня гроб, из селедки будет надгробие. *By God!*²⁵ Весь Лондон лопнет от смеха.

Триста телег сельди. Триста телег. Телег.

– Распрячь коней! – заревел по-бычьи сэр Джон Фастольф, стоя в стремях. – Выставить телеги в четырехугольник! Связать вместе дышла и колеса. Всем раздать луки!

«Свихнулся, – подумал Томас Блекбурн. – Или не протрезвел еще». Однако побежал выполнять приказы.

²⁴ См. примечания к первой главе.

²⁵ Боже! (англ.)

«Сейчас мы убедимся, сколько в том правды, – думал сэр Джон, глядя на оживление своего войска и формирование заграждения из телег. – В том, что рассказывали о богемцах, о гуситах, которые то ли из Восточной Европы, то ли из Малой Азии... Об их триумфах, о сокрушительных ударах, нанесенных саксонцам и баварцам... Об из знаменитом предводителе, по имени... *God damn*²⁶... Жижка?

Было двенадцатое февраля 1429 Года Господнего, суббота перед первым воскресеньем поста. Засияло солнце, разогнав низко осевшую мглу. Сельдь, казалось, начала вонять еще сильнее. С востока, со стороны городка Руврэ, слышался нарастающий топот копыт.

– Луки в руки! – заорал, выхватывая меч, Томас Блекбурн. – *They're coming!*²⁷

Ни Блекбурн, ни сэр Джон Фастольф понятия не имели, что живы еще совсем случайно, что уцелели благодаря счастливому стечению обстоятельств. Что если бы не эти обстоятельства, не видать бы им рассвета. Граф Жан Дюнуа, Бастард Орлеанский, узнал об обозе сельди еще несколько дней тому. Его полторы тысячи кавалерии из Орлеана, а также Ла Ир, Сэнтрай и шотландец Джон Стюарт, ожидали в засаде под Руврэ, чтобы сразу на рассвете атаковать английскую колонну и разгромить ее. Однако, хотя его очень отговаривали, Дюнуа построил свой план на графе Клермоне, стоявшем обозом под Руврэ. Граф Клермон был статным молодцем, красивым, как девушка. И окружал себя всегда другими красивыми юношами. О войне понятия не имел. Но он был кузеном Карла VII, и с ним приходилось считаться.

Отрок Клермон, как звал его Ла Ир, ясное дело, подвел по всем статьям. Упустил момент, утратил неожиданность. Не приказал атаковать, ибо был занят. Завтракал. После завтрака его пудрили и делали прическу. Во время причесывания граф улыбался одному из своих юных дружков, слал ему поцелуи, махал ресницами. Гонцов от Дюнуа граф проигнорировал. А об англичанах забыл. У него были дела и планы поважнее.

В замешательстве и без командования, когда стало ясно, что момент упущен, что англичан уже не удастся застать врасплох, когда Дюнуа извергал ругательства, когда Ла Ир и Сэнтрай бездействовали, разводя руками и зря ожидая приказаний, Джон Стюарт не выдержал. Вместе с шотландскими рыцарями на свой страх и риск он пошел в атаку на английские телеги. За ним пошла в бой часть утративших терпение французов.

– Целься! – крикнул Диккон Уилби, командир лучников, видя мчащийся на них панцирный клин. – Целься! *Remember Agicourt!*²⁸

Лучники, крикнув, натянули длинные луки. Заскрипели натянутые тетивы. Сир Джон Фастольф снял шлем, его огненно рыжая шевелюра засияла как боевой флажок.

– Сейчас! – Он заревел, как тур. – *Fuck them good, lads! Fuck the buggers!*²⁹

Хватило трех залпов, три ливня стрел, чтобы шотландцы разбежались. До телег добрались немногие, затем лишь, чтобы найти свою смерть. Прокололи их копья и гизармы, порубали алебарды и локаберские топоры. Крик убиваемых возносился в зимнее небо.

Де Лэйси и Блекбурн, хотя слышали о гуситах мало, а об их боевой тактике еще меньше, сходу поняли, что следует делать. Во главе своих ста тяжеловооруженных они выбрались из-за телег, чтобы начать контратаку и погоню. Наступая на пятки шотландцам, рубали их так, что аж эхо шло по равнине. Уэльсцы на телегах триумфально орали, поносили беглецов и показывали им два поднятых пальца.³⁰

Сельдь воняла.

²⁶ англ. ругательство.

²⁷ Они приближаются! (англ.)

²⁸ Помните Азинкур! (англ.) В битве при Азинкуре в 1415 г. английские лучники одержали победу над превосходящими численностью французами.

²⁹ Вжарьте их хорошо, парни! Вжарьте этим пидерам (англ.).

³⁰ См. примечания к первой главе.

«Благодарю Тебя, Господи, – поднял очи горе сэра Джон Фастольф. – Благодарю вас, телеги. Слава вам, мужественные азиаты богемцы, слава тебе военачальник Жижка, хотя имя твое языческое, твой военный талант велик. *I'll be damned*,³¹ слава и мне, сэру Джону Фальстофу. Жалко, что Бардольф и Пистоль не могли это видеть, наблюдать день моей исторической виктории. Ха, эта битва, которая произошла под Руврэ в субботу перед первым воскресеньем поста Anno Domini 1429, прославится навеки как Битва за селедку. А обо мне...

Обо мне будут писать пьесы для театра».

³¹ Будь я проклят (англ.).

Глава вторая, в которой в городе Вроцлаве Рейневан замышляет заговор. В результате недостатков как теории, так и практики заговора, после первоначальных успехов он попадает впросак, причем неслабо.

Отец Фелициан, в миру когда-то Ганис Гвиздек, прозванный Вошкой, а ныне алтарист в двух вроцлавских храмах, бывал в валлонском поселении при церкви Святого Маврикия достаточно регулярно, где-то раз в месяц, обычно по вторникам. Причин было несколько. Во-первых, валлоны были известны своим занятием зловещей черной магией, и крутясь поблизости их мест обитания, можно было подвергнуться ее действию. Для людей чужих, особенно приходящих без приглашения или неприязненно настроенных, *vicus sancti Mauricii*³² был опасен, наглецы должны были принимать во внимание последствия – включая исчезновение без следа. Поэтому чужаки, в том числе агенты и шпионы, не шлялись по валлонскому поселению и не шпионили здесь. И это собственно отца Фелициана очень устраивало.

Две остальные причины визитов двойного алтариста к валлонам также были связаны с магией. А также между собой. Отец Фелициан страдал геморроем. Недомогание проявлялось не только в кровавом стуле и невыносимом жжении в заднице, но также и в значительной потере мужских сил. Валлоны, а точнее валлонские проститутки из публичного дома под названием «Красная мельница», знали магические средства от недуга отца Фелициана. Окуренный магическим валлонским кадиллом, попотчеванный клистиром из валлонских магических балзамов и магическими валлонскими припарками, отец Фелициан, говоря просто и не мудрствуя, достигал твердости, кое-как позволяющей сокоупление. Распутницам из городских борделей такая забота даже в голову не приходила, они гнали духовное лицо прочь, насмехаясь и не обращая внимания на его боли и обеспокоенность. Вот и ходил отец Фелициан за город. К валлонкам.

Серьезным препятствием для походов ко Святому Маврикию был факт, что надо было выйти за городскую стену, к тому же тайно, то есть в потемках после *ignitegium*.³³ У отца Фелициана были способы тайно выйти и воротиться. Проблему составляло расстояние в три стае,³⁴ которую надо было преодолеть. Среди распоясавшихся ночью в предместье воришек случались и такие, которых не смущала недобрая слава валлонов и слухи об их грозных чарах. С учетом этого, на свои регулярные вылазки на «Красную Мельницу» отец Фелициан надевал кольчугу, цеплял на ремень меч и брал набитое ружье, а уже идя, нежно ласкал и прикрывал полою тлеющий фитиль, при этом громко молился по-латыни, которой, заметьте, не знал. То, что с ним ни разу не случилась никакая неприятность, отец Фелициан приписывал как раз молитве. И был прав. Самые отважные разбойники, которые не боялись ни закона, ни Бога, брали ноги в руки при виде приближающейся уродины в капюшоне, побрякивающей железяками, излучающей из-под плаща дьявольское свечение, у ко всему этому бормочущей какие-то непонятные ужасы.

В этот раз, покинув «Мельницу» и валлонский *vikus*, около полуночи отец Фелициан брел вдоль плетней, бормоча литанию и время от времени поддувая фитиль, чтобы не погас. Было полнолуние, луга все еще белели от снега, таким образом, светло было настолько, что

³² поселение святого Маврикия (лат.).

³³ сигнал тушить огни в городе (лат.).

³⁴ еденица измерения = 1067 м.

можно было идти быстро без опасения влететь в какую-то рытвину или упасть в клоаку, что с отцом Фелицианом случилось осенью прошлого года. Уменьшался также риск нарваться на грабителей или разбойников, которые в такие светлые ночи обычно прерывали свой промысел. Так что отец Фелициан вышагивал все быстрее и смелее, и вместо того, чтобы молиться, начал напевать какую-то достаточно светскую песенку.

Громкий лай собак возвестил о близости мельниц и мельничных усадеб над Олавой, а это означало, что от ведущего прямо в город моста его отделяет всего лишь сто шагов. Он прошел плотину вдоль мельничных и рыбных прудов. Чуть сбавил ход, поскольку среди сараев и сеновалов сделалось темнее. Но искрящуюся в лунном сиянии реку он уже видел. Вздыхнул с облегчением. Но, видимо, рано.

Зашелестел хворост, в темноте под сеновалом замаячила тень, не понятно на что похожая. Сердце отца Фелициана поднялось вверх и стало комом в горле. Несмотря на это алтарист схватил ружье под мышку и приложил тлеющий фитиль. Однако темнота и недостаток сноровки привели к тому, что он приложил его к своему большому пальцу.

Он завыл, как волк, запрыгал, как заяц, опустил оружие. Взяться за меч не смог. Получил чем-то по голове и рухнул в сугроб. Когда его вязали и волочили по снегу, он был ошеломлен и весь обмяк, но вполне в сознании. Сомлел он чуть позже. От страха.

* * *

У Рейневана не было никаких причин, чтобы в последнее время жаловаться на избыток фарта и счастливых случаев. Во всяком случае, с этой точки зрения судьба его не баловала. Как раз наоборот. С декабря прошлого года у Рейневана бывало определенно больше причин для огорчений и печали, чем для веселья и восторженной радости.

Оттого он с большей радостью приветствовал перемены. Начало все хорошо получаться. Счастье вдруг решило ему способствовать, события стали выстраиваться в весьма симпатичную последовательность. Вспыхнула вполне обоснованная надежда, перспектива стала вполне лучезарной, а будущее, как его, так и Ютты, вырисовывалось в более живых и приятных для глаза красках. Угнетающе голые и уродливые деревья на вроцлавском тракте, казалось, покрыла свеженькая зелень листвы, понурая и заснеженная пустошь подвроцлавских лугов и пойм украсило, казалось, разнообразие пахнущих цветов, а карканье долбящих груды земли ворон превратилось в сладкое пение птиц. Короче, могло показаться, что пришла весна.

Первой ласточкой этой ошеломляющей перемены стал Вилкош Линденау, раненный вроцлавский армигер, не без труда доставленный в родные края. Трудность, естественно, состояла в пробитом боку. Рана, хоть и перевязанная, кровоточила, армигер пылал от горячки и трясся в лихорадке, не удержался бы в седле, если бы не помощь Рейневана. Если б не лекарства и заклинания, с помощью которых Рейневан останавливал воспаление и боролся с заражением, у Вилкоша Линденау были бы небольшие шансы, чтобы увидеть городские стены и возвышающиеся над ними, вонзающиеся в серое февральское небо медные купола башен Святой Эльжбеты, Марии Магдалины, Войцеха и других церквей. Мало имел бы он шансов порадоваться близости Свидницких ворот, ведущих в город. И вздохнуть с облегчением.

– Вот мы и дома, – вздохнул с облегчением Вилкош Линденау. – И это все, благодаря тебе, Рейневан. Если б не ты...

– Да не о чем говорить.

– Есть о чем, – сухо возразил армигер. – Без тебя я бы не доехал. Я в долгу перед тобой...

Он осекся, глядя на церковь Тела Господня, откуда как раз отозвался малый колокол.

– За что тебя прокляли, за то прокляли, – сказал он. – Пускай тебе Бог грехи прощает. Но я жив благодаря тебе, и что в долгу пред тобой, так в долгу. И долг отплатчу. Видишь ли, я тебя слегка обманул. Тебя и твоих гуситов. Знай они правду, они так бы просто меня не отпустили,

дорого бы мне свобода стоила. Линденау – это родовое имя, я ношу его на честь рода и отца. Но отец умер, когда я был еще маленьким ребенком, а мать вскоре повторно вышла замуж. Так что единственный отец, которого я действительно имел и имею, это господин Варфоломей Эйзенрейх. Тебе это что-то говорит?

Рейневан кивнул головой, фамилия одного из самых богатых вроцлавских патрициев действительно говорила много. Вилкош Линденау наклонился в седле и сплюнул кровью на снег.

– Преступнику, гуситу и врагу я бы это не сказал и не предложил, – продолжил он, вытерев губы. – Но ведь ты не как враг направляешься во Вроцлав. Тебя ведь, думаю, потребности более личные сюда привели. Следовательно, рассчитаться могу. В дом не возьму и приюта не дам, поелику наложено проклятие на тебя... Но помочь способен.

– В действительности...

– Чтобы во Вроцлаве что-то начать, – не дал ему закончить армигер, – надо иметь деньги. Без денег ты здесь никто. А когда деньги имеются, можно уладить любое дело, пусть самое трудное. Управишься с Божьей помощью и со своей проблемой, брат. Потому что у тебя будут деньги. Я дам тебе их. Не обижайся, что расплачиваюсь воистину, как Эйзенрейх. По купечески. Иначе не могу, потому что...

– Знаю, – Рейневан слегка улыбнулся. – Потому что я проклят.

Второй проблеск счастья выпал Рейневану вскоре после полудня. Он не въехал в город вместе с Линденау, небезосновательно побаиваясь, что выходящие на опасный юг Свидницкие ворота находятся под пристальным наблюдением стражи и других городских служб. Едучи берегом Олавы, он добрался до Миколайских ворот, там смешался с сельскими жителями, тащившимися в город с разнообразным предназначенным для продажи товаром и инвентарем, преимущественно живым. В воротах проблем не было, большинство стражников скучало и ленилось, немногие активные обращали всю свою активность на то, чтобы выцыганить взятку в виде курицы, гуся или куска грудинки. Вскоре после того, как в церкви Святого Миколая зазвонили на сексту, Рейневан уже оставил позади Щепин и шагнул, ведя коня за узду, в сторону предместья, смешавшись с толпами других путников, движущихся в ту сторону.

А как только миновал Колбасную, счастье широко улыбнулось ему. Во весь рот.

– Рейневан? Ты ли это?

Опознавшим его оказался юноша в черном плаще и фетровой шапке такого же цвета. Плечистый и румяный, как сельский парень, и с широкой улыбкой сельского парня. Под мышками у него было два больших свертка.

– Ахиллес... – Рейневан поборол вызванный неожиданным окриком спазм в горле. – Ахиллес Чибулька!

– Рейневан, – похожий на сельского парня юноша, осмотрелся, улыбка вдруг исчезла с его румяного лица. – Рейневан из Беявы. Во Вроцлаве, в двух шагах от Рынка. Кто бы подумал... Давай не будем стоять здесь, зараза, у всех на виду. Пойдем ко мне, в аптеку. Это недалеко. Держи, поможешь мне нести... Осторожно!

– Что это там?

– Банки. С мазями.

Аптека действительно была недалеко, находилась тут же на Колбасной около Соляной площади. Висящая над входом вывеска представляла собой что-то, напоминающее клякстую морковь, однако вымалеванная ниже надпись «Мандрагора» выводила из заблуждения. Вывеска в целом была не слишком импозантной, помещение небольшое и скорее всего не часто посещаемое. Во времена, когда они с Чибулькой поддерживали частые и оживленные отношения, у того не было ни вывески, ни помещения. Работал он у господина Захарии Фойгта, соб-

ственника именитой аптеки «Под золотым яблоком». А теперь явно доработался до собственного дела.

– Прокляли тебя, – заявил Ахиллес Чибулька, расставляя банки на аптекарской стойке. – Наложили анафему. В соборе. В Старозапустное воскресенье.³⁵ Недели три тому.

Знакомство Рейневана с Ахиллессом Чибулькой началось в 1429 году, вскоре после того, как Рейневан вернулся из Праги, прервав учебу после дефенестрации³⁶ и вспышки революции. В то время Чибулька был ассистентом «Под золотым яблоком», причем ассистентом специализированным. Он был *унгентарием*, то есть спецом в приготовлении мазей. Почти все, что Рейневан знал о мазях, он научился у Чибульки. Мази втирал как отец, так и дед Ахиллеса, причем оба втирали в Свиднице, а сам Ахиллес был вроцлавцом в первом поколении. Сам себя он привык представлять как «родовой силезец чистой крови», и делал это так гордо, что кто-нибудь мог бы подумать, что одетые в шкуры прародители Чибулек обживали пещеры под Силезией задолго до того, как в эти края пришла цивилизация. Гордость собственными корнями вместе с тем сопровождалась временами непереносимым презрением к другим нациям, которые Чибулька характеризовал как «пришлые», прежде всего, к немцам. Рейневана часто возмущали взгляды Чибульки, однако сегодня он понял, что шовинизм аптекаря может быть ему на руку.

– Прокляли тебя гадостные немцы, – повторил со злостью Ахиллес Чибулька. Ты, наверное, слышал об этом? Ха, не мог не слышать. Шуму было на весь Вроцлав. Если бы тебя в городе узнали...

– Не было бы хорошо, если бы меня узнали.

– Ой, не было бы. Но ты не расстраивайся, Рейневан, я тебя скрою.

– Дашь убежище проклятому?

– Я не признаю немецкие анафемы! – завелся Ахиллес. – Мы, то есть силезские *phisici* и *pharmaceutici*, должны держаться вместе, потому что принадлежим к одному силезскому цеху и одному братству. Один за всех и все за одного! И все *contra Theutonikos*, против немцев. Так я себе поклялся после того, как эти свиньи до смерти замучили господина Фойгта.

– Господин Фойгт мертв?

– Замучили его, суки. За колдовство и поклонение дьяволу. Чушь несусветная! Ну, штудировал его милость Захария немного «*Picatrix*», немного «*Necronomicon*», «*Grand Grimoire*» и «*Arbatl*», почитывал немного Пьетро ди Абано, Чекко д'Асколи и Михаила Шотландца... Но колдовство? Что он в нем понимал? Даже я в эти игры лучше играю. Вот!

Ахиллес Чибулька ловко зажонглировал тремя банками, подбросил их, выпрямил руки, покрутил ладонями и пальцами. Банки начали самостоятельно кружить и вертеться, все быстрее и быстрее выписывая в воздухе круги и эллипсы. Аптекарь движением ладони приостановил их, после чего все три аккуратненько посадил на прилавок.

– Вот! – повторил он. – Магия! Левитация, гравитация. Ты сам, Рейневан, левитируешь, я ведь видел когда-то, как ты перед панночками выделялся. Каждый второй знает какие либо чары и заклинания, носит амулет или пьет эликсир. Стоит за это людей пытаться, жечь на огне? Не стоит. Так что плевать мне на все их проклятия. Убежище я тебе дам. Тут, над аптекой, комнатка есть, там поживешь. Только по городу не лазь, а то узнают, беда будет.

– Так получается, – пробурчал Рейневан, – что я должен побывать в нескольких местах.

– Не советую.

– Я должен. У тебя талисмана часом нет, Ахиллес?

– Есть несколько. Тебе какой надо?

– Панталеон.

³⁵ последнее воскресенье перед постом.

³⁶ акт выбрасывания кого-либо из окна, как метод политической борьбы.

– Ах, вот оно что! – Унгентарий стукнул себя по лбу. – Конечно же! Это выход. Я сам такого не имею, но знаю, где достать. Недешевая это вещь... Деньги есть?

– Должны быть.

– Не сегодня, так завтра? – догадался Ахиллес Чибулька. – Лады, возьму за свои, отдашь позже. Будет у тебя свой Панталеон. А сейчас пойдем «Под голову мавра», поедим чего-нибудь, выпьем. Расскажешь о своих приключениях. Столько слухов было, что просто горю от любопытства...

Вот так, прежде чем закончился день, счастливчик Рейневан имел во Вроцлаве все шансы получить деньги и укрытие – две вещи, без которых не может обойтись ни один заговорщик. Имел также друга и сообщника. Потому что, хотя рассказ о своих приключениях Рейневан сильно сократил и подверг строгой цензуре, Ахиллес Чибулька был под таким впечатлением, что как только все выслушал, тут же заявил о долгосрочной помощи и соучастии во всем, что Рейневан задумал и планирует.

Что касается самого Рейневана, то он сильно рассчитывал на то, что светлая полоса не закончится. Уж очень она ему была нужна. Он должен установить контакт с каноником Отто Беессом. Это было связано с риском. За Отто Беессом могли следить. Его дом мог быть под наблюдением.

«Вся надежда, – думал счастливчик Рейневан, благостно и счастливо засыпая в комнатке над аптекой, на скрипучей кровати, под отдающей плесенью периной. – Вся надежда на удачу, которая мне в последнее время способствует.

И на Панталеон».

Когда Рейневан повесил себе на шею амулет и активировал его, Ахиллес Чибулька вытирает глаза, открыл рот и отошел на шаг назад.

– Господи Иисусе, – вздохнул он. – Тьфу-тьфу. Что эта зараза делает из человека... Хорошо, что ты себя не видишь.

Амулет Панталеон, местная особенность, местный продукт вроцлавской магии, был придуман и создан с одной только целью: скрывать личность носящего. Делать так, чтобы на носящего не обращали внимания. Чтобы его не видели и не замечали, чтобы взгляд посторонних скользил по нему, не фиксируя не только его вида, но и присутствия. Название амулета происходило от Панталеона из Корбели, одного из прелатов епископа Нанкера. Прелат Панталеон славился тем, что на вид был настолько, как слизняк, обычным, настолько, как мышь, серым и так противно никаким, что мало кто, включая и самого епископа, замечал его и обращал на него внимание.

– Похоже, – заметил унгентарий, – что нехорошо носить это слишком долго. И слишком часто...

– Знаю. Буду пользоваться в меру и носить с перерывами. Пойдем.

Был четверг, базарный день, на Соляной площади царили толкотня, сумятица и неразбериха. Не свободней было и на Рынке, где кроме того кому-то на эшафоте делали что-то, очень интересующее публику. Рейневан и Чибулька не узнали что и кому делали, поскольку прошли суконными рядами, потом через Куриный базар добрались к вымощенной деревянными бревнами Швейной.

В окне каноника Отто Беесса не было желтой занавески. Рейневан тут же опустил голову и ускорил шаг.

– Новый дом и контора компании Фуггеров, – бросил через плечо следующему за ним Чибульке. – Ты знаешь, где это?

– Все знают. На Новом Рынке.

– Пойдем. Не оборачивайся!

Панталеон действовал отлично. Прежде, чем дежурный в конторе клерк вообще обратил на него внимание, Рейневан должен был повысить голос и грохнуть кулаком по стойке. Прежде, чем появился вызванный клерком служащий компании Фуггеров, Рейневану пришлось подождать. И немножко понервничать. Но ждать стоило. А нервничать – нет.

Служащий компании Фуггеров фигурой и лицом был больше похож на священника, чем на чиновника и купца.

– Всенепременно, всенепременно, – улыбался он доброжелательно, выслушав, по какому делу пришел клиент. – Его преподобие Отто Беесс изволил перед отъездом положить в нашей фирме некоторый... депозит. Адресованный вельможному господину Рейнмару фон Хагенау. Ваша милость, как понимаю, собственно и является тем самым господином Рейнмаром?

– Именно.

– А не похож господин, – еще доброжелательнее улыбнулся служащий, поправляя вышитые золотой нитью манжеты бархатного приталенного вамса, одежды более подходящей священнику, чем купцу. – Не похож господин. Каноник Беесс, инструктируя нас, не забыл детально описать Рейнмара фон Хагенау. Вы, мил сударь, этому описанию никак не соответствуете. Так что позвольте...

Служащий спокойно полез за пазуху и достал подвешенную на ремешке прозрачную голубоватую пластинку. Приложив ее к глазу, осмотрел Рейневана с головы до ног. Рейневан вздохнул. Мог бы и догадаться. На каждое волшебство было антиволшебство, на каждый амулет – контрамулет. На Панталеон была Визиовера. Периапт Истинного Видения.

– Все ясно, – сказал служащий, пряча Периапт обратно за пазуху. – Прошу за мною.

В комнате, куда они вошли, стену напротив пылающего камина занимала большая карта. Карта Силезии, Чехии и Лужиц. Рейневану хватило одного взгляда, чтобы сориентироваться, что представляют собой начерченные линии, стрелки и круги вокруг городов. Красными кружочками обозначены были, в частности, Свидница и Стшегом, а направленная на юг линия совпадала с маршрутом возвращающихся в Чехию Сироток Краловца. Бросались в глаза также линии, соединяющие Чехию с Лужицами: с Житавою, Будзишином, Згожельцем. И еще одна, жирная, закрученная, заканчивающаяся стрелообразно огромная линия, глубоко вонзающаяся в долину Лабы, Саксонию, Тюрингию и Франконию.

Служащего компании Фуггеров явно забавляла заинтересованность Рейневана.

– Яна Краловца и его Сироток, – сказал он, подойдя, – вчера, шестнадцатого дня февраля месяца с триумфом встречали в Градце-Кралове. После семидесяти трех дней грабежей и пожаров рейд победоносно закончен, поэтому эту линию можно будет с карты стереть. Что касается других кривых... Многое зависит от итогов съезда в Луцке на Вольни. От того, как поведет себя Витольд. От дипломатического дара Андреа ди Палатио, папского посланника. От того, будут ли в Пожоне переговоры между Зигмунтом Люксембургским и Прокопом Голым... А как вы считаете? Будем стирать с карты красные линии и стрелки? Или же будем чертить новые? Каково ваше мнение-с, господин Рейнмар из Беявы?

Рейневан посмотрел ему в глаза. Служащий улыбнулся. Единственное, что у него было от купца, это собственно улыбка. Располагающая. Рождающая доверие. Подталкивающая доверить дело и деньги. И поделиться секретами. Но у Рейневана не было желания делиться. Это служащий Фуггеров сразу же понял.

– Понимаю. – Он небрежно развел ладонь и дорогие кольца на пальцах. – Есть вещи, о которых не говорится... Пока. Тогда перейдем к делу.

Он открыл секретер.

– Каноник Отто Беесс, – сказал он, поднимая взгляд, – изволил перед своим отъездом удостоить нас своим доверием. Небезосновательно. Он знал, что у Фуггеров равным образом в безопасности и депозит, и секрет. Ничто не в состоянии заставить нашу компанию разгласить

доверенный нам секрет. А это депозиты. Письмо Отто Беесса, запечатано, печать не повреждена. Тут же депонированные Отто Беессом сто гульденов. И еще сто, которые я вам должен выплатить согласно вчерашнему распоряжению господина Варфоломея Эйзенрейха... Изволите-с пересчитать?

– Доверяю.

– Правильно, если позволите заметить. А если позволите дать совет, просил бы не брать всю сумму сразу.

– За совет спасибо. Беру все. Сейчас и немедленно. Я не намерен сюда возвращаться. Так что прощайте. Потому что больше не увидимся.

Служащий Фуггеров улыбнулся.

– Кто знает, господин Рейнмар из Беявы? Кто знает?

Доверие Отто Беесса компании Фуггеров было отнюдь не безграничным, ибо письмо каноника было защищено не только печатями. Содержание было отредактировано так искусно, что постороннему лицу много бы не сказало. Не было в письме ничего, что могло бы служить доказательством либо другим способом использовано во вред отправителю. Или получателю. Даже Рейневану, как-никак хорошо знавшему каноника, пришлось немного попотеть над кодом.

– Ахиллес! Может, ты знаешь, – спросил он, не поднимая голову, – во Вроцлаве корчму или постоялый двор, в названии которых есть рыба?

– Во Вроцлаве, – Ахиллес Чибулька оторвался от пересчета сложенных в столбики монет, – есть сто корчм. Рыба, говоришь? Подумаем... Есть корчма «Под шукою» на Монетной, есть «Синий карп» в Новом Городе... Эту не рекомендую. Еда неважная, по морде получить можно на удивление легко... Ну, есть также «Золотая рыбка»... За Одрю, на Олбине...

– Неподалеку от лепрозория и церкви Одиннадцати тысяч дев, – расшифровывал всё еще склоненный над письмом Рейневан. – *Locus virginis*, ага! Все ясно. «Золотая рыбка», говоришь? Я должен туда пойти, Ахиллес. Причем сегодня же. После вечерней.

– Олбин после вечерней? Решительно не советую.

– И все-таки мне придется.

– Нам придется. – Унгентарий потянулся так, что захрустели суставы в локтях. – Нам обоим. Идя в одиночку, можешь туда вообще не дойти. Вернемся ли мы оттуда целыми, это другое дело. Но пойдем в двойке.

– Однако сначала, – он бросил взгляд на столбики монет на столе, – надо обезопасить капитал. Щедро тебе капнуло, щедро, чтоб я так жил. Если вычесть долг за амулет, твое имущество составляет сто девяносто три золотых рейнских. Ты кого-то похитил, или как? Потому что очень смахивает на выкуп.

Слабый свет зажженного фонаря выявил, что нападающих трое. На головах они имели мешки с выжженными отверстиями. Один, настоящий великан, ростом в семь стоп,³⁷ не меньше, второй тоже был высокий, но худой, с длинными, как у обезьяны руками. Третий скрывался в темноте.

Задыхаясь от кляпа, отец Фелициан не питал никаких иллюзий. Шпионил он и доносил на многих людей, множество людей имело причины, чтобы напасть на него, похитить и отомстить. Ужасно, по-садистски, пропорционально причиненному в результате доносов вреду. Отец Фелициан отдавал себе отчет, что похитители сейчас начнут делать с ним разные ужасные вещи. Стоящий на обочине овин для молотбы снопов, куда его затащили, превосходно подходил для этих целей.

³⁷ давняя мера длины, около 30 см.

У алтариста не было ни иллюзий, ни надежды. И никакого иного выхода, кроме как пойти на полный сумасшедший риск. Несмотря на связанные руки, он сорвался, как пружина, наклонил голову и, как бык, ринулся в сторону ворот.

Ясное дело, шансов у него не было. Один из похитителей железной рукой схватил его за ворот. Второй со всей силы заехал по крестцу. Чем-то твердым как железо. Удар был настолько силен, что отцу Фелициану отбило дыхание и отняло ноги, причем мгновенно и так неожиданно, что через секунду ему казалось, что он летит, поднимается в воздух. Он упал на глиняный пол, обмякший, как мешок с паклей.

Свет фонаря приближался. Оцепеневший алтарист сквозь слезы увидел третьего из нападающих. Тот не маскировался. Его лицо было обычным и никаким. Очень никаким.

В руке он держал длинную и толстую кожаную плетъ. Плетъ была явно тяжелая. И позванивала металлом. Отец Фелициан слышал звяканье, когда нападающий приблизил плетъ к его лицу.

– То, чем ты минуту тому получил, – голос нападающего показался ему знакомым, – это двадцать золотых рейнских флоринов. Можешь получить этими деньгами еще пару раз. А можешь получить их в свою собственность. Выбирать тебе.

Рейневан знал «Золотую рыбку» с того времени, когда был на практике в лепрозории Одиннадцати тысяч дев. Почему находившаяся вблизи познаньского большака корчма была именно так названа, оставалось тайной владельца, точнее владельцев, потому что корчма, которая традициями восходила ко временам Генрика Пробуса, поменяла их много. Во всяком случае, рыбку, золотую или какую-либо другую, напрасно было бы искать на вывеске или в интерьере. Вывеской корчма не обладала вообще, главным же элементом интерьера было огромное чучело медведя. Медведь стоял в корчме, сколько помнили самые старшие завсегдатаи, с течением времени все больше уступая моли. Мошь также стала причиной разгадки одной тайны: из-под поеденного ею меха в конце концов показались грубые швы, обнаруживая, что медведь является изделием искусственным, ловко сложенным из нескольких меньших медведей и других более-менее случайных элементов. Завсегдатаев этот факт, однако, не взволновал и не мешал им.

В этот вечер в «Золотой рыбке» также мало кто обращал внимание на медведя. Все внимание плотно забивших зал гостей было обращено на пиво и водку, а также, невзирая на пост, на жирное мясо. Последнее, печеное на углях, заполняло помещение приятным ароматом и непроглядным дымом.

– Я ищу... – Рейневан сдержал кашель, вытер слезящиеся глаза. – Я ищу человека по имени Гемпель. Грабис Гемпель. Знаю, что часто здесь бывает. А сегодня?

– Разве, – корчмарь посмотрел на него сквозь дым, – я сторож брату моему? Ищите, да обращайтесь.

Рейневан уже было намерился также угостить корчмаря какой-нибудь библейской сентенцией, но Ахиллес Чибулька покашливанием подсказал ему другое решение. Он вынул из кармана и показал трактирщику золотой флорин. Трактирщик уже больше Библию не цитировал. Движением головы он указал в угол заведения. За столом, поверхность которого заполняли бутылки и кувшины, сидели три достаточно легко одетые, скорее раздетые, девицы. И четверо мужчин.

Подойти они не успели. Рейневан почувствовал, как что-то припирает его к стойке. Что-то большое. И вонючее. Как чучело этого заведения. Он с трудом обернулся.

– Новые люди, – промолвил, ужасно разя луком и плохо переваренным мясом, большой и косматый тип в вылезшей наполовину из штанов рубашке. – Новые люди здесь платят вступительное. Обычай такой. Потруси-ка кошельком, барин. И выставь нам, а то мы умираем от жажды.

Дружки косматого, в количестве трех человек, захохотали. Один брюхом пхнул Ахиллеса Чибульку. Этот для разнообразия вонял по-постному. Рыбой.

– Хозяин, – махнул Рейневан. – Пиво для этих господ. По бокалу.

– По бокалу? – прохрипел ему в лицо косматый. – По бокалу? Одранского рыбака обижаешь? Трудящего человека? Бочонок ставь, падлю ты! Ты червяк! Ты мандавошка городская!

– Отойди, добрый человек, – слегка сожмурил глаза Рейневан. – Уйди. Оставь нас в покое.

– А то что?

– Не вводи во искушение.

– Чтоо-о-о?

– Я дал обет не бить людей во время поста.

Прошло какое-то время, пока до косматого дошло, пока он зарычал и размахнулся кулаком для удара. Рейневан был проворнее. Он схватил со стойки кувшин и разбил его о физиономию косматого, заливая его пивом и кровью. В то же мгновение, используя размах, он заехал другому верзиле ногой в промежность. Чибулька расквасил третьему нос предусмотрительно взятым в дорогу кастетом, четвертому забил кулак под ребра и повалил на колени. Косматый пытался встать, но Рейневан дал ему в лоб уцелевшей ручкой кувшина, а видя, что этого мало, добавил так, что в кулаке у него остались только крупы глины и эмали. Он прижался спиной к стойке, вытащил стилет.

– Спрячь нож! – заорал трактирщик, подбегая с прислужниками. – Нож спрячь, обормот! И вон отсюда. Чтобы я вас здесь больше не видел, сволочи! Негодяи! Авантюристы! Ноги вашей чтобы здесь не было! Вон, говорю!

– Это они начали...

– Это постоянные посетители! А вы чужие! Приблуды. Убирайтесь отсюда! *Raus! Raus*,³⁸ говорю!

Их выпихнули, обзывая и толкая палками, в сени. А из сеней во двор.

Посетителям было развлечение, слезы выступали от потехи, тонко хихикали дамочки. Чучело медведя наблюдало за происходящим одним стеклянным глазом. Второй ему кто-то выдолбал.

Они не отошли далеко, только за угол конюшни. Услышав за собой тихие шаги, оба, как пружины повернулись. Рейневан со стилетом в руке.

– Спокойно, – поднял руку мужчина, которого они видели внутри, возле стола в углу, среди бутылей и девок. – Спокойно, без глупостей. Я Грабис Гемпель.

– По прозвищу Аллердингс?

– *Allerdings*.³⁹ В самом деле. – Мужчина выпрямился. Был высокий и худой, с длинными обезьяньими руками. – А вы по поручению каноника, как я догадываюсь. Но каноник говорил об одном. Кто из вас тот один?

– Я.

Аллердингс посмотрел на Рейневана, изучая.

– Ты очень неумно поступил, – сказал он, – приходя сюда и расспрашивая. Еще более глупой была эта авантюра. Сюда часто заглядывают сыщики, могли бы тебя запомнить. Хотя, по правде, физиономия у тебя... Такую трудно запомнить. Без обид.

– Без обид.

³⁸ Прочь (нем.).

³⁹ Конечно (нем.).

– Я возвращаюсь вовнутрь. – Аллердингс подвигал худыми плечами. – Кто-нибудь мог видеть, как я за вами выхожу, а меня запомнить легче. Увидимся завтра. На Милицкой, в винном погребке «Звон грешника». На терцию. А сейчас – с Богом. Убирайтесь отсюда.

Они встретились. Девятнадцатого февраля, в субботу перед воскресеньем *Reminiscere*.⁴⁰ На улице Милицкой, в погребке «Звон грешника», который в основном посещали подмастерья литейных заводов, сейчас, в пору терции, скорее пустом. С самого начала уклончиво объяснить, о чем речь, Аллердингс ему не позволил.

– Я знаю в подробностях, – прервал он, прежде чем Рейневан начал развивать суть дела, – что к чему. Подробности дал мне наш общий знакомый, каноник Беесс, до недавнего времени препозит в кафедральном капитуле. Делал он это, сознаюсь, с большой неохотой, решив сохранить себя и свои тайны. Однако он знал, что без этого я не смог бы подготовить акцию.

– Значит, ты в курсе, – понял Рейневан. – А акцию подготовил. Тогда перейдем к деталям. Время торопит.

– Что торопливо, – холодно прервал Аллердингс, – то дьяволово, как говорят поляки. Перед деталями стоит обмозговать более общую проблему. Которая может иметь на детали влияние. Причем принципиальное.

– И что это за проблема?

– Проблема в том, имеет ли запланированная акция вообще смысл.

Рейневан какое-то время молчал, забавляясь бокалом.

– Имеет ли акция смысл, – повторил наконец. – Как ты предлагаешь это установить? Будем голосовать?

– Рейневан, – не опустил взгляд Аллердингс. – Ты – гусит. Ты – предатель. В этом городе ты – ненавидимый враг, находишься в самом центре вражьего стана. Вызываешь отвращение как еретик, отступник от веры, на которого всего лишь четыре недели тому под звон колоколов в этом городе наложили анафему. Ты ловчий зверь, ягненок среди стаи волков, все за тобой следят и охотятся. Ибо тот, кто убьет тебя, получит славу, уважение, престиж, отпущение грехов, благодарность властей, денежное вознаграждение и успех с прекрасным полом. И в конце концов тебя затравят, парень. Не поможет тебе магия, которой ты маскируешься, на магию есть методы, если внимательно всмотреться, видно из-под камуфляжа твою настоящую морду. Узнав на улице, тебя разорвут в акте самосуда. Или возьму живьем и вздернут на эшафоте. Так оно будет, и каждый последующий день пребывания во Вроцлаве неумолимо этот момент приближает. А ты, вместо того, чтобы брать ноги в руки, хочешь предпринимать какие-то сумасшедшие действия. Скажи мне, положи руку на сердце, это имеет смысл?

– Имеет.

– Понимаю, – теперь пришла очередь помолчать немного Аллердингсу. – Все ясно. Для спасения попавшей в беду девушки идем на любой риск. На любое сумасшествие. Даже на такое, которое ничего не даст.

– Не даст?

– Следя за личностью, ставшей нашей целью, я ее немного исследовал. Ее характер. И скажу тебе, что думаю: ничего ты не получишь. Этот тип или тебя предаст и выдаст, или обманет и подставит, пошлет на поиски этой твоей Ютты куда-то за воображаемые горы.

– Наше дело, – не опустил взгляд Рейневан, – устроить так, чтобы он боялся так поступить.

– Это выполнимо, – улыбнулся Аллердингс, впервые с момента начала разговора. – Ладно, что я должен был тебе сказать, я сказал, сейчас и правда время перейти к деталям. Не тратя времени. Опираясь на неоценимые указания каноника Беесса, я узнал то, что надо. Знаю

⁴⁰ Второе воскресенье Великого поста.

где, знаю когда, знаю как. Знаю также, что не обойтись нам без помощи. Нам впрямь нужен третий. Причем не твой аптекарь, поскольку то, за что мы беремся, – дело не для аптекарей. С минуты на минуту появится здесь некий Ясё Кминек. Ты сам говорил: надо устроить так, чтобы наш клиент боялся. А Ясё Кминек – это выдающийся специалист. Истинный виртуоз в выбивании зубов.

– Так зачем, – поднял брови Рейневан, – было всё это предварительное красноречие? Коль ты знал, что я и так не отступлюсь? Иначе не ангажировал бы никаких виртуозов.

– Поговорить я считал своим долгом. А предвидеть я умею.

Ясё Кминек оказался огромным, семи с гаком стоп ростом детиной, настоящим великаном. Великан поздоровался, выпил пива, рыгнул. Что есть сил он старался произвести впечатление полного простака. Выдавала, однако, его манера говорить. И интеллигентный огонек в его глазах, когда он слушал.

– Будем работать около Святого Маврикия, – подытожил он. – Речь идет о валлоне? Не очень охотно ссорюсь с чародеями.

– Не поссоришься.

– Работа мокрая?

– Скорее нет. Самое большое – надо будет кое-кого побить.

– Тяжело? С продолжительными последствиями?

– Не исключено.

– Ясно. Моя ставка – четверть гривны серебром. Или эквивалент в произвольной валюте.

Годится?

– Годится.

– Когда работа? Я – человек трудящийся.

– Мы знаем. Еще ты – виртуоз.

– Я работаю в пекарне, – выразительно подчеркнул Ясё Кминек. – Мне придется на это время взять отгул. Потому и спрашиваю: когда?

– Через три дня, – сказал Аллердингс. – Во вторник. Будет полнолуние. Наш клиент предпочитает вторники и светлые ночи.

Прислоненный спиной к столбу отец Фелициан вздыхал, охал и стонал. Ощущение ног постепенно возвращалось к нему, одеревенение заменяла нарастающая боль. Боль настолько острая, что мешала сосредоточиться. Он с трудом связывал и понимал, что ему говорят. Стоящий над ним нападающий, у которого лицо было до отвращения обычным, в связи с этим был вынужден повторять. Было видно, что его это злит.

– Инквизиция, – сипел он – посадила в заключение и тайно содержит девушку. Панну Ютту Апольдовну. Ты должен узнать, где ее содержат.

– Добрый господин, – захныкал отец Фелициан. – Как же с этим справиться? Я же червь ничтожный... Ничего не значу... А что у епископа служу? Да кто я у епископа? Слуга, бедный холоп... А то, о чем вы речь ведете, господа, не епископа это дело, но самой Святой Курии... Куда мне до Курии, куда до их дел тайных. Что я о том знать могу?

– Знать можешь, – прошипел нападающий, – столько, сколько подслушаешь, подсмотришь и вынюхаешь. А то, что ты мастер в этой специальности, ни для кого не секрет. Мало кто может сравниться с тобой в подслушивании, подглядывании и вынюхивании.

– Да кто я такой? Я слуга... Я никто! Вы меня с кем-то перепутали...

– Не перепутали. Ты Ганес Гвиздек, прозванный Вошкой. Ныне отец Фелициан, ставший благодаря епископу алтаристом в двух церквях сразу, в Святой Эльжбеты и Святого Михаила. В награду за шпионство и доносы. Правда, отец исповедник? Ты доносил канонику Беессу, потом доносил на Беесса. Теперь доносишь на Тильмана, на Лихтенберга, на других. Епископ

обещает тебе за доносы дальнейшую карьеру, повышение в иерархии, дальнейшие лакомые пребенды. Как думаешь, сдержит епископ обещания? Когда узнает о тебе правду? То, что ты трахаешься с валлонками, причем в пост, епископ, пожалуй, тебе простит. Но что он сделает, когда узнает, что на него, епископа, ты тоже доносишь, с не меньшим усердием? Инквизитору Гжегожу Гейнче?

Отец Фелициан громко сглотнул слюну. Долго ничего не говорил.

– То, что вы хотите знать, – пробормотал он наконец, – это тайное дело Инквизиции. Касающееся ереси. Большая тайна...

– Большие тайны, – нападающий явно терял терпение, – тоже можно разнюхать. – А чем больше тайна, тем больше награда. Посмотри, здесь двенадцать рейнских. Даю тебе их, они твои, когда отпущу тебя, можешь их себе взять. Без всяких обязательств. Однако, если добудешь информацию, если она меня удовлетворит, получишь еще пять раз столько же. Сто флоринов, Гвиздек. Это в пять раз больше, чем пребенды, которые ты имеешь ежегодно с обоих твоих алтарей. Так что подумай, покалькулируй. Может, все-таки, стоит поднатужиться.

Отец Фелициан сглотнул слюну во второй раз, а глаза его по-лисы сверкнули. Нападающий с обычной внешностью наклонился над ним, посветил в лицо фонарем.

– Но знай, – процедил он, – что если бы ты меня предал... Если бы ты меня выдал, если бы меня схватили... Если бы со мной что-то недоброе случилось, если бы я заболел, отравился кушаньем, удавился бы костью, утонул в миске либо попал под телегу... Тогда, исповедник, можешь быть уверенным, надежные доказательства попадут к людям, которым ты навредил. которым все еще пытаешься вредить. Среди них, в частности, к Яну Снешкевичу, епископскому викарию. Викарий – человек рьяный, ты об этом хорошо знаешь. Если узнает кое-что... Выловят тебя из Одры, Гвиздек. Не пройдет и трех дней, как выловят твой распухший труп на Сокольникском пруду. Ты ведь это понимаешь, правда?

Отец Фелициан понимал. Он сжался и торопливо покивал головой.

– Чтоб раздобыть информацию имеешь десять дней. Это крайний срок.

– Я постараюсь... Если удастся...

– Лучше, чтобы удалось. Для тебя лучше. Ясно? А сейчас свободен, можешь идти. Ага, Гвиздек...

– Да, господин?

– Не шлейся по ночам. Я рассчитываю на тебя, жаль было бы, если бы тебе где-то тут перерезали горло.

В окне дома Отто Беесса на Швейной по-прежнему не было желтой занавески. Впрочем, Рейневан не надеялся ее там увидеть. Не за этим он сюда пришел. Просто Швейная была у них на пути.

– Ты знаешь, куда уехал каноник? К себе, в Рогов?

– *Allerdings*, – подтвердил Аллердингс. – Не исключаю, что надолго. Во Вроцлаве создалась неприятная для него атмосфера.

– Отчасти из-за меня.

– Может это заденет твою гордость, – Аллердингс посмотрел на него через плечо, – но я скажу тебе: слишком себе льстишь. Если ты и был предлогом, то одним из множества. И не самым важным. Епископ Конрад уже давно косо смотрел на каноника Отто, все искал okazji, чтобы насолить ему. Наконец, представь себе, порылся в генеалогии и признал каноника поляком. Никакой это на Беесс, объявил он, но Бес. Самый обыкновенный в мире польский Бес. А польским Бесам не место во Вроцлавском епископстве. Размечтался польский Бес о прелатуре в соборе? Так пускай себе валит в Кнежин или Краков, там тоже есть кафедральные соборы.

– Соборы, если быть точным, в Польше есть еще в Познани, Влоцлавеке, Плоцке, и Львове. А Бесы, тоже для точности, не являются поляками. Их род происходит из Хорватии.

– Хорватия, Польша, Чехия, Сербия или какая-нибудь другая Молдавия, – надул губы Аллердингс, – то для епископа один пес, один Бес и один черт. Все это славянские нации. Враги. Плохо к нам, истинным немцам, настроенные.

– Ха-ха, очень смешно. Но так оно и есть. А знаешь в чем парадокс?

– Не знаю.

– А в том, что вредя канонику, епископ вредит сам себе. Отто Беесс во Вроцлавском капитуле был практически один, кто постоянно поддерживал епископа в вопросе неограниченной власти папы; остальные прелаты и каноники всё более открыто заявляют о совещательности. Епископ своими интригами лишается сторонников, это может для него плохо закончиться. Собор в Базеле всё ближе. Много изменений может этот собор принести... Ты меня слышишь? Что ты там делаешь?

– Сапог чищу. В дерьмо наступил.

С весны 1428 года Вроцлав был островом в море войны, оазисом в пустыне военного разрушения. Хотя и огражденная от мира руслами Олавы и Одры, хоть и оберегаемая мощными стенами, силезская метрополия была далека от того, чтобы купаться в благодатной роскоши безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Вроцлав слишком хорошо помнил прошлую весну. Память была живой и настолько реальной, почти ощущаемой на ощупь. Жило в ней зарево пылающего Бжега, Ричина, Собутки, Гнехович, Сьроды и удаленных почти на две мили Кантов. Вроцлав помнил начало мая, когда с городских стен смотрел на армию Прокопа Голого глазами, слезящимися от дыма сжигаемых Жерников и Мухобора. И не прошло еще шесть недель, как с юга шли вниз по Одре Сиротки, как все колокола метрополии в ужасе объявляли об их подходе к Олаве на расстояние не более одного дня пути.

Вроцлав был островом в океане войны, оазисом в пустыне пепла и пожарищ. Земли на юг от Вроцлава стали необитаемым пепелищем. За стенами Вроцлава, которые в мирное время давали приют пятнадцати тысячам человек, сейчас искало убежище почти еще столько же. Вроцлав сжимался, существовал в тесноте. В атмосфере неуверенности и опасности. В ауре парализующего страха. И повсеместного доносительства.

Виноваты были все: епископ, прелаты, Инквизиция, городская власть, рыцари, купцы. Все. Те, кому безопасность города была по-настоящему нужна. Те, которые видели гуситского шпиона за каждым углом и с ужасом вспоминали прошлый год: открытые предательством ворота Франкенштейна и Рихбаха, добытый коварством замок на Сленжи, заговоры в Свиднице, диверсии в Клодзке. Те, которые считали, что облава на шпионов выгонит настоящих и фактических шпионов из укрытий. И те, которые ни в каких шпионов не верили, но которым психоз страха был очень на руку. Все поощряли доносительство, усиливая страх и всеобщий перепуг, приводя к тому, что паника возвращалась рикошетом ненависти и преследований. Ведь предатели, чародеи и гуситы могли прятаться везде, за каждым углом, в каждом закоулке, в любой одежде. Подозревался каждый: соседка, так как не одолжила сито, торговец, так как дал сдачу обрезанным скойцем, столяр, так как говорил всякие гадости о пробоше,⁴¹ сам пробош, так как пил, и швец, так как не пил. На то, чтобы на него донесли, несомненно заслуживал кафедральный учитель, магистр Шильдер, так как на стенах крутился возле бомбарды. Доноса был достоин вне всякого сомнения советник Шеурлейн, так как во время воскресной мессы ужасно пёрднул в костеле. Под подозрением был городской писарь паныч Альбрехт Струбич, так как хоть и болел, но выздоровел. Под подозрением был Ганс Плихта, городской стражник, так как достаточно было посмотреть на его рожу, чтобы стало ясно: пьяница, бабник, взяточник и вообще продажный человек.

⁴¹ приходской священник.

Под подозрением был жонглер-веселун, так как устраивал игры и хохмы, подозревался плотник Козубер, так как над этими хохмами смеялся. Подозревалась панна Ядвига Банчувна, так как завивала волосы и носила красные башмачки. Пан Гюнтероде, так как произносил имя всуе. Вызывал подозрение кожевник, так как вонял. И нищий, так как вонял еще сильнее. И еврей. Поскольку был евреем. А все, что плохое, – это ж от евреев.

Доносов и наушничества становилось все больше, конъюнктура подпитывала сама себя, разрастаясь, как снежный ком. Скоро дошло до того, что самыми подозреваемыми становились те, на кого никто не донес. Так что, зная об этом, некоторые доносили сами на себя. И на ближайших родственников.

Было бы странно, если бы в этом море доносов не нашлось хотя бы одного доноса на Рейневана.

Но нашелся. И не один.

Его сцапали на Соляной площади, которую он пересекал, лавируя между лавочками, по дороге на завтрак. Он завтракал «Под головою мавра» ежедневно. Регулярно. Слишком регулярно.

Его сцапали, выкрутили руки, приперли к ларьку. Их было шестеро.

– Рейнмар Беляу, – сказал бесстрастно главарь, потирая плоский и отвратительно обезображенный болезнью нос. – Ты арестован. Не оказывай сопротивления.

Он не оказывал. Потому что не мог. В голове у него мутилось, от неожиданности был как во сне, не слишком понимал в чем речь.

«Ютта, – думал он лихорадочно и беспорядочно. – Ютта. Алтарист Фелициан выследил место заключения Ютты. Но как я свяжусь с алтаристом? Если буду сам в заключении? Или мертвым?»

Вокруг уже собиралась и увеличивалась толпа.

– Ну-ка, – махнул тот, что с обезображенным носом. – Вяжите пташку. Наложите ему путы.

– Наложите, наложите! – Сквозь столпотворение продирался седой верзила в кожаном кафтане и с мечом, в компании с несколькими вооруженными. – А когда наложите, отходите. Потому что он наш. Мы его уже пару дней отслеживаем. Вы поспешили, ну да ладно. Но сейчас выдайте его нам. Наши права выше.

– Как выше? – Нос подбоченился. – В чем выше? Это вам не Тумский остров, это Вроцлав. А во Вроцлаве нет ничего выше городского совета. Во Вроцлаве совет управляет. Я узника по распоряжению господ совета арестовал и доставляю в ратушу. Вы правы, что я поспешил. А вы опоздали. Это ваше упущение, раньше надо было вставать. Кто первый встал, тот первый взял. Так что подите вон, господин фон Гунт. Не препятствуйте службе.

– Во Вроцлаве правит епископ, – парировал Кучера фон Гунт. – Наместник короля Зигмунта, господина твоего, ублюдок, и всего твоего совета. А я здесь представляю особу епископа, так что смотри, ратушный прихлебатель, с кем разговариваешь. Кого вон посылаешь. У меня приказ доставить арестанта в усадьбу епископа...

– А я в ратушу!

– Это дело церковное, – повторил гневно Кучера, – хуя вашей ратуше. А ну-ка расступись!

– Сам расступись!

Кучера фон Гунт прорычал, засопел, положил руку на меч. В это мгновение из все более напирющей и гудящей толпы выскочила, скорее даже выстрелила, мелкая фигура в буром халате. Прежде чем кто-либо сумел отреагировать, фигура с разгона бросилась на Рейневана, вырвала его из объятий прислужников и свалила с ног, прижимая к земле. Ошарашенный Рей-

неван смотрел прямо в лицо фигуры. С обыкновенного носа и обыкновенных губ текла кровь. И какие-то мерзкие клейкие выделения.

– Я их обплюю, – прошептала ему фигура мягким женским альтом. – А ты беги...

Ратушные служащие и люди фон Гунта стащили женщину с Рейневана, дергая, тормоша и трясая как куклу. Женщина вдруг обвисла у них на руках, закатила глаза. Спазматически раскашлялась, подавилась, захрипела. И неожиданно харкнула, плюнула и сморкнулась. Очень обильно и чрезвычайно широко. Кровь и слизистая клейковина густо испещрила лица и одежду окружающих.

– Пресвятая Мария! – завопил кто-то в толчее. – Это же зараза! Мор! Мор!

Повторять нужды не было. Все знали, что такое *mors nigra*, Черная Смерть, все знали как следует бороться с Черной Смертью. Принцип был простой, правило было одно и гласило: *fuge*, беги. Все – торговцы, прохожие, служащие, военизированный отряд епископа, Нос, фон Гунт – бросились панически бежать, сбивая и топча друг друга. Соляная площадь опустела за одну секунду.

Остался лишь Рейневан. Медик. Склонившись на коленях над зараженной. Он пытался разжать ей губы, облегчить, удалить блокирующие горло слизь и сгустки. «От этого нет никаких заклятий, никаких чар, никакого амулета. Никакая магия не лечит и не предохраняет от заражения лёгочной формой чумы... Ведь это же легочная форма, без сомнения, проявления классические, хотя... У неё нет лихорадки... Холодный лоб... И тело... Грудь... Возможно ли это? что-то здесь не так...

Женщина с обычным лицом отодвинула его руку.

– Вместо того, чтобы меня лапать, – промолвила она спокойно и выразительно, – ты бы бежал, глупышка несчастный. Быстро. Прежде, чем они спохватятся, что это был розыгрыш.

Он не заставлял повторять два раза.

* * *

Если бы он решился удирать из Вроцлава как был, пешком, в одном тонком кафтане на плечах, ему бы это удалось. В городе переполох и сумятица, побег имел вполне порядочные шансы на успех. Но Рейневану было жаль своего добра и полученного в подарок от Держки де Вирсинг гнедого иноходца. Он оказался неспособным к тому, чтобы не моргнув глазом без малейшего сожаления бросить материальные блага. Короче говоря, погубил его материализм. Как и многих до него. Сцапали его в конюшне. Набросились в тот момент, когда он седлал коня. О сопротивлении не могло быть и речи. Было их слишком много, с таким же успехом можно было пытаться победить сторукого Бриарея.⁴² В легко предвиденном финале у Рейневана был мешок на голове и путы на руках и ногах. Потом его подняли и словно куль бросили на телегу. И привалили чем-то мягким и тяжелым, наверное тряпьем.

Щелкнул кнут, скрипнули оси, воз подскочил и покатился по вымощенной булыжником улице. Приваленный кучей тряпья Рейневан ругался и кусал себе локти.

Начиналась путешествие в неизвестное.

⁴² В греческой мифологии чудовище с 50 головами и сотней рук, спасшее Зевса, когда боги восстали против него.

Глава третья, ***в которой подтверждается поговорка и получается,*** ***что мир, действительно, тесен – ибо на каждом*** ***шагу Рейневан натывается на знакомых.***

Телега, на которой его везли, подпрыгивала и качалась на выбоинах, скрипя при этом так, словно вот-вот развалится. Рейневан, который сначала придавившую его и едва позволяющую дышать кучу тряпок и колючей рогожи воспринимал как пытку и всю материл тех, кто это сделал, очень быстро поменял мнение. Будучи обездвиженным под кучей, он не бился о борта бешено мчащего экипажа, чувствовал и слышал грохот других предметов, наверное бочек и лесниц, которые беспорядочно летали внутри, то и дело перекачиваясь через него. Езда, впрочем, была такая, что даже в коконе тряпья зубы на выбоинах шелкали и звенели.

Сколько длилась эта дикая гонка оценить было трудно. В любом случае долго.

Его вытащили из-под тряпок, не церемонясь, бросили с воза на землю. Или скорее в болото, потому что одежда мгновенно начала промокать. Почти в то же мгновение его также бесцеремонно подняли, рывком сорвали с головы мешок. От толчка он ударился спиной о колесо.

Они были в овраге, на склонах еще белел снег. Однако в воздухе уже пахло весной.

– Невредим? – спросил кто-то. – Цел?

– Да видно же, что цел. Ведь на собственных ногах стоит. Давайте грошики, как договаривались.

Люди, которые его окружали, были разными. С первого взгляда их можно было разделить на две группы, даже две категории. Одних сразу можно было квалифицировать как городских преступников и потрошителей карманов, повес из банд и шаяк, которые сильно терроризировали вроцлавскую окраину. Именно они, вне всякого сомнения, схватили его в конюшне и вывезли из города на телеге. С тем, чтобы сейчас передать его другим. Тоже бандитам, но как бы другого класса. Наемникам.

На дальнейший анализ не хватило времени. Его схватили, усадили на коня, привязали запястья к луке седла, дополнительно связав плечи дважды протянутой под мышками веревкой. Концы веревки взяли два всадника, один справа, второй слева. Другие плотно их окружили. Кони фыркали и топали. кто-то толкнул его в спину чем-то твердым.

– Трогаем, – услышал он. – Только без глупостей. А то получишь по морде.

Голос показался ему знакомым.

Они обходили города и селения дугой, однако не настолько широкой, чтобы Рейневан не смог сориентироваться на местности. Он знал ее настолько хорошо, что узнал колокольню церкви Святого Флориана в епископском Вьянзове. То есть везли его niskим трактом прямо на юг. Не похоже, чтобы Ниса была целью поездки, относительно дальнейшего маршрута возможностей было предостаточно: из Нисы выходило в разных направлениях пять дорог, не считая той, по которой они ехали.

– Куда вы меня везете?

– Закрой рот.

За Нисой остановились, чтобы переночевать. А Рейневан узнал знакомого.

* * *

– Пашко? Пашко Рымбаба?

Наемник, который принес ему хлеб и воду, замер. Наклонился. Сгреб светлые волосы со лба и глаз. И открыл рот.

– Клянусь честью, – вздохнул он. – Рейнмар? Это ты? Ха! То-то мне твоя рожа показалась знакомой... Но ты изменился, изменился... Узнать трудно...

– В чьих я руках? Куда вы меня везете?

– Говорить запрещено. – Пашко Рымбаба выпрямился, его голос стал жестче. – Так что не спрашивай. Как есть, так есть.

– Вижу, – Рейневан откусил хлеб, – как есть. когда-то ты был рыцарем, а сейчас кажешься мне кнехтом.⁴³ Которому приказывают и запрещают. И даже знаю, почему такая перемена. Я еще удивляюсь, что ты остался в Силезии. Говорили, что убежали все: Вейрах, Виттрам, Тресков, вся твоя старая *comitiva*. Что уносили вы ноги за тридевять земель. Потому что горела у вас под ногами земля силезская.

– Ну да... – Пашко всматривался в темноту, наспокойно бросил взгляд в сторону костра, возле которого другие наемники всё свое внимание посвятили исключительно бутылке. – Ну да, вроде бы горела. Разбежалась компания... Я тоже было намылился прочь бежать... Но тут, видишь ли, случилась оказия служить у господина Унгерата. Господин Унгерат – богатей, никого из своих в обиду не даст, ничего не страшно. Вот я и остался. Что – плохо мне в Силезии, что ли?

– Что этот богатей хочет от меня. Что я ему сделал?

– Говорить запрещено.

– Только одна вещь, – понизил голос Рейневан. – Одно слово. Одно имя. Я должен знать, кто меня во Вроцлаве выдал. Не обо мне ведь речь, в конце концов. Ты помнишь ту панну, Пашко? Похищенную на Бодаке как Биберштайновна? Ту, с которой я тогда убежал? Люблю я ее, всем сердцем люблю. А от информации, которую я прошу, зависит ее судьба. Ее жизнь. Кто меня предал, Пашко?

– Запрещено говорить. А даже если б и нет, то я этого и так не знаю.

– Но знает тот, кто вами командует. Я прав?

– Конечно же! – надулся Рымбаба. – Господин Эбервин фон Кранц голову не для красоты носит. Ему положено знать.

– Расспроси его, Пашко. Выведай...

– Нет. Запретили.

– Пашко!.. Не подоспел ли я к тебе с помощью, тогда, под Лютомией? Уже тебя гемайны⁴⁴ взяли на штыки, помнишь? Закололи бы тебя, как зверя, если бы не я и Самсон. За тобой долг. Рыцарь ты или нет. Не пристало рыцарю о таких долгах забывать.

Пашко Рымбаба думал долго. И так интенсивно, что аж вспотел. Наконец просветлел, вытер брови.

– Спас ты меня тогда, – согласился он, выпрямляясь. – Но потом на Бодаке коварно дал мне пинка в бок. А эта твоя любимая девушка дала мне по яйцам и спустила с лестницы. У меня после этого еще долго голова болела. Так что мы квиты. Ничего я тебе не должен.

– Пашко...

– Покушал? Ну, давай руки. Я опять связать тебя должен.

– Ты не мог бы чуть посвободней?

⁴³ рядовой, пехотинец.

⁴⁴ рядовые пехотинцы.

– Нет. Запрещено.

Дальше в дорогу вышли на рассвете, во мгле, в которой Рейневан утратил ориентацию. Ему казалось, что они едут в направлении Прудника, глубчицким трактом, но уверенности не было.

* * *

На опушке голой рощи их ждало трое всадников. И добротный закрытый фургон, запряженный четверкой лохматых коней. Предназначение фургона было более, чем очевидно, поэтому Рейневан вовсе не удивился, когда его туда впахнули, а дверцу заперли. Эта перемена его даже некоторым образом порадовала. Он оставался узником, но, по крайней, мере руки ему развязали.

Застучали копыта, фургон дернулся, тронулся с грохотанием и скрипом осей. Внутри света было столько, сколько пропускали маленькие зарешеченные окошка, то есть немного. Однако достаточно, чтобы заметить лежащего на досках человека, накрытого то ли попоной, то ли плащом.

– Слава Иисусу, брат, – заговорил Рейневан. – Ты кто?

Лежащий не отвечал. Бессознательный стон, который он выдал, нельзя было считать ответом. Рейневан потянул носом, понюхал. Приблизился, пощупал лоб. Горячий, как печка. Чувствуя, как ему самому наоборот делается холодно от страха, он стянул с лежащего попоны, просунул руку под мокрую от пота одежду, надавил на живот, ощупал шею, подмышки и пах. В бледном свете Рейневан высматривал следы крови, гноя, сыпи. Больной позволял все, лежа без движения и постанывая.

– На твоё счастье и на моё счастье, – пробормотал наконец Рейневан, усаживаясь, – это не чума. И не оспа. Кажется.

– *Adsumus...*

– Что? – Рейневан аж подпрыгнул. – Что ты сказал?

– *Adsumus...* – пробормотал больной. – *Adsumus peccati quidem immanitate detenti... Sed in nomine tuo specialiter congregare...*⁴⁵

«Это только молитва, – убеждал сам себя Рейневан. – Исключительно случайное совпадение...»

Он наклонился. От больного шел жар горячки и резкий запах пота. Рейневан положил ему руки на виски и начал медленно проговаривать целительные заклинания и заговоры.

– *Veni ad nos* – застонал пациент. – *Et esto nobiscum et dignare illabi cordibus nostris...*
*Adsumus... Adsumus...*⁴⁶

Рейневан бормотал заклинания. Больной со свистом выдохнул.

– *Ex lux perpetua*, – сказал он вполне выразительно, – *luceat eis*.

Фургон тархтел и скрипел. Больной бредил, его лихорадило.

Рейневана разбудил грохот засова и скрип открываемой дверцы, привел в чувство холодный свежий воздух, вместе со светом ворвавшийся внутрь. Он зажмурился. В фургон впахнули очередных пассажиров. Трех. Первый, плечистый усач в рыцарском вамсе, рефлекторно шарахнулся при виде лежащего больного.

⁴⁵ «Мы становимся, пусть и обремененные грехами людскими, но собравшиеся во имя Твое». Апострофа к Святому Духу авторства святого Исидора Севильского. – *Примеч. автора*.

⁴⁶ «Приди к нам, останься с нами, проникни в сердца наши...» Там же. – *Примеч. автора*.

- Не надо бояться, – успокоил Рейневан. – Это не заразное. Горячка, ничего больше.
– Влезать во внутрь! – поторопил один из наемников. – Живо, живо! Может помочь?

Дверцы фургона захлопнулись, внутри снова воцарилась тьма. Однако света хватило, чтобы Рейневан удостоверился в том, что знает, по крайней мере, двоих из тройки новых заключенных, плечом к плечу усаженных напротив. Он уже видел их лица.

– Раз уж породнила нас лихая година, – опередил осторожным и полным колебания голосом усач, – то давайте познакомимся. Я – Ян Куропатва из Ланыцухова, *miles polonus*...⁴⁷

– Герба Шренява, – решил закончить по-польски Рейневан, – если не ошибаюсь. Мы встречались в Праге...

– А чтоб меня! – Подозрительно нахмуренное и озлобленное лицо поляка просветлело. – Рейневан, эскулап пражский! Сразу мне ваша милость знакомой показалась... Вот влипли мы все, зараза...

– *Adsumus*... – застонал громко больной, качая головой. – *Adsum*...

– Коль уж о заразе речь, – отозвался с тревогой в голосе второй из поляков, показывая на лежащего. – Он часом...

– Достопочтенный Рейневан – доктор, – объяснил Куропатва. – В болезнях разбирается. Коль говорит, что это не заразное, то надобно ему верить, Якуб. Извольте, пан Рейневан: вот это добрый шляхтич Якуб Надобный из Рогова. А вот там...

– Мы знакомы, – прервал третий мужчина с сильно очерченной, слегка будто кривой челюстью. – Клеменс Кохловский из Велюни, помните? Имели удовольствие. В Тошке это было, осенью прошлого года. О делах рассуждали.

Рейневан подтвердил, но только кивком головы. Он не был уверен в том, как глубоко можно вдаваться в подробности, и можно ли вдаваться вообще. Новые пассажиры были, конечно же, временными сотоварищами по несчастью, но это вовсе не означало, что они должны были знать специфику и детали проворачиваемых через Кохловского дел. Которые состояли в продаже гуситам коней, оружия, пороха и пуль.

– Нас всех троих схватили вместе, в один день, – развеял его сомнения Ян Куропатва. – На краковском тракте, между Бельском и Скочовом. Мы шли цугом, везли... Догадываетесь, что везли. Знаете ведь, что этим трактом возится.

Рейневан знал. Все знали. Краковский тракт, проходящий через Чехию и Моравские ворота и соединяющий Польское Королевство с Чешским, был одним из немногих торговых путей, не попавших в блокаду осажденной гуситской Чехии. По этому пути товары из Польши шли в Чехию практически непрерывно и беспрепятственно, происходило это благодаря договору, принятому между моравской каликстинской шляхтой и влиятельными католиками. Моравские гуситы не совершали грабительских нападений на земли католиков, а те, в свою очередь, закрывали глаза на идущие через Цешин обозы и цуги. Договор был неформальным, а равновесие шатким, временами какой-нибудь инцидент ее нарушал. Как было видно.

– Схватили нас, – продолжал *miles polonus*, – ратиборцы из Пщины, наемная дружина этой волчицы Елены, вдовы князя Яна. Пщина – это ее, то есть собственно Елены, вдовый удел, ведьма проклятая, как удельная княгиня на Пщине сидит и ведет себя все наглее.

– К тому же незаконно, сучка такая, – проворчал сердито Кохловский. – Потому что не на своей земле, а на Цешинской. Это беззаконие!

Рейневан знал, в чем дело. Используемая купцами брешь в блокаде существовала также благодаря умелой политике цешинского князя Болеслава, который защищал свое княжество тем, что с гуситами не ссорился и их грузы не трогал. Совсем другую политику проводили вдова князя Елена, имевшая резиденцию в Пщине, и ее сын, князь ратиборский Миколай. Те

⁴⁷ польский воин (лат.).

не пропустили ни единого случая, чтобы насолить торгующим с гуситами, хотя бы и в чужих владениях.

– Уже немало наших, – продолжал Куропатва, – сгнило в пщинских подвалах или подставило голову под топор. Я думал, когда нас взяли, что нам тоже на эшафоте конец выписан. Уже вверяли душу Богу. Я, пан Якуб и пан Клеменс... Но в темнице торчали мы не больше недели. Повезли нас в Ратибор, выдали тем другим, пес знает, кто они такие... А сейчас посадили в эту будку и везут. Куда, зачем, кто, кому служат, пёс их знает.

– Зачем – это известно, – понуро отозвался Якуб Надобный из Рогова. – На казнь, само собой.

– Фамилия Унгерат, – спросил Рейневан, – что-то вам говорит?

– Нет. А должна?

Рейневан рассказал о своем задержании, о пути, которым проехал в течение трех дней. О том, что эскорт вероятнее всего служит Унгерату, богатому вроцлавскому патрицию. Куропатва, Надобный и Кохловский начали напрягать мозги. Без особых результатов. Так и оставались бы в растерянности и неуверенности в своей судьбе, если бы не новый пассажир фургона, которого подселили им в тот же день.

Новый пассажир был молодой, светловолосый, потрепанный, как пугало на огороде. А также веселый и радостный, что просто изумляло, учитывая обстоятельства.

– Разрешите представиться, – засмеялся он, усевшись. – Я Глас из Либочан, настоящий чех, сотник из Табора. Пленник. Временно, ха-ха! Доля военного, хе-хе!

Несколько дней тому, рассказывал Глас из Либочан, настоящий чех, делая время от времени паузы на приступы громкой и беспричинной веселости, господин Гинек Крушина из Лихтенбурга напал на градецкий край. Раньше господин Гинек был верным защитником Чаши, но изменил, перешел на сторону католиков и сейчас угнетает добрых чехов набегами. Рейд на Градецко не закончился для него наилучшим образом, его дружину разбили, рассеяли и вынудили бежать. Но Глас из Либочан пан Крушина сумел захватить в плен.

– Такова доля военного, ха-ха, – засмеялся добрый чех. – Но солому у пана Крушины в подвале я не грел! Выкупили меня, сюда доставили. А сейчас, как я подслушал, куда-то под Фриштат повезут.

– Зачем под Фриштат? И кто вас выкупил?

– Ха-ха! Дык собственно тот, кто и вас. Тот, кто нас везет сейчас.

– Кто именно?

– Гебхарт Унгерат. Сын Каспера Унгерата... Неужто не знали? Да я вижу, что должен вам кое-что прояснить!

Каспер Унгерат, прояснил таборит, это вроцлавский купец, богат просто до непристойности, в своих барских замашках так самонадеян и горделив, что в Гнеговицах под Вроцлавом бург себе купил и в этом бург как шляхтич себе сидит, уже ему как бы и шляхетство светит, уже и о гербе помышляет, ха-ха. В рамках этих замыслов сыновей своих, Гебхарда и Гильберта, в войске епископа армигерами пристроил. В какой-то пограничной рубке поймали Гильберта табориты из Одр. Быстро узнав, какая золотая наседка попала им в руки, и какие золотые яйца снести может, запросили за пленника ровнехонько пятьсот коп⁴⁸ денежек выкупа.

– Вот это сумма, ха-ха, не фунт изюма. Теперь понимаете, в чем дело? Унгерат, старый скряга, договорился, хочет уладить дело по безналичному расчету. За свободу Гильберта получают свободу пленные чехи, утраквисты, захваченные силезцами. У Унгерата есть знакомства, связи, должники. Быстренько обеспечил себе пленников. То есть, нас, ха-ха. Выходит, ха-ха,

⁴⁸ денежная единица, гривна, шестьдесят серебряных грошей.

что мы, учитывая и этого полумертвого, идем по каких-то восемьдесят коп *per capita*,⁴⁹ хе-хе, в общем балансе. Я сказал бы, что в среднем цена неплохая. Разве что кто-то из господ ценит себя дороже.

Никто не отозвался. Глас из Либочан звонко засмеялся.

– На обмен нас везут, господа. Так что выше голову, ха-ха, недолго быть нашей неволе, недолго!

Теснота и духота внутри фургона стали причиной того, что на узников напала сонливость, спали почти беспрерывно. Рейневан, когда не спал, размышлял.

Кто его предал во Вроцлаве?

Исключая обыкновенную случайность, а в сложившейся ситуации случайности надо исключать, возможностей оставалось немного. Люди со временем меняются. Ахиллес Чибулька мог покуситься на спрятанные под полом аптеки золотые монеты, желание овладеть ими могло стать непреодолимым искушением. Что же тогда говорить об Аллердингсе, которого Рейневан вообще не знал, а имел полное основание считать его наемным подлецом?

Однако, главным подозреваемым оставался, естественно патер Фелициан, Ганис Гвиздек, прозванный Вошкой, для которого ложь, предательство и мошенничество, были, казалось, второй натурой. Аллердингс предупреждал об этом Рейневана, но тот пренебрег предупреждениями и недобрыми предсказаниями. *Omnis*⁵⁰ ксендз *avaritia*,⁵¹ ссылаясь он на распространенную поговорку, Фелициан не предаст из-за своей жадности, потому что если бы предал, то сто флоринов ушли бы у него из-под носа. Аллердингса это не убедило.

«Аллердингс мог быть прав, – в отчаянии думал Рейневан. – Собственную шкуру отец Фелициан мог ценить выше ста флоринов, мог предать из-за страха за шкуру. Мог предать, чтобы снискать чью-то милость и получить в будущем большую выгоду. Да, многое указывало на то, что предателем был именно отец Фелициан. А коль так...

«А коль так, – в отчаянии думал Рейневан, – то весь искусный вроцлавский план ни к чему. Шансы быстро разыскать Ютту пропали, надежды развеялись. Опять неизвестно, что делать, с чего начинать. Опять тупик. Опять исходная точка».

«Если вообще будет какой-то выход, – думал Рейневан. – Весельчак Глас может ошибаться. Может, нас вообще не обменяют? Может быть так, как в замке Троски, – утраквистов покупают, чтобы их потом замучить на эшафоте с целью поднятия духа местного населения».

А на то, что спасет его таинственная призрачная дама, в этот раз рассчитывать трудно.

Больной перестал стонать и бредить. Лежал спокойно и наверное даже чувствовал себя лучше. При свидетелях Рейневаен уже не осмелился использовать магию, так что выздоровление следовало приписать естественным факторам.

– Вылезайте! Давай, давай! Быстро! С воза!

Солнце резануло по глазам, глоток холодного воздуха едва не лишил его сознания. Чтобы удержаться на размягченных как желе ногах ему пришлось ухватиться за плечо Яна Куропатвы из Ланьцухова. Стоящему сбоку Надобному не было лучше, он просто висел, бледный как мертвец, на плече Кохловского. Торговец оружием, хоть и менее внушительной внешности, оказался возле Ганса из Либочан наиболее выносливым. Они оба с чехом стояли уверенно и лучше остальных делали вид, что не боятся.

– Будет обмен пленными, господа гуситы, – сообщил им с высоты седла Эбервин фон Кранц, командир наемников. Скоро станете свободными. Этой милостью вы обязаны присут-

⁴⁹ за голову (лат.).

⁵⁰ каждый (лат.).

⁵¹ жадный (лат.).

ствующему здесь вельможному панычу Гебхарду Унгерату, сыну ясновельможного Каспера Унгерата. Так что кланяйтесь! Низко! Ну же!

Гебхарт Унгерат, коренастый и безобразный, как гном, высоко задрал голову и надул губы. После чего развернул коня и отъехал шагом.

– Пошли, еретики, пошли! Туда, к мосту! Эй, вы, этого больного надо будет нести!

– Это река Ольза, – проворчал вдруг посерьезневший Глас. – Мы находимся где-то между Фриштатом и Цешином. На мосту будет обмен. Такова традиция.

Перед мостом им приказали остановиться, окружили лошадьми. Под мостом полноводная Ольза шумела, омывала опоры, переливалась через водорезы.

Ждали недолго. На противоположном берегу появился всадник. В капалине, кольчужном капюшоне с накидкой, бурой яке, надетой на бригантину, типичный ман, мелкий густский шляхтич. Он присмотрелся к ним. Два раза повернул коня, перед тем, как с цокотом копыт выехал на мост. Переехал на их сторону, внимательно осматриваясь. Эбервин фон Кранц пошел ему на встречу. Минуту разговаривали. Потом оба заехали напротив Гебхарта Унгерата.

– Говорит, – откашлялся Эбервин фон Кранц, – что слово сдержали. Привели паныча Гильберта. Они знают, что вместо пяти, как было уговорено, у нас шестеро, таким образом, чтобы продемонстрировать добрую волю, вместе с панычем Гильбертом, освобождают еще одного силезца. Только сначала хочет увидеть наших пленников.

Гебхард надул губы, снисходительно кивнул головой. Ведомый Эбервином гуситский ман шагом подъехал к узникам, посмотрел на них из-под капалина. А Рейневан наклонил голову. Из опасения, что его лицо выдаст его.

Маном был Урбан Горн. Роль малозначащего и еще менее сообразительного посланника он играл превосходно. С опущенными глазами что-то вполголоса смиренно пробормотал Эбервину, поклонился Гебхарду Унгерату.

– Ты увидел, что хотел увидеть, – сказал ему Эбервин. – Так что иди к своим. Заверь, что и мы слово сдержали и никакого вероломства не замыслиаем. Честный обмен.

– А ну, марш, – скомандовал он пленным, глядя, как Урбан Горн переезжает мост и исчезает в лесу. – Помогите этому больному!

– Ты видел? – прошептал Кохловский. – Это был...

– Видел.

– Что это все...

– Не знаю. Помолчи.

С противоположной стороны уже приближался отряд легковооруженных гуситов с красными чашами на яках. Моста достигли одновременно. Через минуту гуситы разрешили выйти на мост двум мужчинам. Видя это, наемники Унгерата подогнали на мост своих пленников. Обе группы начали двигаться навстречу. кто-то из приближающихся с левого берега должен был быть Гильбертом Унгератом, хотя похожих не было, никто не был приземистым и не напоминал гнома. Один из подходивших был высокий и рыжеватый, у второго было лицо херувима и соответствующие кудряшки. Кого-то он Рейневану напоминал. Но Рейневан был занят, вместе с Кохловским поддерживал больного. У того уже не было лихорадки и он самостоятельно передвигал ноги.

– *Miserere nobis*... – неожиданно промолвил он вполне придя в себя.

Рейневана проняла дрожь. И страх. Небезосновательный, как оказалось.

Из леса на левом берегу Ользы вышел большой конный разъезд, стрельцы, копыеносцы и тяжеловооруженные. Развернувшись полукругом, новоприбывшие отрезали гуситам дорогу к отступлению, вынудили вернуться на мост. Ян Куропатва, выругался, обернулся. Но с правого берега на мост уже въезжали силезские наемники. Они были отрезаны. Окружены.

– Вижу, мать вашу, *Syriam ab oriente*, – пробормотал цитату из Библии Кохловский. – *Et Philistim ab occidente*...⁵²

– *Tosme*... – простонал Глас. – *Tosme su v prdeli*...⁵³

Гебхарт Унгерат обнял брата, которым оказался тот рыжеватый. Потом посмотрел на пленников и на гуситов. Взглядом, полным ненависти. Его лицо, действительно, было искривлено как у гнома.

– Вы, еретики, думали, – ехидно сказал он, – что вам все с рук сойдет. Что свои шкуры спасете? Что мы тут торги устроим? О нет, ничего подобного, никакого торга с вами, сучьи дети, никаких уговоров. Для вас, уроды, только то, чего заслуживаете: копьё, топор, костер. И будете висеть, будете на кострах жариться, положите головы. Потому что вернут вас туда, откуда взяли.

Прибывшие копьеносцы и тяжеловооруженные плотно заблокировали вход на левом берегу. Командовавший ими рыцарь имел на щите скрещенные топоры.

– Тебя же, проклятый отщепенец, – Гебхард Унгерат нацелился пальцем в Рейневана, – мы выдадим вроцлавскому епископу. Мы знаем, что епископ мечтает о том, чтобы упечь тебя в камеру пыток. И будет заслуга для Церкви...

– Мы тоже знаем, – сказал, поднимая голову Урбан Гор, – что все это для заслуг. Весь этот коварно задуманный обман, всё это базарное жульничество. Не тобою, конечно, хоть ты и лоточник, задумано. Это твой папенька-выскачок намеревался таким способом славы сыскать и шляхетство добыть. Благородный господин купец фон Унгерат, на гербе ломаный грош. Дерьмо будет на гербе, Гебхард. Потому что дерьмо из вашего замысла.

– За эти слова, – брызнул слюной Гебхард Унгерат, – шкуру с тебя ремнями сдеру, еретик. Конец тебе! Не видишь, что ты в западне?

– Это ты в западне. Оглянись.

В полной тиши, которая вдруг наступила, на обоих берегах Ользы появились новые вооруженные люди. Числом около сотни. Быстро окружили мост. С двух сторон.

– Это же... – Гебхард трясущейся рукой показал на большую красную хоругвь с серебряным Одривусом. Это же рыцари пана из Краважа. Католики! Наши!

– Уже не ваши.

Ошарашенные и остолбеневшие наемники Унгерата дали себя разоружить без малейшего сопротивления. Рейневан видел, как Пашко Рымбаба вращает широко открытыми глазами, не в состоянии понять, почему у него забирают оружие гуситы, украшенные Чашами, вдруг ставшие союзниками с бойцами рыцаря с топорами на гербе. Он видел, как побледневший Эбервин фон Кранц не понимает, почему его разоружают и берут в плен моравцы из-под знака Одривуса.

За минуту все были на левом берегу Ользы. В то время, как Горн без слов пожимал руки Рейневана и поляков, моравцы согнали в кучу и взяли под стражу их недавних поработителей, которые теперь сами стали пленниками. Они стояли с опущенными головами, все еще онемевшие от шока: наемники Кранца, Гильберт Унгерат, рыцаренок с лицом херувима. И Гебхард, с искривленной как у гнома губой, вылупив гномьи глаза на главное действующее лицо происходящего, приодетого в пышное облачение вельможу со смуглым лицом и буйными черными усами. Вельможу, которого Рейневан уже когда-то видел.

«Воистину, – подумал он, – мир этот слишком тесен».

Во главе своих гейтманов и рыцарей, под хоругвью с Одривусом, родовым знаком Бенешовицов, навстречу к ним выезжал Ян из Краваж, хозяин Новой Йични, Фульнека, Биловца,

⁵² Сирия с востока, а Филистимлян с запада (Ис., 9:12).

⁵³ Вот мы влипли, дословно: «Мы в жопе». – Примеч. автора.

Штрамберка и Ружнова, магнат, могущественный феодал, повелитель доминиона, охватывающего огромную площадь северо-западной части марк-графства Моравии.

– Тот с топорами на гербе, возле господина из Краваж, это Сильвестр из Кралиц, гейтман фульнецкий, – пояснил вполголоса Горн. – А тот второй, с бородой, это Ян Хелм.

Ян из Краваж придержал коня.

– Панычам Унгератам, – сказал он спокойным, даже несколько бесстрастным голосом, – следует кое-что прояснить. С тех пор, как паныч Гебхард и присутствующий здесь Сильвестр из Кралиц составили свой ловкий, но не очень благочестивый план, ситуация претерпела изменения. Изменения, я бы сказал, принципиальные. Дух меня, господа, осенил, сошла на меня благодать просветления, пелена спала с очей моих. Я увидел истину. Понял, за кем справедливость. Постиг, кто стоит за истинную веру Христову, а кто за Антихриста. Со вчерашнего дня, господа, с субботы перед воскресеньем *Oculi*,⁵⁴ я отказался подчиняться Люксембуржцу и Альбрехту, принял таинство *sub utraque specie*⁵⁵ и присягнул четыремя пражскими статьями. Со вчерашнего дня добрые чехи со знаком Чаши уже не являются моими врагами, но братьями по вере и союзниками. Естественно, я не могу допустить, чтобы братья и союзники пострадали от предательства и вероотступничества. Поэтому ваш уговор с паном из Кралиц объявляю несуществующим и недействительным.

– Это... Это... – проямлил Гебхард Унгерат. – Это неприлично... Это непорядочно... Это измена... Это...

– Об измене советую не говорить, ваша милость Унгерат, – спокойно прервал хозяин Йичины. – А то как-то гадко звучит это слово из уст ваших. А непорядочность вы где именно видите? Тут все честно и по Божьему распоряжению. Обмен должен был быть? Есть обмен. Согласно уговору: чехи вам отдали ваших, вы чехам отдали их. Говоря по-купечески, чтоб вы лучше поняли: вышли на нулевой баланс. Но сейчас я вамставляю счет. Совсем новый. Теперь, милостивый сударь пан Унгерат, ваш родитель будет договариваться со мной о выкупе. За вас и брата. А пока договоримся, оба в Йичинской башне посидите. А с вами и остальные господа. Все, сколько вас здесь есть.

Ян Хелм рассмеялся, Сильвестр из Кралиц ему вторил, постукивая панцирной ладонью по бедру. Ян из Краваж только улыбнулся.

– Дураком буду, господа силезцы, если за вас всех скопом две тысячи гривен не выжму. Прав был Прокоп, прав был и ты, Горн, что мне переход на сторону Чаши окупится! Что Бог меня вознаградит. Верно, уже получаю награду!

– Вельможный пан Ян, – заговорил вдруг Рейневан. – Имею просьбу к вам. Прошу за двух этих рыцарей. Чтобы вы дали им свободу.

Магнат долго смотрел на него.

– Горн, – наконец сказал он, не отрывая взгляда. – Это и есть тот твой шпион?

– Он.

– Смел. Действительно стоит того, чтобы ему эта смелость сошла с рук?

– Стоит.

– Должен ли я, – фыркнул Ян из Краваж, – верить на слово?

– Если желаете, – Рейневан не опустил глаз, – можете оценить по фактам.

– И каких же? – насмешливо надул губы хозяин Йичина. – Сгораю от любопытства.

– Год Господен 1425, тринадцатое сентября, Силезия, цистерианская грангия⁵⁶ в Дембове. Совет в овине. Напротив вас, пан Ян, сидел Готфрид Роденберг, крестоносец, войт⁵⁷ из

⁵⁴ Третье воскресенье Великого поста.

⁵⁵ под двумя видами (лат.).

⁵⁶ крытое гумно, рига, сарай, овин (фр.).

⁵⁷ староста (польск.).

Липы. Слева от вас – пан Пути из Частоловиц, клодзский староста. Справа – рыцарь с оленьим рогом на лентнере, похожим на герб Биберштайнов, только тинктуры другие.

– Пан Тас из Прусиновиц, – кивнул головой Ян из Краваж. – Ты хорошо запомнил. Почему же я тебя не помню?

– Я не был там с вами. Я был над вами. На чердаке. Откуда все видел и слышал. Каждое сказанное там слово.

Магнат молчал, покручивая черный ус.

– Ты прав, – сказал он наконец. – Истинно, можно оценить тебя по фактам. Я оценил и нахожу тебя недурным. Проворный ты сорвиголова, и должно быть имеет Табор выгоду из такой шельмы. Но моя выгода, господин шпион, тоже не шутка. От силезцев, за которых ты просишь, я имел бы какую-то пользу. Если отпущу их, пользы не будет. А отсутствие пользы – это убытки. Кто мне их покроет?

– Бог, – небрежно вставил Урбан Горн. – Которого временно замещает Прокоп, не зря прозванный Великим, *director operationum Thaboritarum*. Не будете в убытке, пан Ян, гарантирую вам.

– Твоя гарантия – речь ценная, – улыбнулся Ян из Краваж. – И в цене растущая. К тому же этот Рейневан мне приглянулся. С чердака нас тогда подглядывал и подслушивал, черти б меня взяли, в такой близости, что епископу Конраду мог сверху на тонзуру наплевать! А легату Орсини за ворот написать. Ох и хват, хоть и шпик. Так и быть, буду милосердным. Этих двоих отпускаю, пан Хелм. Остальных под стражу! И готовьтесь в дорогу, немедленно двигаемся в Йичин!

Пленников отвели. Гебхард Унгерат вопил и матерился, Гильберт плакал, лил слезы, не стыдясь. Пашко Рымбаба оглянулся.

– Рейнмар! – позвал он жалобно. – А я? Спаси и меня!

– Нет, Пашко.

– Но почему?

– Запрещено.

Рейневан вернулся к освобожденным, за которых он заступился: Эбервину фон Кранцу и похожему на херувимчика рыцарю. Кранц хмуро смотрел на него.

– Я знаю, – сказал он хрипло, – за что мне от тебя такая милость, Беляу. Рымбаба мне сказал. Давай не будем затягивать эту жалостную сцену. Хочешь знать, почему ты попался во Вроцлаве? Случайно. А еще из-за длинного языка Вилкоша Линденау. Он тебе был благодарен. Славил твою доброту и благородство. Слишком много, слишком часто, слишком громко. Я могу идти?

«Стало быть, это не Ахиллес, не Аллердингс, – Рейневан вздохнул от облегчения. – И не Фелициан. Не все еще пропало. Фелициан по-прежнему ищет Ютту... А может уже нашел?»

– Кхе-кхе...

Он поднял голову. Эбервин уже пошел, а перед ним стоял рыцарёнок с волосами, закрученными в золотые кудряшки.

– А я, милостивый сударь, – сказал он с легкой дрожью в голосе, – совсем не соображу, почему вы меня освободили. Не знаю ни имени вашего, ни герба. Но вы гусит. Поэтому знайте, что мне католическая вера и честь рыцарская не позволяют иметь никаких близких отношений с еретиком. Но знайте и то, что за свободу я вам обязан. Долг отплачу, клянусь перед Богом.

– Гуситу клянешься?

– Бог мне укажет, как выполнить клятву, чтобы без греха было и без осквернения веры.

– Бог, – Рейневан посмотрел ему в глаза, – клятву твою услышал. А как ее выполнить, могу тебе сразу же и сказать. Тост поднимешь.

– Что?

– Поднимешь тост и выпьешь за здоровье дамы моего сердца. Панны... Николетты Светловолосой. Но не иначе, как на твоей собственной свадьбе, пан Вольфрам Панневиц. На свадьбе с панной Катариной Биберштайн. Тогда и только тогда я признаю клятву выполненной. А тебя – человеком чести.

Вольфрам Панневиц побледнел и сжал губы. Потом сильно покраснел.

– Я уже знаю, кто вы. – Он сглотнул слюну. – Да и слышал предостаточно. Быстрые вы, как погляжу, девушку с дитем мне сватать... С чего бы это, а? Может, этот ребенок...

– Не будь дураком, Панневиц, – тихо прервал его Рейневан. – Езжай в Штольц. Посмотри на мальчонка. А потом в зеркало. Болтать с тобой об этом больше не собираюсь.

– Бог слышал, – добавил он громче, чтобы все слышали. – Бог слышал, что ты поклялся.

– Рейневан, – нетерпеливо позвал Урбан Горн. – Поехали уже. Не затягивай эту жалостливую сцену.

Глава четвертая, *в которой Рейневан теряет часть уха и большинство заблуждений.*

– Благодарю тебя за то, что спас меня, повторил Рейневан. – Но с тобой не поеду. Я возвращаюсь в Силезию.

Урбан Горн долго молчал, смотря во след удаляющейся свиты Яна из Краваж. Потом обернулся в седле. Он уже сбросил с себя образ серенького чешского шляхтича и снова был прежним Горном: Горном в элегантном плаще из тонкой шерсти, Горном в рысьем колпаке с прекрасными перьями цапли. Горном с пронизывающими и сверлящими, как сверла, глазами.

– Ты не возвращаешься в Силезию, – сказал он холодно. – Ты со мной едешь.

– Ты не слушал? – повысил голос Рейневан. – Не дошло до тебя? Я должен вернуться! От этого зависит судьба близкого мне человека.

– Панны Ютты де Апольда, – бесстрастно подтвердил Горн. – Знаю.

– Ах, знаешь? Следовательно, знаешь и то, что я сделаю все, чтобы...

– Знаю, – резко перебил Горн, – что сделаешь все. Вопрос в том, сколько ты уже сделал.

– О чем ты... – Рейневан почувствовал, что бледнеет. А потом краснеет. – К чему ты клонишь?

– Тише, коль так ваша милость. – Горн посмотрел на наблюдающих за ними поляков, тронул коня, подъехал так близко, что они соприкоснулись стремянами. – Огласка делу не поможет. А к чему клоню, ты сам хорошо знаешь. Вести ширятся быстро, а сплетни еще быстрее. Ходят слухи, что тебя недавно принудили к измене. А сплетни говорят, что ты давно был предателем. С самого начала.

– Черт возьми! Ты же меня знаешь. Ведь...

– Я знаю тебя, – опять перебил Горн. – Поэтому сплетням не верю. Что касается известий... Те стоило бы проверить. Как говорится, нет дыма без огня. Поэтому, повторяю, ты не возвращаешься в Силезию. Едешь со мной в Совинец, оттуда с эскортом тут же откомандируем тебя в Прагу. Это приказ Неплаха. Я должен его исполнить, небось, понимаешь.

– Послушай...

– Конец дискуссии. В путь.

Когда вечерело, они попрощались с поляками и Гласом из Либочан. Кохловский, Надобный, Куропатва из Ланыухова и таборитский сотник повернули на оломунецкий тракт, которым собирались добраться до Одр. В Одрах, как следовало из предварительных разговоров, стоял старый знакомый. Добеслав Пухала, со всем своим польским отрядом. С некоторых пор Одры стали центром набора добровольцев из Польши и главной сердцевиной торговли контрабандным польским оружием.

Прощание было теплым. Поляки затискали и зацеловали Рейневана, а Куропатва сердечно пригласил его в Одры, чтобы, как он выразился, воевать плечом к плечу и совместно делать дела. В то время Рейневан не мог предвидеть, как скоро будут эти дела. И какими роковыми будут их последствия.

Подразделение Горна двинулись на запад по каменистой долине реки Моравицы. Вместе с поляками уехали восемь таборитов, в отряде осталось семь вооруженных моравцев, как оказалось, бургманов из Совинца – замка, который и был целью их путешествия. Их попутчиком был также освобожденный большой. Кем был этот человек, и зачем Горн забрал его с собой оставалось загадкой. Он явно еще был нездоров, потел, кашлял, чихал. Он шатался и засыпал в седле, два назначенные Горном моравца, следили, чтобы он не упал.

– Горн?

– Слушаю тебя.

– Я не предатель. Ты же не веришь, что я мог бы им быть. Или веришь?

Горн попридержал коня, подождал, пока военные пройдут мимо.

– Доходящие до меня вести приводят к тому, – сказал он, сверля Рейневана взглядом, – что вера моя слабеет. Следовательно, укрепили меня в ней. И утверди.

– Догадываюсь, – взорвался Рейневан, – откуда все это, откуда все эти гнусные сплетни и поклепы. Разнеслось, что Ян Зембицкий схватил меня в Белой Церкви, взял в плен и пытался принудить к предательству, к тому, чтобы я обманул Краловца, чтобы завел его в засаду и послал Сироток на погибель...

– Верно догадываешься. И вправду разнеслось.

– И что? Предал я? Попал Краловец в засаду под Велиславом? Поражение там было или победа? Кто был разбит наголову? Мы или они?

– Одно очко тебе. Продолжай.

– Я всегда был верен делу Чаши. Сотрудничал с Неплахом, в 1427 я направил его на след заговора Гинека из Колыштейна и Смижицкого. Потом мне сотни раз выпадала возможность измены. Я много знал, имел доступ к секретам, знал тайные планы и стратегии. Мог бы засыпать Тибальда Рабе. Мог бы продать Фогельзанг. Мог предать в 1428, перед рейдом и во время рейда, в Клодзке, в Каменье, во Франкенштейне. Я мог выдать и тебя, Горн, этому многое способствовало. Вроцлавский епископ меня бы озолотил. Не требуй от меня утверждать тебя в вере, ибо это унижает меня. Ибо нет здесь промежуточных ступенек, цветов и оттенков. Одно из двух. Или веришь или не веришь. Доверяешь или нет.

Урбан Горн дернул вожжи, конь захрапел и затоптался на месте.

– Твое искреннее возмущение, – процедил Горн, – достойно было бы восхищения. Но реальность вынуждает всплескивать руками. Над ним и над твоей наивностью. Ибо существуют промежуточные ступени, Рейнмар. Существуют оттенки, а касательно цвета, то их целая гамма, настоящая радуга. Я тебе уже говорил: сплетням не верю, не верю, чтоб ты был провокатором и предателем с самого начала, чтобы прибыл в Чехию и присоединился к нам, чтобы предать. Но ты остался шпионом. Правда, нашим, но какая в этом в конце концов разница. Остаешься шпионом. А такая уж, курва, шпионская судьба, таков шпионский жребий и блядская участь шпионского ремесла: когда-нибудь попадешься, и когда-нибудь тебя перевербуют. В такой профессии это вещь нормальная. Похитили девку, в которую ты втюрился. И шантажируют. А ты поддаешься шантажу.

– Уж больно быстро ты делаешь выводы. И дальше будет в таком темпе? Приговора мне тоже не придется долго ждать? И казни?

– Это ты слишком быстро делаешь выводы. Исключительно быстро. Время делать привал, смеркается. Эй, люди! Становимся здесь, у леса. Спешиться!

Раздуваемый ветром огонь гудел и трещал, пламя стреляло высоко вверх, искры летели над верхушками елей. Лес шумел.

Моравцы, осушив пузатую бутылку сливянки, по очереди укладывались спать, заворачиваясь в широкие плащи и тулупы. Больной, которого уложили невдалеке, стонал, кашлял и сплевывал. Урбан Горн палкой переворачивал и, поправляя поленья в костре, зевал. Рейневану больше хотелось есть, чем спать. Он жевал овечий сыр, лишь слегка запеченный над огнем.

Больной захлебнулся очередным спазмом кашля.

– Ты бы не занялся им? – махнул головой Горн. – Ты никак медик. Следовало бы помочь пациенту.

– У меня нет лекарств. Может мне использовать магию? В присутствие чашников? Для них чернокнижник – это *peccatum*...

- ...*mortalium*,⁵⁸ я знаю. Но, может, что-то натуральное? какое-то зелье, травы?
- В феврале? Хорошо, если здесь есть верба, утром приготовлю отвар из коры. Но он поправляется. Горячка явно спала, и пот его уже так не прошибает. Слышишь, Горн?
- Что?
- У меня складывается впечатление, что ты о нем печешься.
- Правда?
- У меня создается впечатление, что при обмене пленными дело было в нем. Больше, чем во мне.
- Правда?
- Кто это?
- кто-то.
- Рейневан задрал голову, долго смотрел на Большую Медведицу, которую то и дело заслоняли плывшие по небу тучи.
- Понимаю, – сказал он наконец. – Я под подозрением. Такому секретов не раскрывают. Что с того, что подозрения надуманные и недоказанные. Не раскрывают – и все.
- Не раскрывают – и все, – подтвердил Горн. – Иди спать, Рейнмар. Впереди долгая дорога. Долгая и далекая.

* * *

«Дорога долгая и далекая, – мысленно повторил он, глядя на звезды сквозь ветки, которые качал ветер. – Так он сказал. Думал, что я не пойму насмешки и двусмысленности? Или может совсем наоборот: подсказывал?

Отсюда до Праги будет точно миль сорок, самое малое десять дней езды. Дорога действительно далекая. И ведет просто в лапы Богуслава Неплаха, по прозвищу Флютик, шефа разведки Табора. Флютика нелегко будет переубедить, сделать так, чтобы поверил, путь к этому тоже может быть долгим. Тяжелым. И болезненным. Известно, что Флютик делает с подозреваемыми, прежде, чем поверит. И с теми, которым не поверит.

Сознаться во всем? Рассказать о похищении Ютты, о Божичке, о шантаже? Ха, жизнь, может, этим и спасу. Если поверят. Но доверия не верну. Посадят меня на ключ, живьем похоронят в какой-нибудь башне, в каком-нибудь замке среди пустыни. Пока выйду, если вообще выйду, – Ютта будет далеко, либо замужем либо в монастыре. Потеряю ее навсегда».

«Побег, – подумал он, осторожно подымаясь, – будет признанием вины. Будет расценен именно так: как очевидное доказательство измены.

Ну и пусть. Ну их всех нахер. Другого выхода нет».

Костер угасал, погружая всю поляну в темень. Весь бивак. Людей, которые спали, положив голову на седло, вертелись под покрывалами, храпели, пердели, бормотали сквозь сон. Выставить дозор никто и не подумал. Рейневан втихаря прокарабкался в мрак, в середину кустов. Осторожно и помалу, опасаясь, как бы не наступить на сухую ветку, стал двигаться в сторону спутанных лошадей.

Кони захрапели, когда он приблизился. Рейневан замер, остановился, как вкопанный. Хорошо, что шумел лес. В непрерывном шуме леса терялись остальные звуки. Он вздохнул. Слишком рано.

кто-то бросился на него, сбив с разгона с ног. Рейневан повалился на землю; прежде чем упал, сумел заменить резким, рвущим сухожилия броском тела, падение на прыжок, что предохранило его от цепкой хватки. И спасло ему жизнь. Извиваясь и перекатываясь, краем глаза уловил блеск клинка. Он наклонил голову, и нож, который должен был рассечь ему горло,

⁵⁸ смертный грех (лат.).

зацепил только ушную раковину, прорезав ее чуть ли не наполовину. Не обращая внимания на ужасную боль, он перекатился по выступающим из земли корням и со всей силы ударил ногой нападающего, который пробовал встать на четвереньки. Нападающий ругнулся, широко размахнулся, намереваясь проколоть ему ногу. Рейневан обернулся и засадил ему еще раз, на этот раз повалив. И сорвался с земли. Кровь, он это чувствовал, ручейком лилась ему за воротник.

Нападающий сорвался тоже. И тут же напал, резко, крест-накрест размахивая ножом. Несмотря на темноту, Рейневан уже знал, с кем имеет дело. Выдавал его запах пота, горячки и болезни.

Больной вовсе не был так уж болен. И действовать ножом у него получалось. Имел навыки. Но Рейневан тоже имел.

Обманным движением он ввел противника в заблуждение, вынудил его наклониться. Подбил левым предплечьем запястье, правым ударил по локтю, подставил ногу, рывком за рукав лишил равновесия, и на довесок засадил основанием ладони в нос.

Больной завыл, упал, однако, падая, умудрился еще пырнуть его в пах, нож распорол штаны, и только чудо и быстрота реакции позволили Рейневану уберечь гениталии и бедренную артерию. Но уклоняясь, он споткнулся и тоже упал. Больной набросился на него, как лесной кот, примеряясь ударить сверху. Рейневан двумя руками схватил его руку с ножом. Он держался изо всех сил, вжимая голову, когда нападающий бил его, куда попало левым кулаком.

Закончилось все так же быстро, как и началось. Вокруг столпились люди. Несколько из них схватили больного и стащили с Рейневана, при этом больной хрипел, шипел и фыркал, как кот. Нож выпустил только тогда, когда один из моравцев не слишком нежно наступил ему каблуком на ладонь.

Урбан Горн стоял сбоку со скрещенными на груди руками. Присматривался и молчал.

– Напал на меня! Он! – крикнул Рейневан, показывая, кто именно. – Я вышел пописать, а он бросился на меня с ножом!

Больной, которого держали совиные бургманы, хотел что-то сказать, но сумел только вытаращить глаза, захрипеть и тяжело закашлять. Рейневан не пропустил возможности.

– Напал на меня! Без причины! Прикончить хотел! Посмотрите, как он меня обработал!

– Перевяжите его, – сказал Горн. – Живо, видите, что он истекает кровью. А того пустите, дайте ему встать. Нож заберите. И на будущее лучше следите за оружием. Это нож кого-то из вас. У него ножа не было.

– Как это – пустите? – вскрикнул Рейневан. – Что это значит – пустите? Горн! Прикажи его связать, нахер! Это убийца!

– Заткнись! Пусть тебе перевяжут ухо. Потом приходи к нам, туда, на обочину. Без серьезного разговора, как вижу, не обойтись.

Больной прислонился к стволу дерева. Смотрел в сторону. Вытирал кровь, все еще сочившуюся из носа. Сдерживал кашель. Потел. И имел очень жалкий вид.

– Он хотел меня убить, – ткнул в него пальцем Рейневан. – Это убийца. Притворялся больным больше, чем есть. А фактически выжидал случая, чтобы меня прикончить. Запланировал это с того момента, когда узнал, кто я.

Урбан Горн скрестил руки на груди, не прокомментировал.

– А я знаю уже, кто он, – продолжил уже вполне спокойным голосом Рейневан. – У меня были подозрения, а сейчас знаю точно. Когда нас везли на обмен, он был действительно болен. Я лечил его магией, а он бредил. *Adsumus, Domine Sancte Spiritus, adsumus peccati quidem immanimine detenti, sed in nomine tuo specialiter congregati. Adsumus!* Этот клич тебе ничего не напоминает?

– Разумеется, – лицо Горна не дрогнуло. – Это популярная молитва. Обращение ко Святому Духу. Авторства святого Исихора из Севильи.

– Мы оба знаем, чей это клич. – Рейневан не повысил голоса. – Мы оба знаем, что это за тип. Ты, вне всякого сомнения, знаешь об этом давно, я собственно только что узнал. Жаль, что не от тебя Горн. Твой секрет едва не стоил мне жизни. Еще чуть-чуть и эта сволочь перерезала бы мне горло...

– А что? – превозмог кашель больной. – А что? Я должен был ждать, пока он перережет горло мне? Я вынужден был себя обезопасить. Должен был себя защитить! Он начинал меня подозревать... И в конце концов узнал бы правду... Запросто убил бы меня, когда бы узнал, что...

– Что ты убил его брата, – сухо закончил Урбан Горн. – Да, Рейнмар, ты не ошибаешься в своих подозрениях. Позволь представить: Бруно Шиллинг. Один из Роты Смерти, Черных Всадников Биркарта Грелленорта. Один из тех, кто убили твоего брата Петерлина.

Рейневан не сомкнул глаз до рассвета. Сначала не давали ему уснуть возбуждение и адреналин, злость, боль раненного уха. Потом нахлынули воспоминания. И видения. Цистерианский бор, бешеная кавалькада, Черные Всадники, оружие «*Adsumus!*». Сине-бледный, с дикими глазами, воющий как демон рыцарь из-под Гороховой горы... Ночное преследование в лесу под Тросками...

Родной брат, Петерлин, колотый и прошитый остриями мечей.

А тот, который колол, который наносил удары, один из тех, кто лишили Петерлина жизни, лежал, укрытый попоной, на расстоянии десяти шагов, на противоположной стороне костра, где кашлял и сопел носом. Под пристальными взглядами двух моравцев, которым Горн приказал нести дозор.

Дозор? А, может, охрану?

В путь они двинулись ранним утром. В мрачном, можно сказать, настроении, к которому погода, однако не захотела подстроиться: с самого рассвета солнце уже хорошо светило, а около третьего часа дня уже пригревало действительно ласково. Весна 1429 года пришла рано.

В дороге Рейневан демонстративно держал дистанцию, и каждый раз отворачивался, как только Горн смотрел в его сторону.

Горну очень быстро такая демонстрация надоела.

– Перестань, мать твою, капризничать, – процедил он, подъехав рысью. – Есть, что есть, ситуацию не поменяешь. Так что приспособься. И прими.

– То, – Рейневан указал движением головы, – что там убийца моего брата, тип, который прошлой ночью хотел убить меня, едет себе на вороной лошаденке, покашливая, как ни в чем не бывало? Хотя должен висеть на сухом суку?

Больной, который ехал на несколько шагов впереди, Черный Всадник, или Бруно Шиллинг, Рейневан никак не мог решить, как его называть, – как будто чувствовал, что они о нем говорят, ибо то и дело украдкой оглядывался. Два моравца неустанно держали его в поле зрения.

– Ты, как я вижу, приказал им держать арбалеты наготове, – заметил Рейневан. – Этого мало, Горн, слишком мало. Некогда я приложил руку к убийству одного их таких. Чтоб завалять его понадобилось четыре арбалетных болта, каждый по самое оперение.

– Благодарю за указание. Но оставь это мне. Знаю, что делаю.

– Если бы ты знал, если бы ты вез его, как пленного для дачи показаний, то приказал бы заковать его и транспортировать в фургоне под замком, так, как пару дней тому везли нас на обмен. А ты печешься о нем, стараешься. Это убийца. Ассасин, бездушная машина, убивающая по приказу. Рота Смерти, терроризирующая Силезию. Невозможно сосчитать, сколько людей они поубивали. Наших людей, людей, верных нашему делу. Тех, которые помогали нам, сотрудничали с нами. А ты, хотя знаешь об этом, даже не приказал связать его.

– Рейневан, – ответил серьезно Горн. – Война продолжается. Мы принимаем в ней участие на всех фронтах. Это необычная война. Это война религиозная, до сих пор таких не было. Религиозная война отличается от других войн тем, что людям по обе стороны фронта часто приходится менять религию. Сегодня гусит, завтра папист, сегодня католик, завтра чашник. Наглядный пример ты видел вчера в лице господина Яна из Краваж. Пан Ян был одним из самых заклятых врагов Чаши и идей Гуса, вместе с Пшемекком Опавским и епископом Оломунца он был в Моравии бастионом воинственного католицизма, не сосчитать гуситов, которых он сжег или повесил на сухом суку. А сегодня что? Поменял религию и воюющую сторону. Чаша и Табор получили благодаря этой перемене могущественного союзника. А ты сам получил свободу и сохранил жизнь. В итоге наше дело получило пользу. Мы ведем религиозную войну. Но фанатизм и zelotский⁵⁹ пыл давай оставим массам, которых посылаем в бой. Мы, люди более высоких дел, должны обозрывать более широкие горизонты. Прагматизм, парень. Прагматизм и практицизм.

– Правильно ли я понял аналогию? Этот, как его там...

– Бруно Шиллинг. Ты все правильно понял и прямо с лета. Это уж не Черный Всадник, не Рота Смерти. Поменял религию. И сторону.

– Ренегат?

– Прагматизм, Рейневан, не забывай. Не ренегат, не предатель, не Иуда Искарот, но польза. Для нашего дела.

– Послушай, Горн...

– Хватит. Хватит об этом, прекращаем разговоры. Обо всём этом я тебе говорил неспроста, и к прагматизму призывал не без причины. Вскоре предстанешь перед Неплахом. Вспомни тогда о поучениях, которые я тебе давал. Попробуй ими воспользоваться.

– Но я...

– Хватит болтать. Совинец перед нами.

В Совинце они долго не задержались. В частности, Рейневан не задерживался вообще. Свежего коня ему дали тут же за воротами, возле кузницы, из которой разносился звон металла, там же появился его новый эскорт – пятеро необычайно мрачных кнехтов. В общем, не прошло и часа, как он снова был в пути, а за его спиной уменьшался по мере удаления высокий шпиль бергфрида⁶⁰ – опознавательный знак Совинца, возвышающийся над лесистыми хребтами гор.

Через короткий промежуток времени их догнал Урбан Горн.

– что-то ты не можешь расстаться со мной, – едко заметил Рейневан, – отходя по поданному ему знаку в тыл эскорта. – Никак знаешь что, чего я не знаю? Что, допустим, уж не увидишь меня больше живым?

Горн лишь покрутил головой, придерживая коня:

– Хочу дать тебе совет. На прощание.

– Ну, давай. Не будем затягивать эту жалостливую сцену. Говори, что меня ждет в Праге? Что со мной будет?

Горн отвел взгляд, но только на мгновение:

– Это зависит от тебя. Только от тебя.

– Можно попонятнее?

– Если тебя перевербовали, – по щекам Горна пробежала заметная дрожь, – Неплах захочет это использовать. Завербует тебя вторично. Это стандартная процедура. Будешь передавать той стороне информацию. Только фальшивую. Подготовленную.

⁵⁹ Зелоты – сторонники непримиримой борьбы иудеев с римлянами.

⁶⁰ главная сторожевая, самая высокая башня средневекового замка.

– И в чем заковыка?

– Это опасно. Вдвойне.

– Выслушай меня внимательно, – прервал долгое молчание Горн. – Выслушай внимательно, Рейнмар. Бежать тебе не советую. Побег будет доказательством вины. И приговором. Неплах отдает себе отчет в том, сколько секретов ты знаешь, сколько знаешь наших планов и военных тайн. Уже покоя тебе не будет. Даже если б ты убежал на край света, не будешь в безопасности ни дня, ни часа. Ни ты, ни близкие тебе люди. Ты мог не выдержать шантажа из-за боязни за судьбу панны Ютты. Панна Ютта, стало быть, – это твоя чувствительная точка, место, которое можно болезненнее всего задеть. Не заблуждайся, что Неплах прозеваает такую возможность.

Рейневан ничего не сказал. Лишь проглотил слюну и кивнул головой. Горн тоже молчал.

– Я верил в дело революции, – наконец сказал Рейневан. – У меня было неподдельное ощущение миссии, борьбы за веру апостольскую, за идеалы, за социальную справедливость, за новое лучшее завтра. Я действительно искренне верил, что мы изменим старый строй, что сдвинем мир с закоряченных основ. Я боролся за наше дело, глубоко веря, что наша победа покончит с несправедливостью и злом. Я готов был отдать за революцию кровь, готов был пожертвовать собой, броситься камнем на амбразуру... И бросился, как безумец, как слепец, как клоун. Как ты там говорил? Фанатизм? Зелотский пыл? Подходит. Просто вылитый я. А теперь что? Зелот и неопит получит по заслугам; глупая ослепленность и сумасшедшая страсть приведут к тому, что он получит по шее, что пострадает не только он сам, но и его близкие и любимые. Ха, надеюсь, что дела эти будут описаны в каких-нибудь хрониках. В назидание и предостережение другим неопитам и глупцам, готовым дать слепо увлечь себя и жертвовать. Чтобы знали, как оно есть.

– Да ведь всегда так. Ты разве не знал?

– Теперь знаю. И запомню...

– Ваша милость Гоужвичка!

– Чего?

– Корчма. Может, остановимся?

Гоужвичка заворчал и заурчал.

Гоужвичка, командир эскорта, был типом ворчливым и молчаливым, ворчанием и молчанием он уходил от всех вопросов, понадобилось какое-то время, чтобы Рейневан сумел сообщить, что родовое имя Гоужвички – это не «Вичка», не «Жвичка» и не «Ожвичка». Остальные четверо кнехтов тоже не были слишком говорливыми, даже между собой разговаривали редко. Одного, кажется, звали Заградил, а второго – Сметяк. Но уверенности не было.

– Ехать нам далеко, – заворчал Гоужвичка. – А мы всего лишь в Либине, еще даже Шумперка не достигли. Торопиться надобно, а не останавливаться.

– Глянь, я ранен, – Рейневан показал на бинты вокруг головы. – Надобно сменить перевязку. Иначе будет гангрена, меня начнет лихорадить, и я помру по дороге. В Праге за это не похвалят, можешь мне поверить.

В действительности ранение заживало вполне хорошо, ухо не напухало, пульсирующая боль ослабла, заражения не было. Рейневан просто хотел дать отдохнуть уставшим от седла ягодицам и насладиться давно не пробованной кухонной едой. А от трактирчика, притаившегося на перепутье, ветерок доносил вполне приятные ароматы.

– Не похвалят в Праге, – повторил он, насупившись. – Виновных к ответственности привлекут, как пить дать.

Гоужвичка заворчал, в этом ворчании отчетливо слышались достаточно обидные эпитеты в адрес Праги, пражан и ответственности.

– Стаем, – согласился он наконец. – Но чтоб недолго.

Внутри, в пустой горнице, сразу же выяснилось, спешка Гоужвички была притворной, а возражения лишь напоказ.

Командир эскорта с задором не меньшим, чем Сметяк, Заградил и все остальные набросился на постный суп, горох, кнедлики и тушенную капусту, с не меньшим, чем подчиненные, энтузиазмом лакал очередные бокалы пива, подносимые запыхавшейся прислугой. Наблюдая за ними из-за миски, Рейневан с каждым новым бокалом становился увереннее, что вояж будет отложен. Что именно здесь, в корчме под селом Либиною, придется им переночевать.

Скрипнула дверь, хозяин вытер руки о фартук и побежал встречать новых гостей. А Рейневан замер с ложкой на полпути к широко открытому рту.

Новоприбывшие – их было двое – сняли плащи, на которых были следы путешествия долгого и проходившего в условиях часто меняющейся погоды. Один из пришельцев был огромного роста и телосложения, под его шагами пол грохотал и дрожал. Постриженный наголо, с лицом ребенка, причем тронутого кретинизмом. Лицо второго из гостей, более низкого и щуплого, было украшено шрамом на подбородке и большим, благородно горбатым носом.

Оба сели на соседней скамье, пожелавшему принять заказ корчмарю отказали. Молча посматривали на Рейневана и совинецких кнехтов. Настолько пристально, что это было замечено Гоужвичкой, который бросил ответный взгляд. И заворчал.

– Привет, привет компании, – медленно сказал Шарлей, кривя губы в имитации улыбки. – И куда же это компания собралась? Куда, интересуюсь, путь держим?

– Да в Прагу, – выдавил из себя Сметник, прежде чем Гоужвичка успел пинком приказать ему, чтобы заткнулся.

– А вам... – Он с усилием проглотил кнедлик, мешавший ему говорить. – А вам зачем это знать, а? Какое вам дело?

– В Прагу, – повторил Шарлей, полностью его игнорируя. – В Прагу, говорите. Скверная затея, братья. Очень скверная.

Гоужвичка и кнехты вытаращили глаза. Шарлей встал, подсел к ним.

– В Праге хаос, – заявил он, преувеличенно изменяя голос. – Разруха, волнения, уличные бои. Ни дня без резни и стрельбы. Легко, ой легко может там постороннему достаться.

Самсон Медок, который тоже подсел, энергичными кивками головы подтверждал все сказанное.

– Так что зачем в Прагу-то? – продолжал демерит. – Нет смысла. Я б не ехал на вашем месте. Да и Пасха на носу. Где собираетесь Воскресение Господне встретить, где свяченого отведать, где яичком поделиться? Во рву придорожном?

– Да в чем дело? – взорвался Гоужвичка. – А?

– Да в вас. – Шарлей продолжал улыбаться, Самсон продолжал кивать головой. – В вашей пользе, братья во Христе. Возвращайтесь-ка вы, советую, домой. Не говорите только, что вам долг не позволяет. От долга, то есть от этого молодого человека, охотно вас избавлю. Выкуплю его у вас. За тридцать мадьярских дукатов. – Резким движением он отцепил от ремня мошну и высыпал на стол горку золотых монет. Заградил чуть не подавился. У остальных глаза едва не повыскакивали из орбит. Гоужвичка громко проглотил слюну.

– Это каа-ак? – сумел наконец выдать он. – Ка-а-ак? Чтоо-о? Вы того... Вы... его?

– Ну, его, конечно, – Шарлей сложил губы в соблазнительную улыбку, жеманно пригладил волосы на висках. – Именно его хочу поиметь. Путем купли. Уж больно мне по вкусу пришелся. Обожаю таких ладных мальчиков, особенно блондинов... Да что это ты так странно на меня смотришь-то, брат? Может имеешь предубеждения? Или нетерпим?

– А чтоб вас! – гаркнул Гоужвичка. – Чего надобно, а? Валите отсюда! В другом месте себе мальчиков покупайте! Тут никакого торга не будет!

– Тогда, возможно, – Самсон скорчил гримасу кретина, сморкнулся, размазал сопли рукавом, вытащил и поставил на стол кости и кружку. – Возможно, тогда изволите госпожу

удачу? Сыграем? Присутствующий здесь молодец против наличных здесь тридцати дукатов. Решает один бросок. Я начинаю.

Кости покотились по столешнице.

– Два очка и одно очко, – подытожил Самсон, изображая огорчение. – Три балла. Ай-ай... Ой-ой-ой... Небось проиграл я, просто проиграл... Ну и дурак я. Ваша очередь, господа. Прошу бросать.

Радостно ослабившийся Заградил протянул руку к костям, но Гоужвичка стукнул его по пальцам.

– Оставь, едрена мать! – заорал он с грозной миной. – А вы, сударики, валите прочь. Вместе с вашими дукатами! Дьявол вас сюда привел! К дьяволу и убирайтесь!

– Наклонись-ка ко мне, – процедил ему Шарлей. – Имею что-то тебе сказать.

Никто, имей хоть чуточку масла в голове, не послушал бы. Гоужвичка послушал. Наклонился. Кулак Шарлея попал ему в челюсть и смел со скамьи.

В то же мгновение Самсон Медок протянул могучие руки, схватил двух совинецких кнехтов за волосы и бахнул головами о стол, аж подскочила и посыпалась посуда. Сметяк рефлекторно схватил со стола липовую миску и со всей силы зацедил ею здоровилу в лоб. Миска треснула пополам. Самсон поморгал глазами.

– Поздравляю, мил человек, – сказал он. – Удалось тебе меня захерачить.

И врезал Сметяка кулаком. С ошеломляющими последствиями.

Тем временем Шарлей красивым боковым свалил под стол Заградила, раздал пытающимся встать кнехтам несколько тугих пинков, метко попадая в пах, живот и шею. Рейневан прыгнул на Гоужвичку, который стоял на четвереньках и поднимался с пола. Гоужвичка вырвался и рубанул его локтем просто в раненное ухо. У Рейневана потемнело в глазах от боли и ярости. Он заехал Гоужвичку кулаком, добавил еще раз, второй, третий. Гоужвичка обмяк, уткнувшись лицом в доски. Заградил и два остальных кнехта отползли за скамью, поднятыми руками давали понять, что с них довольно.

Из-за печи доносились отголоски ударов и сухие стуки лба о стену. Это Шарлей и Самсон молотили забившегося в угол Сметяка. Битый Сметяк ужасно кричал.

– Ради Бога, господины! Не бейте уже! Не бейте! Ладно уж, ладно, берите парня, коли хотите, отдаю его, отдаю!

Шарлей еще раз проверил, задвинуты ли засовы как следует, встал, отряхнул колени. Корчмарь, красный от волнения и возбуждения, следил за каждым его движением, нервно водя глазами.

– Не открывай аж до завтрашнего утра. – Шарлей показал на люк в полу. – Пусть там сидят. Если потом будут кипятиться, скажешь им, что я тебе смертью пригрозил... А вот это, на, – дашь им по дукату каждому. Скажешь, что это от меня в качестве возмещения ущерба. А вот это, держи, – дукат для тебя. За ущерб и неприятности. Эх, гулять – так гулять, бери два. Чтобы приятней меня было вспоминать.

Корчмарь торопливо принял деньги, громко проглотил слюну. из-под люка, из подвала доносились приглушенные крики, ругань и глухой стук. Но люк был дубовый и на замке.

– Это ничего, вельможный пан, – сказал поспешно корчмарь, опережая Шарлея. – Пусть колотят, пусть проклинаят. Не отомкну аж до утрени. Помню, что вы приказали.

– Истинно, – взгляд и голос Шарлея стал на тон холоднее, – лучше, чтоб ты не забыл. Самсон, Рейнмар, по коням! Рейнмар, что с тобой?

– Ухо...

– Не ной, не стони. Кто хочет быть глупым, должен быть крепким.

– Как вы меня нашли? Откуда узнали?

– Это длинная история.

**Глава пятая,
в которой Рейневан оставляет только
что найденных друзей на острове Огия, а
сам отправляется в путь. Чтобы вскоре
предстать перед революционным трибуналом.**

Ехали. Сначала галопом, замедляясь только на подъемах. И для того, чтобы не загнать лошадей. Ехали так, что земля летела из-под копыт. Но когда от корчмы в Либине их отделяла где-то миля, когда между ними и Либиной уже были холмы, боры, леса и чащи, сбавили темп. Не было смысла гнать.

Веял ветер с гор, теплый весенний ветер. Кавалькаду вел Самсон, выдвинувшись во главу ее. Шарлей и Рейневан ехали вровень, бок о бок, не стараясь догнать гиганта.

– Куда едем?

– Шарлей! Куда ведет эта дорога?

Конь Шарлея, красивый вороной жеребец, затанцевал, ничуть не утомившись от скачки. Демерит похлопал его по шее.

– В Рапотин, – ответил он. – Это село под Шумперком. Мы там живем.

– Живете? – Рейневан рот открыл от удивления. – Тут? В каком-то Рапотине? А меня как нашли? Каким чудом...

– Это было, – прыснул Шарлей, – одно из целой серии чудес. И что ни чудо, – то все более удивительное. Началось три недели тому. С того, что Неплах откинул копыта.

– Что?

– Флютек оставил земную юдоль. Представился. *Florentibus occidit annis*.⁶¹ Короче говоря, умер... Естественной смертью, представь себе. Одни ему петлю пророчили, другие ему петли желали, но никто не сомневался, что этот прохвост попрощается с этим миром не иначе как на виселице. А он, вообрази, умер, как ребенок, или как монашка. Во сне, в сладком. Улыбающийся.

– Неимоверно.

– Поверить трудно, – согласился Шарлей. – Но придется. Есть много свидетелей. В частности Гашек Сикора, ты помнишь Гашека Сикору?

– Помню.

– Гашек Сикора принял временно должность и обязанности Флютека. А он, чтоб ты знал, очень благосклонно к тебе расположен. С какой причиной это может быть связано, не догадываешься?

– С двумя. Два мягких шанкра, оба в месте досадном и неприятном для женатого мужчины. Я его вылечил магической мазью.

– Боже великий! – Шарлей возвел очи к небу. – Серце ликует, когда видишь, что бывает еще благодарность в этом мире. Достаточно сказать, что именно он послал нас к тебе на подмогу. Езжайте, сказал, под Совинец и Шумперк, отбейте, сказал он, Рейневана, пока его до Праги не довезли, Прага ему не к добру. Что там с Рейневаном было, сказал он, то уж было. Его милость Неплах, говорил, имел к нему что-то, но его милость Неплах умер. Мне, сказал он, это дело ни к чему, а когда Рейневан исчезнет, дело со временем затихнет. Так что пускай себе медик исчезает, пусть едет, куда пожелает, если виновен, пусть его Бог судит, если невиновен, пусть ему Бог помогает. Он правильный мужик.

⁶¹ Умер в расцвете сил. – Примеч. автора.

- Бог?
- Нет. Гашек Сикора. Хватит болтать, парень. Пришпорька коня.
- Гляди, как Самсон оторвался. Мы слишком отстаем.
- Куда он так торопится?
- Не куда, а к кому. Увидишь.

Усадьба, о которой оповестил лай собак и запах дыма, была укрыта за березовой рощей и густым терновником, из-за которого вырастала крыша навеса. За ней был сарай и чулан под камышовой крышей, жердяное ограждение, а за ним сад, полный приземистых слив и яблонь, далее подворье, белая голубятня, колодец с журавлем. И дом. Большой дом, с колодами в фундаменте, крытый гонтом,⁶² с поставленным на столбы крыльцом.

Как только они въехали на подворье, со ступенек крыльца сбежала молодая женщина. Рейневан узнал ее, прежде чем съехавший на бегу платок открыл ее пышные рыжие волосы. Он узнал ее по тому, как она двигалась, а двигалась она так, будто танцевала, не касаясь, казалось, в танце земли, ну чисто нимфа, наяда или какое-то другое неземное явление. Простое серенькое платье обвивало ее тело, наводя на мысль о воздушных и нереальных одеяниях, которыми – как для пристойности, так и для композиции – художники покрывали чувственные тела своих Мадонн и богинь на фресках, картинах и миниатюрах.

Маркета подбежала к Самсону, великан просто с седла опустился в ее объятия. Освободившись, он поднял девушку, как перышко, поцеловал.

– Трогательно, – Шарлей, спешившись, подмигнул Рейневану. – Не виделись с пол дня. Тоска друг по другу, как видишь, едва не погубила их. Какая же это радость – встреча после такой долгой разлуки.

– Ты, Шарлей, – начал было Рейневан, – наверное, никогда не сможешь понять, что такое...

Он не закончил. Из покрытого дерном погребка возле сада возникло второе существо прекрасного пола. Более зрелое. В каждой, можно сказать, форме, обаянии, во всех отношениях. Галатея или Амфитрита, если судить по лицу и фигуре, Помона или Церера, если делать вывод из корзины с яблоками и капустой.

– Что ты сказал? – спросил Шарлей с невинным лицом.

– Ничего. Ничего.

– Рада тебя видеть, паныч Рейневан, – сказала пани Блажена Поспихалова, вдова Поспихала, в свое время хозяйка дома, расположенного в Праге, на углу улиц Щепана и На Рыбничке. – Поторопитесь, панове, поторопитесь. Обед вот уж будет на столе.

«Весна идет», – подумал про себя Рейневан, идя рядом с Шарлем по меже, которая сильно размокла. С голых деревьев капала вода. Пахло мокрой землей. И чем-то, что гнило.

– В Прагу, – рассказывал Шарлей, – я прибыл поздней осенью минувшего года, после ракусского рейда. Перезимовал у Самсона. В столице никогда не было особенно спокойно, но сейчас, весной, стало совсем плохо. И очень стрёмно. Настоящий кипящий котел, я тебе говорю. Дело дошло до переговоров Прокопа Голого с Сигизмундом Люксембургским...

– Прокоп договаривается с Люксембуржцем?

– То-то и оно. Идет речь даже о мире и признании Люксембуржца королем. Условием является принятие последним четырех пражских статей и легализация секуляризации церковного имущества. На что-то подобное Сигизмунд, ясное дело, никогда не согласится и договоренности разорвет. Прокоп прекрасно это понимает, на переговоры согласился, только чтобы показать, что это Люксембуржец и католики являются агрессивной стороной, желаю-

⁶² Гонт – узкие и тонкие клинообразные дощечки для покрытия крыши.

щей войны, а не мира. Это очевидно, но не для всех. Прагу это резко разделило. Старый Город переговоры поддерживает, призывает к объединению и признанию Сигизмунда королем Чехии. Новый Город даже слышать об этом не хочет. Масла в огонь подливают проповедники с амвоана. У Девы Марии Снежной Люксембуржца называют «царем вавилонским» или «рыжей шельмой» и подстрекают к расправе с «прихлебателями и предателями». В Старом Городе, у Матери Божьей Пред Оградой, призывают к истреблению «фанатиков» и «радикалов». В итоге Прага разделилась на два враждующих лагеря. Сватогавелские, Горские и Поржиченские ворота забаррикадированы, улицы перегорожены кузлами⁶³ и цепями. На пограничье днем и ночью громяют ружья, свистят болты, летят пули, регулярно происходят столкновения, после которых кровь пенится в водостоках. Обе стороны регулярно проводят облавы на изменников, а сойти за такого очень легко может любой. Самое время было оттуда уносить ноги... Хмм... Госпожа Поспихалова призналась, что имеет по наследству дом под Шумперком. А когда узнали о твоих делах, когда Сикора дал знать, что тебя повезут именно через Шумперк, я принял это за знак провидения. Покинули мы Прагу без всяких дебатов. И без сожаления.

– И что теперь? – Рейневан не скрывал насмешки. – Останешься здесь? Осядешь и будешь хозяйничать на земле? А, может, думаешь о женитьбе?

Шарлей посмотрел на него. Вопреки ожиданиям очень серьезно.

– Думаю о тебе, дружище, – так же серьезно ответил он. – Если бы не ты, я бы из Праги выехал в другом направлении. А именно – будзинским трактом, прямехенько в Венгрию, и дальше в Константинополь. Но вышло так, что сначала надо было помочь другу. В переплете, в который друг глупо попал. Ведь попал же?

– Шарлей...

– Попал или нет?

– Попал.

– Вляпался в историю? В ужасную и дьявольскую историю?

– Вляпался.

– Рассказывай.

Рассказывать пришлось дважды, когда после ужина собрались в чулане, чтобы поговорить, Самсон Медок тоже возжелал ознакомиться с ходом событий и с подробностями истории, в которую вляпался Рейневан. Но если Шарлей, слушая, только крутил головой, Самсон с ходу сделал выводы.

– Возвращение в Силезию, – начал он, – отвергаю полностью. Ничего ты там не найдешь, лишь подвергнешься опасности.

Раскрыли тебя и схватили во Вроцлаве один раз, смогут и во второй раз. А на алтариста Фелициана я б не рассчитывал. Ничего он не выведает, высоки пороги на его ноги. Инквизиция умеет хранить свои тайны. И уж точно не настолько глупа, чтобы удерживать панну Ютту в таком месте, где ее легко мог обнаружить какой-нибудь продажный попик.

– Так что же нам делать? – мрачно спросил Рейневан. – Возвращаться к гуситам? Послушно выполнять все, что мне прикажет Инквизиция. Рассчитывать на то, что в конце концов я удовлетворю их настолько, что они освободят меня и отдадут мне Ютту?

Шарлей и Самсон посмотрели друг на друга. Потом на Рейневана. Он понял.

– Никогда они мне ее не отдадут. Правда?

Наступило выразительное молчание.

– Возвращение к гуситам, – сказал наконец Самсон, – только с виду кажется лучшим выбором. Из твоего рассказа следует, что тебя подозревают.

– Доказательств не имеют.

⁶³ бруски, сбитые в виде крестовины.

– Если б имели, ты бы уже не жил, – спокойно заметил Шарлей. – А когда смоешься, то принесешь им доказательство на блюдечке. Твой побег будет доказательством вины. А также приговором.

– Гуситы будут наблюдать за тобой, – добавил Самсон. – Будут следить за каждым твоим шагом. Вместе с тем отодвинут от каких-либо секретов и тайных дел. Даже если б ты и захотел, не сможешь добыть информацию, которой мог бы удовлетворить Инквизицию.

– Инквизиция не обидит девушку, – сказал Шарлей, быстро, но как-то неуверенно. – Этот Гейнче вроде мужик порядочный. И твой знакомый по учебе...

Он замолчал. Развел руками. Но вдруг к нему вернулась уверенность.

– Выше голову, Рейнмар, выше голову. Не утонул еще наш корабль, еще идет под парусами. Найдем способ. Ни Гомер, ни Вергилий об этом не вспоминают, но я тебя уверяю: уже троянская разведка имела своих агентов среди ахейцев. И добывали их тоже шантажом. А агенты, которых шантажировали, тоже находили способы, как объегорить Троию. И мы ее надуем.

– Как? – горько спросил Рейневан. – У тебя есть какие-то идеи? Пусть любые. Всё же лучше, чем бездеятельность.

Немного помолчали.

– Прежде надо выспаться, – наконец сказал Шарлей. – *De mane consilium*, утро принесет совет.

Утро Рейневану совета не принесло, откровенно говоря, не принесло ничего, кроме боли в шее. Для Самсона и Шарлея, похоже, утро тоже не было особенно щедрым, во всяком случае, относительно советов и подсказок. Гигант вообще не касался вчерашних разговоров, все свое внимание, казалось, сосредотачивал исключительно на рыжеволосой Маркете, как во время завтрака, так и после него. Так что Рейневан и Шарлей воспользовались первым удобным случаем, чтобы выйти. И уйти. Далеко, на окаймленную шеренгой кривоватых верб насыпь, разделяющую два спущенных пруда.

– С Маркетой и Самсоном, – заговорил Рейневан, указывая головой в сторону усадьбы и хозяйства, – получается, дело серьезное.

– Получается, что серьезное, – подтвердил серьезно демерит. – В общем, как и всё у Самсона. Этот субъект, действительно, как не от мира сего. Бывают минуты, когда я начинаю верить...

– К черту, Шарлей! Это наш друг, какой ему интерес нас обманывать? Коль утверждает, что он пришелец из другого измерения, надо ему верить. По этому вопросу высказались, причем хорошо поломав головы, серьезные, профессиональные и бесспорные авторитеты. Бездыховский, Акслебен, Рупилий... Полагаешь, что они не раскусили бы мошенничества, что не разоблачили бы обман? Откуда же у тебя такое сомнение, так мало доверия?

– Оттуда, что повидал я в жизни таких мошенников, которые сумели окрутить даже авторитетов. Сам, сокрушенно сознаюсь, сумел несколько раз... Грехи молодости... Хватит об этом. Сказал уже: начинаю верить. Как по мне, это много.

– Знаю. А Рупилий, раз уж я вспомнил о нем...

– Ничего с этого не выйдет, – сухо отрезал демерит. – Самсон не хочет. Я говорил с ним. Мается немного из-за обещания, которое вы дали Рупилию, но решение принял. Рупилий, заявил он, должен со своими делами управиться сам, ибо у него, Самсона Медка, голова забита делами более важными. Чем-то, от чего не отступится.

– Маркета.

– Естественно, Маркета.

– Шарлей?

– Что?

– Хмм... Она вообще разговаривает?
Демерит немного помолчал, потом ответил:
– Я не слышал.

Наступивший день, по календарю среда, относительно советов и решений был так же скучен, как и утро, и так же ничего стоящего не принес. Ничем и закончился.

Когда начало вечереть, сели ужинать, все пятеро. Разговор не клеился, так что по большей части молчали. Рыжеволосая адамитка ела мало, ее взгляд не отрывался от Самсона, а одной рукой она постоянно касалась его огромной ладони. Ее исполненные нежности взгляды и жесты не только волновали и смущали, но и вызывали ревность: Рейневан не помнил, чтобы Ютта когда-нибудь, даже в интимные моменты страсти, давала бы ему настолько явные и очевидные доказательства влюбленности. Он отдавал себе отчет, что эта ревность не слишком рациональна, но от этого ее уколы становилась не менее колючими.

Донимало также, теперь уже его мужскую гордость, поведение Блажены Поспихаловой. Вдова полностью все свое внимание посвящала Шарлею. Хотя и делала это сдержанно и с кокетством не перегибала, между нею и демеритом аж искрилось от эротизма. Рейневан же, хотя между ним и вдовой в былые времена тоже что-то было заискрило, не заслужил даже выразительного взгляда в свою сторону. Он, ясное дело, любил Ютту, и ему даже дела не было до пани Блажены. Но что-то кололо. Будто ёжика запихнули запазуху.

Ночью, когда на шелестящем сенике, он старался уснуть, пришли более серьезные размышления.

А после размышлений – решения.

* * *

Было еще совсем темно, когда он оседлал коня и вывел его из конюшни, делая это так тихо и скрытно, что даже собаки не залаяли. Когда он тронулся в путь, едва начинало светать. Едва рассвело, копыта уже стучали по утоптанному тракту.

«Они нашли то, чего хотели найти, – думал Рейневан, оглядываясь на село Рапотин. – Оба. Самсон Медок имеет что-то важное. Имеет свою Маркету, свою Калипсу,⁶⁴ имеет тут, в этом селе свой остров Огигию. Шарлей имеет Блажену Поспихалову, неважно, останется ли он с ней или двинет дальше, в свой овеванный мечтой Константинополь, – туда, где Ипподром, АйяСофия, к печеным осьминогам в таверне над Золотым Рогом. Неважно, доберется ли он туда. Не так существенно, что будет дальше с Самсоном и Маркетой. Но было бы бессмысленно заставить их от этого всего отказаться, заставить всё бросить, заставить отправиться на край света, в неизвестное, чтобы рисковать ради чужого дела. Моего дела.

Бывайте, друзья.

Я тоже имею что-то важное, что-то, от чего не отступлюсь. Я отправляюсь.

Сам».

План Рейневана был прост: долиной реки Моравы по подножью Снежника добраться до Мендзылеского перевала и важного торгового пути из Венгрии, ведущего прямо в Клодзскую котловину. По скромным подсчетам от перевала отделяло его не больше пяти-шести миль. Был, правда, и другой вариант: долиной реки Браны и перевалом до Лёндека, оттуда уже Соленой дорогой до Крутвальда, Нисы и Зембиц. Второго варианта, хоть он и вел прямо к цели, Рейневан, все-таки, боялся – дорога шла через горы, а погода по-прежнему была ненадежной.

⁶⁴ В греческой мифологии владелица острова Огигии, на котором она пыталась семь лет удержать возле себя Одиссея.

Но не только погода представляла угрозу. Как многочисленные районы Моравии, так и шумперский край в настоящее время представлял собой настоящую шахматную доску: владения подданных князю Альбрехту католических хозяев перемежались с имениями дворянства, поддерживающего гуситов, причем разобраться было трудно, очень часто они меняли стороны и партийных сторонников. Неразбериху усиливал тот факт, что некоторые придерживались нейтралитета, то есть им было все равно, на кого нападают и грабят, нападали и грабили всех.

Рейневан получил от Шарлея некоторую информацию и прекрасно отдавал себе отчет, что для него все одинаково опасно, и что лучше всего было бы прошмыгнуть незаметно, чтоб не наткнуться ни на какую партию. Ни на поддерживающих Чашу господ Стражницких из Краваж на Забжегу и господ из Кунштата из близлежащих Лоштиц. Ни, тем более, на католиков, принявших сторону Альбрехта: шумперских Вальдштейнов, господ из Зволе и многочисленных манов епископа Оломунца, постоянно совершавших набеги на окрестные владения.

Неожиданно начал падать снег, снежинки, сначала мелкие, превращались в большие и мокрые комки, мгновенно застилая глаза. Конь храпел и тряс головою, но Рейневан ехал. Про себя молясь о том, чтобы то, что он считал дорогой, действительно ею было.

К счастью, метель прекратилась так же быстро, как и началась. Снег припорошил и побелил поля, но дорогу не занесло, она по-прежнему была отчетливо видна. И даже ожила. Послышалось блеяние и звон колокольчиков, а на дорогу мелкой рысцой вывалила отара овец. Рейневан понукал коня.

- Бог в помощь.
- И вам, кхе-кхе... – Пастух преодолел страх. – И вам, мил человек.
- Откуда ты? Что это за село, там, за холмом?
- Тама? Дак село.
- Как называется?
- Дак Кеперов.⁶⁵
- А чей этот Кеперов?
- Дак монастырский.
- Не стоят ли там какие-то военные?
- Да на кой им там стоять-то?

Допрашиваемый пастух сообщил, что за Кеперовом над Моравой расположены Гинчице, а дальше Ганушовице. Рейневан облегченно вздохнул, выходит, что он правильно держится маршрута и с пути не сбился. Он попрощался с пастухом и тронулся дальше. Вскоре дорога привела его прямо к броду на покрытой мглой Мораве, дальше она шла правым ее берегом. Через какое-то время он миновал упомянутые Гинчице, несколько лачуг, дававших о себе знать еще издали запахом дыма и лаем собак. Скоро он услышал невдалеке звон, – выходит, в Ганушовицах была приходская церковь. Выходит, ее не сожгли. Должен был остаться и приходской священник или хотя бы викарий, иначе кому бы еще хотелось дергать веревку колокола, да еще с утра. Рейневан решил навестить церковника, расспросить о дальнейшей дороге, о войсках, о вооруженных формированиях и, возможно, даже напроситься на завтрак.

Позавтракать ему суждено не было.

Тут же за церквушкой он нарвался на отряд военных: пятеро верхом, державших еще неоседланных коней, и пятеро пеших возле притвора, ведущие дискуссию с коротышкой священником, который заграждал им вход. При появлении Рейневана все замолчали и все, в том числе и ксендз, неприязненно на него уставились. Рейневан про себя выматерил свое невезение, выматерил слишком грязно, словами, которых ни при каких обстоятельствах не позволял себе употреблять при детях и женщинах. Приходилось, однако, играть такими картами, которые были розданы. Он попробовал успокоить себя глубоким вдохом, гордо выпрямился

⁶⁵ См. примечание к пятой главе.

в седле, небрежно поклонился и шагом повел коня на плетень к лачуге, планируя перейти на галоп, как только скроется с глаз. Ничего из этого не вышло.

– Опа-на! Погодите-ка, панок!

– Я?

– Вы.

Ему перегородили дорогу, окружили. Один, с бровями, как пучки соломы, схватил коня за узду возле самого мундштука, отодвинутый этим движением плащ приоткрыл большую красную чашу на покрывающей панцирь тунике. Более внимательный взгляд выявил гуситские знаки и на остальных. Рейневан тихонько вздохнул, он знал, что его положение от этого никак не улучшалось.

Гусит с бровями всматривался в его лицо, а его собственное лицо, к удивлению Рейневана, меняло выражение. Из хмурого на удивленное. А с удивленного на вроде обрадованное. И снова на хмурое.

– Вы пан Рейневан из Беявы, силезец, – сказал он тоном, не допускавшим возражений. – Медик для врачевания.

– Ну да. Что дальше?

– Я вас знаю. Так что не перечьте.

– Да ведь не перечу же. Спрашиваю, что дальше.

– Бог нам вас послал. Нам как раз медик нужен, к больному. Дело не терпит отлагательств. Так что поедете с нами. Очень просим. Очень милостиво просим.

Очень милостивая просьба сопровождалась злыми взглядами, закушенными губами, движениями нижней челюстью. И руками на поясе возле рукояти. Рейневан решил, что лучше будет в просьбе не отказать.

– Может, однако, для начала узнаю, с кем имею дело? Куда должен ехать? Кто болен? И чем?

– Едете недалеко, – отрезал гусит с бровями, явный командир конного разъезда. – Имят меня Ян Плуг. Подгейтман полевой армии сиротского находского объединения. Остальное скоро узнаете.

* * *

Рейневана не очень тешил тот факт, что вместо того, чтобы двигаться к Мендзылескому перевалу, ему вдруг пришлось ехать в направлении прямо противоположном, правым берегом Моравы на юг. К счастью Ян Плуг не обманывал, до места назначения, в самом деле, было не особенно далеко. Вскоре они заметили расположенный в туманной долине большой военный лагерь, типичный лагерь гуситов на марше: нагромождение повозок, навесов, шалашей, землянок и иных живописных хибар. Над лагерем развевалось боевое знамя Сироток, представляющий яркую облатку и пеликана, раздирающего клювом собственную грудь. Сбоку возвышалась внушительная куча костей и других отбросов, чуть далее, над впадающим в Мораву потоком, группа женщин занималась стиркой, детвора же бросала в воду камешки и гонялась за собаками. Когда они проезжали мимо женщин, те провожали их взглядами, выпрямляя спины и вытирая лбы руками, блестящими от мыльной воды. Между повозками стелился дым и смрад, грустно мычали коровы в ограде. Немного порошило снегом.

– Туда. Та хата.

Перед хижиной стоял молодой, худой и бледный мужчина, выливая помой из ведра. При их появлении он поднял голову. Лицо у него было настолько жалкое и несчастное, что он мог бы позировать для иллюстрации в церковном служебнике для раздела об Иове.

– Вы нашли! – крикнул он с надеждой. – Нашли медика. Это чудо явленное, за которое благодарность Всевышнему. Слезайте, господин, поскорее!

– Настолько спешное дело?

– Наш гейтман... – худой юноша упустил ведро. – Наш главный гейтман заболел. А цирюльника у нас нет...

– Так ведь был же, – припомнил Рейневан. – Звали его брат Альберт. – Вполне пристойным был медиком...

– Был, – достаточно мрачно поддакнул подгейтман Ян Плуг. – Но когда мы недавно папских пленников огнем прижигали, то он начал заступаться, кричать, что это не по-христиански и что так нельзя... Так гейтман взял да обухом его пощупал...

– А меня тут же после похорон фельдшером сделали, – пожаловался худой юноша. – Сказали, что я ученый и справлюсь. А я настолько грамотный, что у аптекаря в Хрудиме лишь карточки выписывал да к бутылочкам приклеивал... В лечении ни бум-бум... Говорю им, а они свое, – дескать, ты ученый, справишься, медицина – дело несложное: кому на небо, тому и так Бог святой не поможет, а кому еще жить, тому и наихудший лекарь не помешает...

– Но когда самого гейтмана недуг схватил, – встрял второй из Сироток, – то-таки приказал стремглав лететь и лучшего медика искать. Воистину, поспособил нам Господь, что мы вас так живо нашли. Гейтман муки тяжкие терпит. Сами увидите.

Рейневан сначала почувствовал, чем увидел. Под низким потолком дома висел запах настолько отвратительный, что едва не валил с ног.

На сбитой из досок лежанке лежал крупный мужчина, лицо которого было полностью мокрым от пота. Рейневан знал и помнил это лицо. Это был Смиль Пульпан, ныне, как оказалось, главный гейтман Сироток из Находа.

– А чтоб меня пули... – Смиль Пульпан слабым голосом дал знать, что узнал его тоже. – Немецкий докторишка, гейтманский любимчик... Что ж, на безрыбье и рак рыба... Поди-ка сюда, знахарь. Кинь глазом. Но только не говори мне, что не сумеешь это вылечить... Не говори этого, если тебе дорога собственная шкура.

В принципе сама вонь должна была подготовить Рейневана к самому худшему, но не подготовила. На внутренней стороне бедра Смиля Пульпана, опасно близко к паху, было что-то. Это что-то было величиной с утиное яйцо, сине-черно-красного цвета и выглядело более чем ужасно. Рейневану приходилось видеть такие вещи и иметь с ними дело, тем не менее он не смог побороть рефлекторное чувство отвращения. Ему стало стыдно, но лишь перед собой. Реакция была настолько незначительной, что остальные этого не заметили.

– Скажите, господин, что это? – тихо спросил аптекарь из Хрудима, фельдшер по случаю и принуждению. – Не чума часом? Страшный чирище... И в таком месте...

– Это точно не чума, – уверенно заявил Рейневан, желая, однако, сначала удостовериться на прикосновение, не почувствует ли характерного для гнойного воспаления хлюпанья.

Не почувствовал. Пульпан резко взвыл, выругался.

– Это, – с уверенностью поставил диагноз Рейневан, – *carbunculus*, который еще называют чирь совокупный. Сначала было несколько небольших прыщиков, правда? Которые быстро увеличивались, превращались в узлы с желтоватым гнойничком на верхушке, которые лопались и сочили гной? Чтобы в итоге срастись вместе в один большой, очень болезненный отек?

– Вы, как будто, – аптекарь сглотнул слюну. – Как будто присутствовали при этом...

– Что вы уже применяли?

– Э-э-э... – Юноша заикнулся... – какие-то припарки... Бабки принесли...

– Выдавливать пробовали? – Закусил губу Рейневан, потому что ответ уже знал.

– А пробовал, мать его, пробовал, – застонал Пульпан. – Я чуть, зараза, не подох от боли...

– Я думал гной выдавить... – нервно пожал плечами аптекарь. – А что было делать?

– Резать.

– Не позволю... – прохрипел Пульпан. – Не дам себя калечить... Вам бы только резать, резники.

– Хирургическое вмешательство, – Рейневан раскрыл сумку, – необходимо. Только таким образом можно вызвать полный *abscessus* гноя.

– Не дам себя кроить. Уж лучше выдавливание.

– Выдавливание не поможет. – Рейневан не хотел говорить, что оно просто навредит, поскольку знал, что Пульпан не простит хрудимскому аптекарьчику профессиональную ошибку и будет мстить. – Карбункул надо вскрыть.

– Белява... – Пульпан резко схватил его за рукав. – Поговаривают про тебя, что ты чародей. Так что сними с меня эту порчу, сделай какое-то заклинание или отвар волшебный... Не калечь меня. Не пожалею золота...

– Золотом я тебя не вылечу. Операция крайне необходима.

– Хрен вам, необходима! – крикнул Пульпан. – Что, заставишь меня? Здесь гейтман я! Я тебя... Я приказываю! Врачу! Меня чарами и лекарами чудодейственными! С ножом не подходи! Только тронь меня, знахарь сраный, – прикажу разорвать лошаадьми! Эй, люди! Стража!

– Дальнейшее разрастание карбункула, – Рейневан встал, – грозит очень серьезными последствиями. Говорю тебе это, чтоб ты знал. Остальное – это твое решение, твоя воля, твое желание. *Scienti et volenti non fit injuria*.⁶⁶

– Ты мстишь, латинский вышкребок, – прохрипел Пульпан. – За то дело. За прошлый год, за Силезию, за Франкенштейн, за монахов, которых мы тогда прикончили... Я видел, как ты тогда на меня смотрел... С какой ненавистью... Сейчас отыгаться хочешь...

Подгейтманы и сотники, которые на крик вошли в избу, смотрели исподлобья на Рейневана. Потом покрутили носами, покашляли.

– Я это... гейтман, не знаю, – пробормотал один. – Но это, так мне кажется, само не пройдет. Надобно бы чего-то с этим делать...

– Зачем мы, – заворчал Ян Плуг, – медика искали и привезли? За зря?

Пульпан застонал, упал на подушки, пот обильно покрыл ему лоб и щеки.

– Не выдержу... – выдохнул он наконец. – Ладно, давай, пускай этот коновал делает, что должен делать... Лишь не оставляйте меня с ним сам на сам, братья, смотрите за его руками и ножиком... Чтоб не зарезал меня, нечестивец, или не обескровил... И горилки мне принесите... Горилки, живо!

– Горилка, – Рейневан засучил рукава, подушечкой пальца проверил острие ножа, – и в самом деле будет нужна. Но для меня. В твоём состоянии, Пульпан, медицина запрещает употребление спиртного.

– Заживление и рубцевание продлится минимум неделю, – поучал Рейневан фельдшера-аптекаря, заканчивая упаковывать сумку. – Все это время больной должен лежать, а за раной нужно ухаживать. Пока не затянется, использовать компрессы.

Аптекарь торопливо покивал головой. С его лица не сходило глуповатое выражения удивления и обожания. Это выражение украсило лицо юноши сразу после того, как Рейневан закончил операцию. И исчезать не собиралось.

Рейневан далек был от того, чтобы заноситься, но стыдиться за операцию ему в самом деле не приходилось. Хотя, принимая во внимание величину карбункула, сечения должны были быть глубокие и сделанные накрест, обезболить же пациента магически при свидетелях он не отважился, операция прошла почти молниеносно. Смир Пульпан успел только вскрикнуть и потерять сознание, тем самым значительно облегчая удаление гноя и обработку раны. Один из наблюдающих сиротских сотников не сдержался и облевался, но остальные награ-

⁶⁶ Тому, кто знает и хочет, не на что жаловаться (лат.).

дили ловкость и умелость хирурга полным признания бормотанием, а Ян Плуг под конец даже фамильярно потрепал его по плечу. А аптекарь только вздыхал от удивления. К сожалению, становилось ясно, что ни на что большее с его стороны нельзя было рассчитывать.

– Ты говорил, что перед этим вы применяли припарки. Приготовленные женщинами.

– Так точно, пан медик. Бабы готовили. А накладывала одна такая... Эльжбета Донотек. Позвать?

– Позови.

Эльжбета Донотек, женщина на вид неполных двадцати лет, имела волосы цвета льна и голубые, как у незабудки, глаза. Она была бы необычайно красивой, если бы не обстоятельства. Ибо была она женщиной в гуситских войсках, женщиной переходов, отступлений, побед, поражений, жары, холодов и слякоти. И непрерывного изнуряющего труда. И выглядела, как и все остальные. Одевалась во что попало, лишь бы понадежней, светлые волосы прятала под серым толстым платком, а ладони имела красные от холода и потрескавшиеся от влаги. И при всем этом, о чудо, лучилось от нее что-то, что можно было бы назвать достоинством. Самоуважением. что-то, что просилось на ум и язык как *das ewig Weibliche*.⁶⁷

Рейневан пришел к выводу, что фамилию уже он слышал. Но женщину видел впервые.

– Ты делала гейтману компрессы? Из чего?

Эльжбета Донотек подняла на него глаза незабудок.

– Из тертого лука, – ответила она тихо. – И из растолоченных березовых почек...

– Ты что-то понимаешь в лечении? И в зелье?

– Что там понимать... То, что любая баба в селе знает. Да и не помогли ничем те компрессы...

– Неправда, помогли, – возразил он. – Причем много. Теперь снова ему поможешь. После снятия повязки на рану надо будет прикладывать клейстер из семян льна. Хотя сейчас весна, но на болотцах уже должна быть ряска. Делай компрессы из выдавленного сока. Попеременно: раз клейстер, раз ряска.

– Хорошо, паныч Рейневан.

– Ты знаешь меня?

– Слышала, как о вас говорили. Бабы говорили.

– Обо мне?

– Два года тому... – Эльжбета Донотек отвела глаза, но только на минуту. – Во время рейда на Силезию. В городе Злоторыя. В приходской церкви.

– Ну?

– Вы с друзьями не позволили обидеть Богородицу.

– Ах, об этом... – удивился он. – Неужели это происшествие приобрело такую известность?

Она долго смотрела на него. Молчала.

– Это происшествие, – ответила она наконец, медленно выговаривая слова, – произошло. И только это важно.

«Донотек, Эльжбета Донотек», – мысленно повторял он, едучи рысью на север, опять в направлении Гауношовиц.

«что-то болтали о ней, – припоминал он. – какие-то сплетни были».

О женщине, пользующейся большим уважением среди сопровождавших Сироток женщин, о прирожденной предводительнице, с мнением которой считались даже некоторые гуситские гейтманы. Была также, связывал он сплетни, во всем этом какая-то тайна, была любовь

⁶⁷ вечная женственность (нем.).

и смерть, большая любовь к кому-то погибшему. К кому-то, кого никто уже не заменит, кто оставил по себе только вечную пустоту, вечную скорбь и вечную незавершенность.

«История, как со страниц Кретьена де Труа, – думал он, – как из-под пера Вольфрама фон Эшенбаха». Совсем не соответствующая сермяжному виду ее героини. Совсем не соответствующая. И поэтому, наверное, правдивая.

Ветер от Снежника обдувал ему лицо, несколько сглаживая стыд, который он почувствовал, когда она говорила о происшествии в злоторыйском храме, о деревянной Мадонне. Скульптуре, на защиту которой он, действительно, стал, но не по собственной инициативе, а лишь следуя примеру Самсона Медка. И не ему предназначен был почет за этот случай. И признание в глазах такой личности как Эльжбета Донотек.

За Ганушовицами тракт поворачивал и вел на запад. Все сходилось. От Мендзылеского перевала, как он подсчитал, отделяла его миля с гаком, он надеялся добраться туда до наступления ночи. Пришпорил коня.

Его догнали на десяти конях, окружили, стянули с коня, связали. Протесты ничего не дали. Они ничего не говорили, его, когда он продолжал протестовать и требовать объяснений, утихомирили ударами кулаков. Повезли его назад в лагерь Сироток. Связанного бросили в пустой хлев, ночью он чуть не околел там от холода. Когда звал, никто не реагировал. Утром выволокли, полностью окоченевшего повели, не жалея пинков, на постой главного гейтмана. Там ждал Ян Плуг и несколько других уже знакомых ему сиротских начальников.

Случилось то, что Рейневан предчувствовал. Чего боялся.

Внутри, на лежанке, почти в той самой позе, в какой он оставил его после операции и перевязки, опочивал Смил Пульпан. Только твердый. Абсолютно покойный и тотально мертвый. Лицо, белое, как творог, жутко обезображивали вытарашенные, едва не вылезшие из глазниц глаза. И гримаса губ, скривившихся в еще более жуткую ухмылку.

– Ну, и что ты на это скажешь, медик? – хрипло и враждебно спросил Ян Плуг. – Как нам такую медицину объяснишь? Сможешь объяснить?

Рейневан проглотил слюну, покрутил головой, развел руки. Он приблизился к лежанке с намерением поднять попону, покрывающую труп, но железные руки сотников тут же его осадили.

– Нет, браток! Следы преступления ты бы рад замести, но мы тебе не дадим. Ты его убил и ответишь за это.

– Что с вами? – дернулся Рейневан. – С ума сошли? Какое убийство? Это ж абсурд. Вы же все присутствовали при операции! Жил после нее и хорошо себя чувствовал. Вскрытие карбункула никоим образом не могло вызвать смерть! Позвольте проверить...

– Ты просчитался, колдун, – оборвал его Плуг. – Думал, что сойдет тебе с рук. Но брат Смил очнулся. Кричал, что его жжет в легких и кишках, что боль ему голову разламывает. И перед кончиной обвинил тебя в магии и отравлении.

– Это безумие!

– А я сказал бы, что умно. Ты ненавидел брата Смила, это все знают. Выпала возможность, и отравил горемыку.

– Вы же были при операции! Ты тоже был!

– Ты чарами затуманил наши взоры! Знаем, что ты колдун и чародей. Имеются свидетели.

– Какие свидетели? Чего свидетели?

– Выяснится на суде. Взять его!

Столпившееся на майдане собрание Сироток гудело, как улей, как рой шмелей.

– Зачем этот суд? – орал кто-то. – К черту этот цирк. Жалко времени и сил. Петлю отравителю. Повесить его на дышле.

– Колдун! На костер его!

– Филистимлянин! – одетый в черное проповедник со смешной козлиной бородкой подскочил поближе и плюнул Рейневану в лицо. – Мерзость Молоха! Отправим тебя в ад, гадина. В вечный огонь, подготовленный дьяволу и его ангелам!

– Забить немца!

– Цепами его! Цепами!

– Замолчите! – загремел Ян Плуг. – Мы Божьи воины, все должно быть по Божески! Справедливо и как подобает! Не бойтесь, смерть нашего брата и гейтмана будет отомщена, не сойдет с рук. Но в рамках порядка! По приговору нашего революционного трибунала. Доказательства есть! Свидетели есть! Ну-ка, вызовите свидетелей!

Толпа ревела, выла, потрясала рогатинами и серпами.

Первым свидетелем, вызванным перед лицо суда, был аптекарь из Хрудима, белый, как пергамент, и весь трясущийся. Когда он давал показания, голос его дрожал, зубы стучали. «Разрез нарыва, – сказал он, тревожно пялясь на революционный трибунал, – подсудимый Белява совершал вопреки четкой воле гейтмана Пульпана, и совершал его с чрезмерной грубостью и негожей лекаря жестокостью. Во время операции подсудимый что-то бормотал себе под нос, несомненно, ворожил. Вообще, все, что делал подсудимый, он делал так, как обычно делают чернокнижники».

Толпа ревела.

Свидетелей, недостатка в которых нет в этом мире, нашлось еще пару.

– Поведал мне один... Я забыл кто, но помню, что в прошлом году это было, как раз перед постом. Поведал мне, что этот вот Белява под Белой горой Неплаха вылечил. Чарами! Все говорили, что чарами!

– Мне, высокая комиссия, известно, что этот Белява с дьяволом в сговоре, что дьяволом чарам научен, которыми в игре в кости обманывает. Рассказывал мне это один сотник от брата Рогача, который собственными глазами видел. Два года тому назад это было, осенью... А может зимой? Того я не знаю... Но обвиняю!

– Я видел, клянусь могилой брата Жижки, как вот этот вот Белява во время прошлогоднего рейда на Силезию поссорился с нашим преподобным Пешекком Крейчежем, что-то там о папских суевериях. как-то так странно тогда Белява на преподобного посмотрел, никак порчу напустил. И что? Умер в результате этой порчи брат Пешек, сгинул мученической смертью чуть позже!

– Не чех он, знамо дело, братья трибуналы, не наш, а немец! Я слышал, как поговаривали в Градке Кралове, что это шпик католический. Засылают меж нам паписты тайных злодеев, чтобы наших гейтманов коварно убивали. Вспомните-ка пана Богуслава из Швамберка! А давайте вспомним брата Гвезду!

– А я слышал, высокая комиссия, что этот Белява связан с пражанами со Старого Города! А кто такие старогородцы? Предатели Чаши, предатели магистра Гуса, предатели Четырех стаетей! Вавилонского Люксембуржца хотят на чешский трон вернуть! Наверняка этого Беляву старогородцы заслали, чтобы гейтмана погубил.

– Смерть ему! – ревела толпа. – Смерть!

Приговор, ясное дело, мог быть только один и был вынесен молниеносно. Ко всеобщей и дикой радости находских Сироток Рейневан Белява, чародей, отравитель, предатель, немец, шпик католический и засланный Старым Городом наемный убийца, был признан виновным во всех предъявленных ему деяниях, в связи с чем революционный трибунал приговорил его к смерти через сожжение живьем на костре. Право обжалования не было предоставлено простым способом: не успел Рейневан открыть рот для протеста, как несколько пар сильных рук схватили его и повели, сопровождаемые ревушей толпой, на окраину лагеря, где высилась заранее сложенная порядочная куча бревен и хвороста. кто-то выкатил большую воняющую капустой

бочку, кто-то постарался о днище, молотке и гвоздях. Рейневана подняли и силой затолкали в бочку. Он рвался и орал так, что едва его легкие не полопались, но его крик тонул среди воя разгоряченной черни.

что-то оглушительно бабахнуло. А воздух заполнился чадом порохового дыма. Скопление отступило, дав тем самым Рейневану возможность увидеть, что случилось.

Со стороны лагеря заехал странный кортеж, состоящий из трех боевых телег. Экипаж одной из них составляли десяток женщин самого разного возраста, от подростков до старух. Все, кроме ездовых, были вооружены пищалями, хандканонами⁶⁸ и гаковницами. Со второй повозки, на которой сидели четыре женщины, зловеще выглядывало жерло ствола десятифунтовой бомбарды. Это, собственно, из нее мгновение тому выстрелили сильным, но холостым пороховым снарядом: в облаке дыма, кружась, как хлопья снега, все еще опадали обрывки пыжа.

На третьей повозке, в сопровождении двух женщин и какого-то накрытого покрывалом устройства, стояла Эльжбета Донотек. Она сбросила с плеч тулуп, а с головы платок, и теперь, голубоглазая, с развевающимися и разметанными льняными волосами, напоминала Нику, ведущую народ на баррикады. Однако ее смертельно серьезное и грозное лицо вызывало связь скорее с рассвирепевшей эринией Тисифоной.⁶⁹

– Что это значит? – заревел, стирая с лица крупички пороха, Ян Плуг. – Что это значит, уважаемая пани Донотек? Развлечение? Маскарад? Бабы выходки? Кто вам, девки, позволил оружие трогать?

– Идите отсюда, – как бы его не слыша, громко сказала Эльжбета Донотек. – Живо. Тут же. Не будет никакого сожжения. Баста.

– Наглая баба! – закричал козлобородый проповедник. – Ты забыла в гордыне Иезавель!⁷⁰ Сгоришь в огне вместе с филистимлянином. А перед этим полакомишься кнутом.

– Идите себе отсюда. – Эльжбета Донотек и на него не обратила внимания. – Идите, христиане, Сиротки, добрые чехи. На колени станьте, на небо воззрите, Богу помолитесь, Господу нашему Иисусу и святой Его Родительнице. В души свои загляните. Подумайте о Судном дне, который близится. Покайтесь, вы, которые не знаете пути мира, которые соделали свои пути нечестными. Пять лет я смотрела, как вы уничтожали в себе то, что доброе, как гребали то, что человеческое, как превращали этот край в могильник. Смотрела, как вы убивали в себе совесть. С меня хватит, больше не позволю. С надеждой, что не все еще в себе вы поубивали. Что хоть какая-то кроха осталась, хоть что-то маленькое, что следует спасать от уничтожения. Поэтому идите себе отсюда. Пока я добрая.

– Пока ты добрая? – насмешливо крикнул Плуг, подбочившись. – Пока ты добрая? А что ты нам сделаешь, баба? Из пушки холостым ты уже стрельнула. Дальше что? Юбку задерешь и сраку выставишь?

Женщины на повозках как по команде зацепили крючья ружей за борт. А Эльжбета Донотек, она же эриния Тисифона, быстрым движением сдернула покрывало с устройства, возле которого стояла. Ян Плуг невольно отпрянул на шаг назад. А вместе с ним и вся толпа. Испуганно загудев.

Рейневан никогда не видел этого пресловутого оружия, только слышал о нем. Реакция толпы его не удивила. На повозке возле Эльжбеты Донотек стояла удивительная конструкция. На дубовой раме и сложном вращательном стеллаже были укреплены друг возле друга двенадцать бронзовых стволов. Все вместе напоминало костельный орган, так это оружие и назы-

⁶⁸ ручная пушка (нем.).

⁶⁹ Эринии – в греческой мифологии богини мести; Тисифона – крылатая эриния с волосами, перевитыми змеями.

⁷⁰ Царская дочь, преследовавшая Божьих пророков и поклоняющаяся языческим божествам. Ее деятельность положила начало падению царства Израильского, а ее имя стало синонимом бесчестия и разврата.

вали. Поговаривали, что «орган смерти» способен в течение одного *Pater noster*⁷¹ выстрелить около двухсот фунтов свинца. В виде острой крупной дроби.

Эльжбета Донотек подняла фитиль, подула на него, воспламеняя тлеющий конец. Увидев это, Сиротки отпрянули еще на несколько шагов, несколько человек споткнулись, некоторые попадали, некоторые начали отступать и украдкой сматываться.

– Идите отсюда, чехи! – повысила голос Эльжбета Донотек. – Паньч Рейневан, оседланный конь ждет! Не трать времени!

Два раза повторять не надо было.

Рейневан не жалел коня. Гнал долиной реки полным галопом, вытянувшись *ventre a terre*,⁷² так что аж галька вылетала во все стороны от ударов копыт. Конь покрылся пеной и уже начинал храпеть, но Рейневан не замедлял бег. Не обманывал себя. Знал, что Сиротки будут преследовать его.

Преследовали. Прошло немного времени, как он услышал за собой далекие крики. Он не хотел, чтобы за ним гнались по открытой местности, держа на виду, поэтому свернул в ивы и лозы, гнал, разбрызгивая болото, не щадя для коня шпор.

Он выскочил на большак, поднялся в стремянах. Преследователи не дали себя сбить с толку, с криками и улюлюканьем они продирались сквозь кустарник. Рейневан сжался в седле и перешел на галоп. Конь храпел, роняя хлопья пены.

На лету он миновал лачуги и пастушьи хаты, местность была знакома, он знал, что уже близко Ганушовиц. Но погоня уже тоже была близко. Громкий многоголосый крик свидетельствовал, что Сиротки его видят. За минуту и он их видел. Самое малое двадцать всадников. Он кольнул коня шпорами. Конь, хоть это граничило с чудом, ускорился. С глухим топотом выскочил на мостик над ручьем.

Со стороны села мчались, как вихрь два всадника. Один, огромного телосложения, размахивал, будто дубинкой, тяжелым фламандским гёдендагом. Второй, на красивом вороном, был вооружен кривым фальшьоном.

Проскочив мимо Рейневана, Самсон и Шарлей с разгону набросились на Сироток. Шарлей двумя размашистыми ударами свалил двух наездников на землю, третий, получивший по лицу, закачался в седле. Самсон лупил гёдендагом попеременно коней и людей, производя страшную суматоху. Рейневан, стиснув зубы, развернул коня. Ему было за что расквитаться. За побои, за плевки, за бочку из-под капусты. Проезжая мимо безвольно шатающегося в седле всадника, он вырвал у него меч, бросившись в кутерьму драки, рубя налево и направо. Когда он услышал, что кто-то выкрикивает библейские цитаты, то по ним распознал предводителя погони, козлобородого ксендза. Он продрался к нему, отбивая удары остальных.

– Дьявольский выродок! – Ксендз увидев его, пришпорил коня и подскочил, вымахивая мечем. – Филистимлянин! Отдаст тебя Господь в мои руки!

Они резко сошлись раз, второй, потом разделили их ошалелые кони. А потом их окончательно разделил Шарлей. Шарлей плевал на честные поединки и рыцарские кодексы. Он заехал проповеднику со спины и мощным ударом фальшьона снес ему голову с плеч. Кровь ударила гейзером. Увидев это, Сиротки остановили коней, отпрянули. Шарлей, Самсон и Рейневан воспользовались этим и поскакали на мостик. Мостик с трудом помещал трех лошадей бок о бок, так что не было опасения, что их смогут окружить. Но преследователей было все еще в добрых три раза больше. Невзирая на понесенные потери, они даже не думали отступать. К счастью, к немедленной атаке они тоже не торопились. Только перегруппировались. Но было ясно, что они не отступятся.

⁷¹ «Отче наш», древняя единица времени – продолжительность молитвы.

⁷² брюхом на земле (*фр.*).

– Долгая разлука, – отдышался Шарлей, – привела к тому, что я уже позабыл. В твоей компании не соскучишься.

– Внимание! – предостерег Самсон. – Атакуют!

Половина Сироток с фронта ударила на мостик, остальные, загнав коней в воду, форсировали ручей, чтобы зайти их с тыла. Единственным выходом было отступить. Причем быстро. Рейневан, Шарлей и Самсон развернули коней и галопом помчались в сторону села, настигаемые диким улюлюканьем погони.

– Не отстанут! – крикнул Шарлей, оглядываясь. – Наверное, не нравишься ты им!

– Не болтай! Ходу!

Ветер завывал в ушах, они выскочили на широкую оболонь⁷³ перед селом. Погоня рассыпалась лавой, с целью их окружить. Рейневан с ужасом понял, что резко начинает отставать, что бег его коня явно слабеет. Что храпящий скакун спотыкается и замедляется. Очень замедляется.

– Мой конь падает! – закричал он. – Самсон! Шарлей! Оставьте меня! Бегите!

– Никак сдурел! – Шарлей остановил и развернул коня. – Никак сдурел, парень.

– Не хочу быть невежливым, – Самсон поплевал на ладонь. – Но ты никак совсем спятил.

Сиротки триумфально закричали, их лава начала суживаться, сжиматься наподобие петли.

И было бы, наверное, совсем худо, если бы не *Deus ex machina*.⁷⁴ Представший в этот день в виде пятнадцати вооруженных до зубов верховых, диким галопом мчащихся со стороны Ганушовиц.

Участники погони остановили коней, в растерянности не очень понимая, кто, что, как и почему. Но боевой клич и блеск поднятых над головами мечей развеяли все их сомнения. И мгновенно лишили воли и желания продолжать состязание. Развернувшись как по команде, находские Сиротки быстро сделали ноги. Новоприбывшие, которые сидели на более свежих лошадях, без труда догнали бы их и разнесли в клочья, но явно не хотели этого.

– Извольте, извольте, как счастливо распорядилась судьба, – сказал, подъехав шагом, Урбан Горн. – Я, собственно тебя ищу, Рейневан, спешу по твоим следам. И хотя случайно, но поспел, как вижу. А если скажу, что поспел вовремя, то не ошибусь?

– Не ошибешься.

– *Salve*,⁷⁵ Шарлей. *Salve*, Самсон. И ты тоже здесь? Не в Праге?

– *Amicus amico*,⁷⁶ – пожал плечами Самсон Медок, играясь гёдендагом и из-под опущенных век всматриваясь в вооруженных людей, которые их окружили. – Когда друг в нужде, спешу на помощь. Стою бок о бок. Невзирая на... обстоятельства.

Горн сходу все понял, рассмеялся.

– *Rax, rax*,⁷⁷ друг друга! Рейневану с моей стороны ничего не угрожает. Особенно сейчас, когда я знаю, что их милость Флютек упокоился под толстым слоем земли. О чем, наверняка, известно и вам. Отправлять Рейневана в Прагу, таким образом, не имеет смысла. Тем более, что мне нужна, просто необходима, помощь Рейневана в замке Совинец, куда я его любезно приглашаю. Очень любезно.

Рейневан и Самсон огляделись. Со всех сторон их оведал смрад лошадиного пота и пар из ноздрей, и мины окруживших их бойцов были достаточно выразительны.

⁷³ луг; пастбище, выгон.

⁷⁴ Бог из машины (лат.).

⁷⁵ Салют (лат.).

⁷⁶ Друг друга (лат.).

⁷⁷ Довольно, хватит (лат.).

– Пребывание в Совиньце, – Горн не спуска глаз с Шарлея и руки, которую тот держал на фальшьоне, – может быть полезным и для тебя, Рейнмар. Если тебе и правда дорога память брата.

– Петерлин мертв, – покрутил головой Рейневан. – Я уже ничем ему не помогу. А Ютта...

– Помоги мне в Совиньце, – перебил Горн. – А я помогу тебе с твоей Юттой. Даю слово.

Рейневан посмотрел на Шарлея и Самсона, бросил взгляд на окружающих их всадников.

– Ну, полагаюсь на твое слово, – сказал он наконец. – Поехали.

– Вы, – Горн обратился к Шарлею и Самсону, – можете податься, куда ваша воля. Советовал бы, однако, поспешить. Те могут вернуться. С подмогою.

– Моя воля, – процедил Шарлей, – ехать с Рейнмаром. Распространи же и на меня твое любезное приглашение, Горн. Да, кстати, благодарю за спасение.

– Не удастся, вижу, разделить друзей. – Урбан Горн развернул коня. – Что ж, приглашаю в Совинец. Тебя тоже, Самсон. Ведь ты тоже не отступишься от Рейневана. *Vero?*⁷⁸

– *Amicus amico*, – улыбнулся Самсон. – *Semper.*⁷⁹

Горн поднялся в стремях, посмотрел в сторону реки, вслед недавней погони, от которой вообще-то и следа не осталось.

– Находские Сиротки, – сказал он серьезно. – Еще недавно полевая армия, а сейчас банда, которая шатается по стране и сеет страх. Вот такие последствия имеет затянувшаяся отстрочка военных действий, вот как вреден мир. Самое время на войну, господа, в рейд. А по пути надо будет попросить братьев Коудельника и Чапека, чтоб они обратили внимание на этого Пульпана. Чтобы слегка укоротили ему поводок.

– Не надо будет просить. Пульпан... Хмм... Нету уже Пульпана.

– Что? Как это? Каким образом?

Рейневан рассказал каким образом. Урбан Горн слушал. Не прерывал.

– Я знал, – сказал он, выслушав, – что твоя помощь будет мне необходима. Но не представлял, что так сильно.

⁷⁸ Правда? (лат.)

⁷⁹ Навсегда (лат.).

Глава шестая,
в которой в моравском замке Совинец наши герои
убеждаются, что всегда, в любой ситуации,
обязательно надо иметь в запасе аварийный план. И в
соответствующий момент его из запаса вытащить.

Из-за зарешеченного окна башни, с подворья, доносились ругань, ржание коней и металлический стук подков. Совинецкие бургманы, в соответствии со своим частым обычаем, выезжали, чтобы патрулировать перевал, проверить окрестности и заняться вымогательством у местного населения. Уже неизвестно в который раз дико и самозабвенно пел петух, орала на своего мужа одна из проживающих в замке жен. Пронзительно блеял ягненок.

Бруно Шиллинг, бывший Черный Всадник, а ныне дезертир, ренегат и узник, был немного бледен. Бледность, однако, была вызвана, скорее всего, перенесенной недавно болезнью. Если Бруно Шиллинг и боялся, то умело это скрывал. Он сдерживался от того, чтобы вертеться на табурете и бегать взглядом от одного следователя к другому. Но не избегал контакта глазами. «Горн был прав, – подумал Рейневан. – Правильно его оценил. Это не какой-то тупой бандюга, это тертый калач, стреляный воробей и ловкий пройдоха».

– Начинаем, жалко времени, – сказал Урбан Горн, – положив руки на стол. – Так, как прежде, как уже было принято: сжато, по-деловому, по теме, без никаких «я это уже говорил». Если я о чем-то спрашиваю, ты отвечаешь. Ситуация простая: я допрашиваю, ты – допрашиваемый. Так что не выходи из роли. Это понятно?

Ягненок на подворье наконец-то перестать блеять. А петух петь.

– Я задал вопрос, – напомнил сухо Горн. – Я не намерен догадываться, каковы твои ответы. Будь, таким образом, настолько любезен, давать их, каждый раз, когда спрашиваю. Начиная с этой минуты.

Бруно Шиллинг посмотрел на Рейневана, но быстро отвел взгляд. Рейневан не утруждал себя, чтобы скрывать неприязнь и антипатию. Вообще не старался.

– Шиллинг.

– Ясно, господин Горн.

– Не вижу смысла в этих допросах, – повторил Рейневан. – Этот Шиллинг – это обычный бандит, душегуб и убийца. Ассасин. Такого посылают на мокрое дело; указав жертву, такого спускают с поводка, как гончего пса. И только для таких дел использовал его Грелленорт. Я исключаю, что он был с ним доверительным и раскрывал ему тайные дела. Мое мнение таково, что этот тип знает ровно ноль. Но будет крутить, будет выдумывать, будет кормить тебя баснями, будет корчить из себя прекрасно проинформированного. Потому что отдает себе отчет, что только такой он представляет для тебя какую-то ценность. А почувствовал он себя уверенно из-за твоего к нему отношения. Скорее, как к гостю, чем как к заключенному.

За окном слышалось уханье кружащих вокруг башни сов и пугачей, которых в окрестностях, казалось, целые тучи. Имело это и свои хорошие стороны – мышей и крыс здесь никто бы не увидел. Недоеденный с вечера и оставленный возле кровати ломоть хлеба или оладья утром на завтрак были как находка.

– Ты, Рейнмар, – Горн бросил псу обглоданную кость, – являешься знатоком в медицине и магии. Потому что учился и практиковался. За твои советы благодарю, но пусть каждый из нас останется при своей специальности и делает то, что у него лучше всего получается. Хорошо?

– Как ты справишься с этим ренегатом, того мне не ведомо. – Рейневан посмотрел на вино в свете фонаря. – Но у меня предчувствия не самые лучшие. Ну, коль настаиваешь, советовать и подсказывать больше не буду. Для чего же, в таком случае, если не для советов, я тебе нужен?

Горн принялся обгрызать другую кость. Шарлей и Самсон последовали его примеру. Никто, ни великан, ни демерит в дискуссию не вступали.

– Шиллинг, – Горн на мгновение прервал грызть, – рассказывает о замке, который называют Сенсенберг, о штабе и тайнике Черных Всадников. Говорит о чарах и заклятиях, об эликсирах, о магических наркотиках и ядах. Я в этом не очень разбираюсь, а он это заметил. Ты ошибаешься, считая его тупым бандитом, это хитрый лис и внимательный наблюдатель. Он видел, что я отослал тебя под эскортом, считает, что ему уже не надо тебя бояться. Но когда сейчас вдруг увидит, что ты принимаешь участие в моих допросах, он испугается. И хорошо. Пускай у него от страха немного в животе похолодеет. Ты же демонстрируй ему ненависть. Показывай враждебность.

– В этом мне не придется притворяться.

– Только не перестарайся. Я уже тебе говорил: фанатизм хорош для темных масс, нам же – людям более высоких материй, он не приличествует. Бруно Шиллинг приложил руку к убийству твоего брата. Но если ты помышляешь о мести, то он, парадоксально, но поможет тебе в ней. Сведениями, которые нам предоставит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.